

• книга нашего детства •

ЗДЕНЕК КАРЕЛ
СЛАБЫЙ

ТРИ БАНАНА,

или
ПЁТР
НА СКАЗОЧНОЙ
ПЛАНЕТЕ

ЗДЕНЕК
КАРЕЛ
СЛАБЫЙ

**ТРИ
БАНАНА**

ИЛИ
ПЁТР
НА
СКАЗОЧНОЙ
ПЛАНЕТЕ

ПЕРЕВОД
С
ЧЕШСКОГО
СТАРХОНОВСКОЙ

РИСУНКИ
НАНТОКОВСКОЙ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

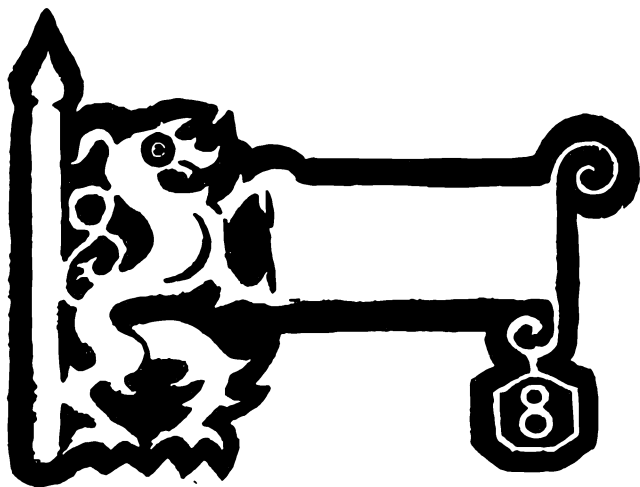
САМОКАТ
МОСКВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Зденек Слабый лихо играет с жанрами, свободно соединяя их в произвольных пропорциях, и при чтении никогда не догадаешься, что тебя ждёт за следующим сюжетным поворотом. Не все это знают, но именно Слабому принадлежит идея и самая первая глава остроумнейшей сказочно-детективной истории для детей «от 6 до 106 лет», издававшейся у нас под названием «Тайна рыжего кота», к которой приложили руку писатели из десяти стран мира. А уж «Три банана»!.. Поистине нужно обладать настоящим большим талантом, чтобы из фантастики, сказки, весёлого абсурда и даже мистики приготовить такое аппетитное блюдо, что просто пальчики оближешь! Хотя по ней и снят популярный мультфильм, книга про отважного мальчика Петра и зловещую Чёрную даму издавалась у нас только однажды, и долгое время её практически невозможно было достать, а букинисты за выдавший виды, до дыр зачитанный экземпляр заламывали баснословные суммы. Это очень здорово, что фантастическую сказку об удивительном путешествии за тремя бананами нам решили вернуть люди из издательства «Самокат». Им ли не знать, что самокат — лучшее средство передвижения! И по суше, и по морю, и даже по воздуху! Не верите? Тогда прочтите историю, придуманную замечательным чешским писателем, и вы обязательно в этом убедитесь.

Алексей Копейкин,
главный редактор интернет-сайта BiblioГид.ру

НАЧИНАЕМ В ЛИФТЕ

— Ну скажите, пожалуйста, товарищ автор, разве можно начать вашу сказку в лифте, если он не работает?

— Не работает?

— Конечно, нет. Он испортился. Надо сменить тросы, смазать механизм и ещё... сам не знаю что.

— Вы, кажется, член домового комитета? Почему же вы не вызвали монтера, чтоб он исправил лифт?

— Я вызывал, но до нашего дома на Сказочной улице, номер восемь, очередь дойдёт только через четырнадцать дней. До нас ещё тринадцать испорченных лифтов. Их тоже нужно отремонтировать.

— — — (Эти три чёрточки означают, что я молчу. И думаю.)

— Вот видите, товарищ автор: мы не можем начать в лифте.

— — — (Я продолжаю размышлять.)

— Давайте начнём её в каком-нибудь другом месте.

— Но где?

— Ну, хотя бы... хотя бы на лестничной клетке. Да, начните на лестнице — и дело с концом.

— Нет, ничего не выйдет. Для моей истории лестница совсем не подходит. Мне нужен лифт.

— А что, если снять надпись «НЕ РАБОТАЕТ»?

— Этим мы лифту не поможем. Знаете, я, кажется, что-то придумал. А что, если я сам позову кого-нибудь, кто мог бы исправить лифт?

— Кого же?

— Ну, например, водяного... (Но водяной у меня сразу вызывает сомнения.)

— Что вы — водяного!.. Разве нам нужно чинить водопроводный кран?

— Ну тогда ведьму-полудницу... (Нет, это, кажется, тоже не подойдёт.)

— Тогда лифт будет работать только в полдень.

— Или...

— Ну что?

— Или...

— Ну не бойтесь, говорите!

— Или чёрт...

— Но вам придётся продать ему душу.

— Да, вы правы. Тогда не стоит.

— Вот видите.

— Ага, наконец придумал! Как же мне сразу не пришло это в голову?!

— Что именно?

— Позову-ка я Господина в чёрной шляпе...

В дом номер восемь на Сказочной улице вошёл господин с маленькими усиками и в лимонно-жёлтом галстуке-бабочке. На нём была твёрдая чёрная шляпа, длинное чёрное пальто и лимонно-жёлтые туфли. В руке он держал небольшую трость с серебряным набалдашником.

Господин в чёрной шляпе шёл медленно и задумчиво. Он делал маленькие, плавные, как в танце, шаги и что-то мурлыкал себе под нос. Остановившись перед лифтом, он бросил взгляд на надпись «НЕ РАБОТАЕТ».

Потом полез в карман чёрного пальто, вытащил замусоленную тетрадь в чёрном переплёте и начал её листать. При этом он бормотал:

— Лабиринт... лагерь (пионерский?)... лакомка... леденец... лентяй... лестница-стремянка, лестница винтовая... лимонад (ага, с мороженым)... лист (бумаги)... лифт. Да, вот оно: лифт, или подъёмная машина, или подъёмник.

И он начал читать.

Как раз в это время из школы возвращался Пётр Панек, ученик второго «Б» класса девятилетки на Школьной улице. Он спешил, потому что договорился встретиться с остальными искрами¹ из своей звёздочки после обеда, а ему ещё надо было выучить уроки.

Пётр зашёл в дом номер восемь на Сказочной улице и увидел странного человека перед лифтом. Мы уже знаем, кто это был, но Пётр ещё никогда не видел Господина в чёрной шляпе. Чтобы тот его не заметил, он спрятался в нише под лестницей (интересно всё-таки, заметил он его или нет), положил портфель с учебниками на пол и притих, как мышонок.

Что же он увидел?

Господин в чёрной шляпе захлопнул тетрадь, засмеялся блеющим смехом и тихо сказал (но Пётр хорошо его слышал):

— Гм, гм...

Может, зря не тратить краску —
Кто теперь поверит в сказку?

Нет, я обещал, что лифт будет работать. Значит, он будет работать. Но... — И он снова как-то по-особенному засмеялся. Потом опять полез в карман, и в его руке очутились кисть и пузырёк с жёлтой жидкостью. На бутылочке была надпись:

КРАСКА-НЕВИДИМКА

Он насадил кисточку на трость, обмакнул её в жёлтую жидкость и смазал две первые буквы надписи.

¹ Искрами или искорками называются в Чехословакии октябрьята.

Буквы исчезли. На лифте осталась надпись:

РАБОТАЕТ

Господин спрятал пузырёк в карман и заговорил скороговоркой, размахивая при этом тростью:

Три копыта, две подковы,
Этот лифт поедет снова.
Спутник и салазки,
Этот лифт из сказки. —

Он пожал плечами:

— Что ж поделаешь, я не монтёр, я ведь...

Но остальные слова он пробормотал так тихо, что Пётр их вообще не разобрал.

А Господин в чёрной шляпе продолжал:

Три отвёртки, две маслénки,
И мальчишки, и девчонки,
Если знают слово-смазку,
Попадают прямо в сказку.

Конечно, если они будут знать, как это сделать, — добавил он. И исчез.

Пётр вытаращил глаза, а потом бегом подбежал к лифту. Господина нигде не было. Осталась только надпись: она утверждала, что лифт работает.

Был здесь человек с тростью и странными стишками, или это Петру лишь показалось? Как он мог так внезапно исчезнуть?

Здесь что-то не так.

Пётр медленно вернулся в нишу за портфелем.

Вдруг открылась входная дверь и в дом ворвался ветер; он промчался по коридору и взлетел по лестнице вверх. Пётр выскочил из ниши и удивлённо посмотрел на дверь.

Нет, это был не Господин в чёрной шляпе, — это была пани Ржипова со второго этажа. Она с трудом тащила две полные сумки с продуктами. В одной позвякивали банки

с консервами, из другой выглядывали цветная капуста, связка бананов и зелёный лук.

— Я помогу вам, — подбежал к ней Пётр.

— Ты хороший мальчик, — сказала пани Ржипова, переводя дыхание. — Жаль, что лифт не работает. С покупками так тяжело подниматься. (Дело в том, что пани Ржипова была очень толстая.)

— Но, — неуверенно сказал Пётр, — может быть, он работает?..

— Уже исправили? — обрадовалась соседка.

— Не знаю, — признался Пётр. — Но здесь написано...

И пани Ржипова увидела на дверях лифта объявление:

РАБОТАЕТ

— Посмотрим... — сказала она и открыла дверь. — Заходи.

— Спасибо.

Пётр жил на пятом этаже.

Они благополучно поднялись на второй этаж. Пётр помог пани Ржиповой донести сумки до дверей квартиры, выслушал её напоминание: «Не забудь как следует закрыть дверь, когда выйдешь!» — и снова вошёл в кабину лифта.

Он нажал кнопку, на которой стояла цифра «пять». Лифт не двинулся с места. Тогда он нажал кнопки с четвёркой и тройкой, но кабина упрямо стояла. Он хотел выйти, но не смог открыть дверь. И вниз, на первый этаж, лифт тоже не захотел ехать.

Тогда Пётр вспомнил о Господине в чёрной шляпе. И что это за чертовщина такая? Ну что ему делать? Плакать, что ли? Или стучать в дверь? Ну нет, он всё-таки найдёт выход.

Пётр вспомнил стишки таинственного Господина и вполголоса повторил один из них:

Три копыта, две подковы,
Этот лифт поедет снова.
Спутник и салазки,
Этот лифт из сказки.

Лифт ни с места.

Лифт из сказки! Пётр покачал головой. Ну слыхано ли это, чтобы лифт был из сказки! Принцесса, дракон или Баба-яга — это ещё куда ни шло. Но лифт!.. Смех, да и только!

Но он не засмеялся, а на всякий случай повторил и второй стишок:

Две отвёртки, три маслénки,
И мальчишки, и девчонки,
Если знают слово-смазку,
Попадают прямо в сказку.

Лифт и не подумал двигаться.

Однако Пётр сразу почувствовал, когда ещё повторял второй стишок, что здесь что-то не так. Он перепутал слова, но какие?

— Две отвёртки, три маслénки... а сколько их было, этих отвёрток и маслénок? Одна отвёртка и две маслénки? Нет...

И вдруг он вспомнил точно:

Три отвёртки, две маслénки,
И мальчишки, и девчонки,
Если знают слово-смазку,
Попадают прямо в сказку.

Лифт тронулся с места.

В КОСМОС

Сначала он ехал медленно, но потом всё быстрее и быстрее.

Только теперь Пётр понял, что значит конец стишка Господина в чёрной шляпе: «...падают прямо в сказку». Но разве он хочет в какую-то там сказку? Его вполне устраивает пятый этаж!

Однако лифт проехал третий этаж, четвёртый, пятый, шестой, чердак и неуклонно продолжал подниматься, пока

не вылетел через крышу! Вот он уже над домом, и невидимая сила тянет его всё выше и выше.

На улице сразу собралась толпа — внимание всех привлекло такое необычное средство передвижения.

— Это большой бумажный змей, — утверждали одни.

— Что вы, — предполагали другие, — это, несомненно, новая межпланетная ракета!

— Дирижабль, дирижабль — вот что это такое! — упрямо твердил дедушка Прашек.

А лифт тем временем, что бы ни говорили, летел вверх; он поднимался всё выше и на глазах удивлённых жителей Сказочной улицы становился всё меньше и меньше.

— И кто его знает, что это было, — махнула костлявой рукой пани Мразкова и добавила многозначительно: — Теперь каждый день что-нибудь случается!

Но факт остаётся фактом, что на надписи

РАБОТАЕТ

постепенно начали проявляться две стёртые буквы. Сначала они порозовели, потом полиловели, потом посинели и, наконец, совсем почернели.

И надпись снова гласила:

НЕ РАБОТАЕТ

В «Пионерской газете» через несколько дней появилась такая заметка:

МАЛЕНЬКИЙ КОСМОНАВТ

Как сообщает наш пионерский корреспондент Кебрлы, с крыши дома номер восемь по Сказочной улице на Схимове взлетела межпланетная ракета прямоугольной формы. В ней находился ученик второго класса «Б» девятилетки на Школьной улице Пётр Панек. Ходят слухи, что Панек строил свою ракету несколько месяцев на чердаке вышеупомянутого дома.

Это большой успех нашего школьника. Пионерский корреспондент Франтишек Кебрлы кончает своё сообщение призывом:

«Пионеры! Пётр Панек — искра, а совершил такой поступок. Не будем плестись в хвосте. Я призываю читателей „Пионерской газеты“ вступить в соревнование за строительство следующей ракеты, в которой бы мы вслед за искрой Панеком отправились в космос».

— Я ведь тебе говорила: не покупай Петру эти книжки о космосе! — упрекала мужа пани Панкова.

— При чём тут книжки? Он всё время сидел у телевизора. Не сомневаюсь, что по телевизору показывали, как построить ракету.

— Ты ещё скажешь, что я виновата. Если б он читал сказки, ничего бы не случилось!

— Пётр читал сказки!

— В сказках наверняка ничего о ракетах нет. Готова спорить на что угодно, что это у него от робота Эмилиана¹.

— Но что же нам делать?

— Что делать? Достань где-нибудь ракету и отправляйся за ним. — Пани Панкова начала всхлипывать. — Ещё наткнётся на какой-нибудь метеор...

— Ты плохо знаешь Петра. Он и от метеора увернётся.

— А что, если он попадёт на Млечный Путь?

Пан Панек хлопнул дверью и побежал доставать ракету.

СТАНЦИЯ ПЕРЕСАДКИ

А что же делает Пётр?

Он думает:

«Не мешало бы мне иметь скафандр. Но где же взять скафандр в лифте?»

Он просмотрел содержимое портфеля. Ура! Там оказался большой полиэтиленовый пакет от завтрака! Его можно надеть на голову. Это лучше, чем ничего. Он надел пакет на голову и сразу вообразил себя настоящим космическим путешественником.

¹ Робот Эмилиан — популярный персонаж из выходящей в Чехословакии серии «Почему?».

Потом он посмотрел через стекло двери вниз. Прага показалась ему маленьким городком в витрине магазина игрушек. Дома были величиной со спичечные коробки.

А лифт летел всё быстрее.

Влтава теперь казалась синей ленточкой, такой, какую носит в косичке соученица Петра — Штепанка Грубешова.

А лифт всё летит и летит.

Вот облака заслонили Землю, и Петра окружил туман.

— Вот это да! — сказал он. — Ну и будут же мне мальчишки завидовать! Мила Вейсада, тот всё время хвастался, что летал на «Ту-104». А это ведь пустяк по сравнению с летающим лифтом...

Погодите, куда же мы, собственно, летим?

Пётр сел на портфель.

Делать ли ему уроки? Решать ли ему задачки? И вообще, пойдёт ли он в школу? Завтра диктант по чешскому, учительница может сказать, что он не в ладах с безударными гласными!

Раздумывая так, он и не заметил, что лифт давно уже вырвался из облаков и непрерывно набирает скорость.

Дрррр! Вдруг лифт остановился.

Пётр подскочил:

— Что такое, что случилось?

И услышал:

— Станция пересадки! Извольте выйти из кабины.

Выйти из кабины — легко сказать! Но где же Пётр находится? Он выйдет из лифта и может упасть.

А голос продолжал:

— Немедленно выходите из кабины и пересаживайтесь в «Малую Медведицу». Вы здесь не один!

Но Пётр всё не открывает.

— Долго мы будем ждать?

— Уже иду, иду! — проворчал Пётр, взял портфель и вышел.

Вышел, поскользнулся и упал.

Послышался смех.

Пётр поднялся и сердито огляделся. С языка его уже готов был сорваться острый ответ, но он замер.

За ним стояли два высоких и тонких человека в круглых стеклянных шлемах с антеннами и смеялись. Один был в оранжевом, другой в коричневом комбинезоне. Смех доносился до Петра через трубочки в шлемах.

Человек в оранжевом комбинезоне перестал смеяться и сказал:

— Так не отправляются в космос!

Человек в коричневом комбинезоне тоже перестал смеяться и сказал пренебрежительно и ещё более кратко:

— С полиэтиленовым пакетом на голове!

— Я не знал... — виновато ответил Пётр.

— Не знал! Не знал! — в два голоса проговорили они.

— Как же ты будешь ТАМ дышать? — спросил оранжевый человек.

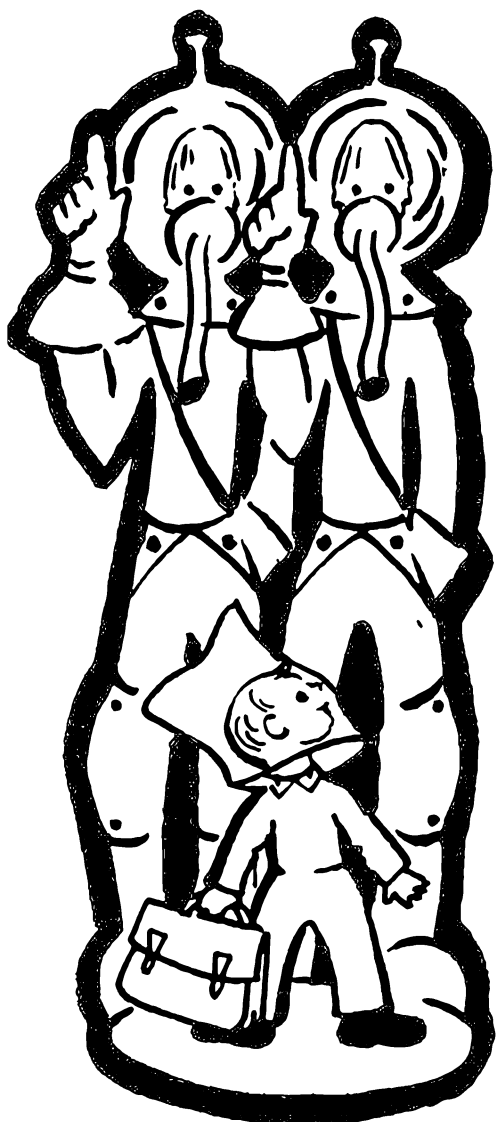
— Как же ты будешь ТАМ жить? — удивился второй человек и показал рукой вверх.

— Я не знаю... — Пётр беспомощно пожал плечами.

— Он не знает! Он не знает! — покачали оба человека стеклянными шлемами.

— Такого здесь не бывало, — обратился оранжевый к коричневому.

Тот махнул рукой:

— Вообще они здесь ещё мало бывали!

— Они совсем неопытные, — сказал оранжевый. — Поможем ему!

— Оденем его! — согласился коричневый. — Пошли!

Они повели Петра в гардеробную, где на вешалках висело множество комбинезонов всевозможных цветов.

— Выбирай!

Пётр показал на ярко-красный.

— Раздевайся! — приказал оранжевый.

— Сначала тебя надо закалить! — добавил коричневый.

Они ввели Петра в круглый зал, приказали ему стать точно посередине и вышли.

Пётр стоял и ждал. И вдруг со всех сторон брызнули струи воды — через секунду он был мокрым с головы до пят. Вода была тёплая и приятная.

Но что это? Вода вдруг стала холодной как лёд!

И снова тёплой. Снова холодной, тёплой, холодной, тёплой, холодной.

Наконец вода прекратилась, вошли оба человека, один бросил Петру мягкую махровую простыню, другой коротко спросил:

— Закалился?

Второй спросил вслед за первым:

— Вытерся?

Пётр кивнул головой.

В гардеробной его одели в красный комбинезон, застегнули «молнии» спереди и сзади, на голову надели стеклянный шар с антеннами и трубкой.

— Отлично! — похвалил оранжевый.

— Теперь можешь сесть в «Малую Медведицу»! — предложил коричневый.

Пётр помедлил, а потом спросил:

— А где мой портфель с учебниками?

— Портфель с учебниками?

— Ты хочешь взять его с собой?

Пётр кивнул.

— Такого здесь ещё не бывало! — обратился оранжевый к коричневому.

— Вообще они здесь ещё мало бывали! — махнул рукой коричневый.

И они оба одновременно пожали плечами.

— Ну что ж, возьми! — кратко разрешил оранжевый. А коричневый сразу же подал ему портфель.

— Спасибо, — попрощался с ними Пётр.

— Пожалуйста, — кивнул коричневый, и они оба ушли.

А Пётр остался стоять перед «Малой Медведицей».

«Малая Медведица» была вся из стекла, лишь на концах и на оглоблях были подвешены сверкающие звёзды. К оглоблям было привязано восемь маленьких ракет. На козлах сидел толстый человек в жёлтом комбинезоне и в остроконечном колпаке. Только входа Пётр никак не мог найти.

— Можно войти? — спросил он вежливо у человека на козлах.

Но тот не обратил на него внимания. Наверное, он не услышал.

— Можно мне войти? — закричал Пётр изо всех сил. Человек в жёлтом комбинезоне, не поворачиваясь к нему, медленно вынул из кармана большие часы и пробормотал себе под нос:

— Отправление через два года.

— Через два года? — испугался Пётр. — И я должен столько здесь ждать?

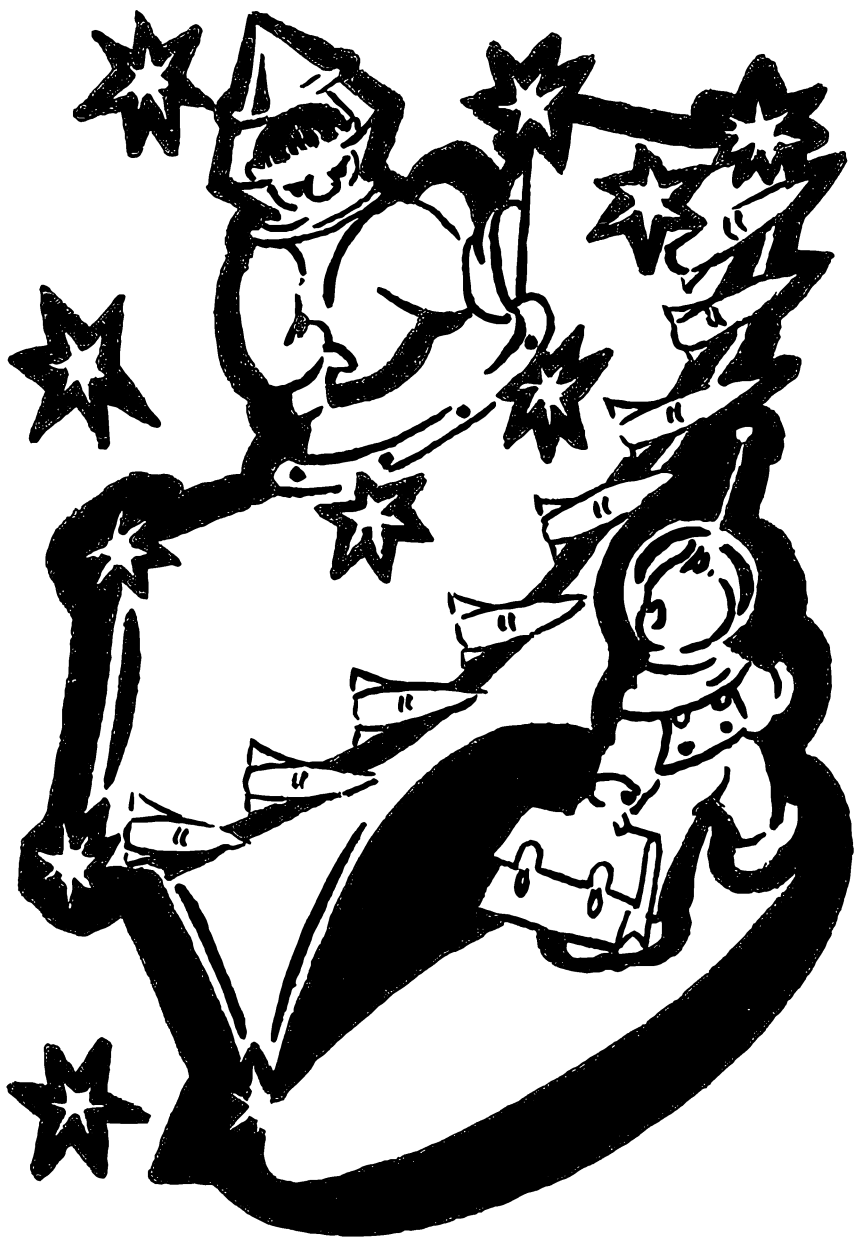
— У нас считают по-другому, — с досадой ответил человек, даже не посмотрев в сторону Петра. И добавил:

Надо знать — два года тут
Вроде двух земных минут.

— Ага, — успокоился мальчик. — Так можно мне войти или нет?

— Если знаешь как, то войди, — спокойно промолвил жёлтый возница. — А я пока разогрею ракетки.

Он вынул из маленького кармашка большую зажигалку и щёлкнул ею у каждой ракеты. В ракетах что-то завывало, они начали вздрагивать, светиться и гудеть. «Малая Медведица» слегка покачивалась.

— Но я не знаю как! — в отчаянии закричал Пётр.
— Не знаешь? — Человек в жёлтом комбинезоне и тут не потерял спокойствия. — Тогда не входи.
— А что же мне делать?
— Ожидать «Большую Медведицу».
— А когда поедет «Большая Медведица»?
— Через шестьдесят лет.

Петру показалось, что возница ухмыляется, но тот, не обращая на него никакого внимания, уже взбирался на козлы. При этом он бормотал:

Я мальчишку не возьму —
Мне неплохо одному!

Тут Пётр не на шутку разозлился:

— Знаете что, я влезу к вам на козлы, и делайте что хотите!

Человек удивился и наконец медленно повернулся к Петру.

— Куда? — спросил он испуганно.

— К вам! — отрезал мальчик.

— На козлы?

— На козлы!

Возчик вытаращил на Петра глаза за стеклом своего остроконечного колпака:

— Такого здесь ещё не случалось!

Мимо шёл человек в коричневом комбинезоне и просто так, мимоходом, бросил:

— Вообще они здесь ещё мало бывали!

Человек на козлах сказал очень быстро:

— Чтобы войти в «Малую Медведицу», надо знать пароль. А пароль такой: «Прими совет: храни секрет...» Но нет, я никому не буду давать советы! — решительно покачал он стеклянным колпаком.

— Тогда я полезу вверх! — начал угрожать Пётр. Человек посмотрел на мальчика укоризненно и медленно закончил:

— Не отпускай вожжей ракет! — и быстро посмотрел на часы. — Отъе-е-езд! — закричал он.

Пётр стремительно выпалил:

Прими совет: храни секрет,
Не отпускай вожжей ракет!

Стеклянная стена «Малой Медведицы» раздвинулась, мальчик вскочил внутрь, стена закрылась, и «Малая Медведица» тронулась с места.

Пётр оглянулся. Он увидел перед гардеробной оранжевого человека и коричневого человека. Коричневый энергично кивнул ему — и тут же к нему лёгким взмахом руки присоединился оранжевый.

Мальчик увидел, что гардеробная, душ и стоянка «Малой Медведицы» находятся на огромной серебряной тарелке, которая просто так висит в воздухе. Он попытался внизу под тарелкой увидеть Землю. Вдали он заметил лишь какую-то зелёно-синюю бусинку, но не был уверен, что это она. Он помахал оранжевому и коричневому комбинезонам, которые быстро уменьшались.

— Кому вы машете? — послышалось за его спиной.

В «МАЛОЙ МЕДВЕДИЦЕ»

Пётр удивлённо оглянулся. За ним на скамейке сидела девочка в лиловом комбинезоне и овальном шлеме.

— Ну, друзьям, — ответил он растерянно.

— У вас здесь есть друзья? — ехидно засмеялась девочка. — Тогда почему они вам не посоветовали, как войти в «Малую Медведицу»?

Пётр не знал, что ответить. Он сделал вид, что интересуется стремительным полётом ракет, тянущих этот стеклянный корабль.

— Вы сердитесь? — спросила девочка. — Это смешно!

— Что смешно? — выпалил он невольно.

— Да вы сами смешны, и довольно-таки сильно. На серебряной тарелке ни у кого нет друзей — это просто станция пересадки.

— Значит, у меня там пересадочные друзья, — отрезал Пётр.

Девочка снова рассмеялась, но уже не так злорадно.

— Где вы выходите? — поинтересовалась она.

— Вон там!

— Как жаль!

— Чего вам жаль?

— Что я еду в Не Там. Мы могли бы поехать вместе. —

В голосе её действительно звучало искреннее сожаление.

— А куда едете вы? (Ему казалось немного глупым, что он на «вы» с такой девчонкой, но ведь он не мог ни с того ни с сего перейти с ней на «ты», если она сама говорила ему «вы».)

— Я? — вздохнула она. — К дяде.

— Гм! А где живёт этот ваш дядя?

— В Не Там.

Пётр подумал: она, наверное, шутит или просто мстит ему за его ответ. Он спросил:

— А можно мне поехать с вами?

— Нельзя.

— А почему нельзя?

— Потому что вы едете в Вон Там.

Пётр только захлопал глазами.

— А что, собственно, находится вон там? — спросил он на всякий случай.

— Вы там ещё никогда не бывали? О, там очень весело. Но вам придётся обратить внимание на свою речь, чтобы тоже... — Она прикрыла рукой трубку. — Но об этом я не имею права вам рассказывать.

— Ну и не надо! — Он снова повернулся к ракетам.

— Вы всё время сердитесь! — удивлялась девочка. — Но я серьёзно не могу вам этого сказать.

Он повернулся к ней:

— Ну ладно. А как поживает ваш дядя?

— Благодарю вас, — покачала она стеклянным шлемом. — Он чувствует себя хорошо. Только вот арифметика его всё время мучит.

— Арифметика?

— Да. Представьте себе: много лет назад Господин в чёрной шляпе задал ему пример по арифметике...

— В чёрной шляпе?

— Да. А что в этом удивительного?

— И в лимонно-жёлтом галстук-бабочке?

— А почему вы спрашиваете? — Девочка начинала терять к Петру доверие.

— Если у него лимонно-жёлтый галстук-бабочка и трость с серебряным набалдашником, так я его случайно знаю! — крикнул Пётр.

Но девочка сохранила полное спокойствие:

— Стоит ли из-за этого так кричать? Ведь его знают все.

Пётр смутился:

— Тогда извините.

— Пожалуйста, — серьёзно ответила девочка и продолжала: — Представьте себе: мой дядя — большой математик, но этот пример он никак не может решить. Это его очень мучит.

— Так почему же он не бросит его?

— А потому, что он хочет попасть в цирк.

— И ему нечем заплатить за вход? — удивлённо выпалил мальчик.

— Хотя я и не знаю, что такое «заплатить», — сказала девочка сочувственно, — но никакое «заплатить» ему никогда не было нужно и не понадобится. Он должен решить пример, и тогда он получит разрешение посетить цирк. И меня возьмёт с собой. И ещё кого-нибудь. Ну, хотя бы вас. Но вы не можете — вы едете в Вон Там.

Петру уже порядком надоели эти дурацкие разговоры. Поэтому он начал осторожно:

— А что, если я не сойду вон там? Что, если я поеду вместе с вами?

Девочка посмотрела на него испытующе, чтобы убедиться, что он не шутит:

— Вы серьёзно хотите прервать свой путь в Вон Там и сойти со мной в Не Там?

— С удовольствием, — тоскливо сказал Пётр. Он никак не мог понять, подтрунивает над ним девочка или у неё просто не все дома.

— Это великолепно! — захлопала девочка в ладоши, на которых красовались рукавички.

При этих словах «Малая Медведица» остановилась и возница объявил:

— Не Там! Сходите!

Девочка вскочила и протараторила:

Прими совет: храни секрет,
Не отпускай вожжей ракет!

Стеклянная стена «Малой Медведицы» раздвинулась, они оба вышли, и пустой корабль снова отправился в путь. Петру показалось — правда, он не смог бы за это поручиться, — что возчик крикнул: «Но-о-о!»

НЕ ТАМ

«Малая Медведица» быстро удалялась. Звёзды на её углах сияли жёлтым светом, а ракеты поблёскивали. Человек в жёлтом комбинезоне сидел на козлах как изваяние.

Пётр огляделся по сторонам.

Они стояли на маленькой планетке. Везде вокруг них были нагромождены кубы, призмы, цилиндры, пирамиды, параллелепипеды и шары. Сами они стояли перед табличкой с надписью:

НЕ ТАМ

Немного поодаль в землю был воткнут гигантский циркуль, а за ним возвышалась белая скала, на которой были написаны разные формулы. Например:

$$(\pi \cdot Q)^2 = xyz$$

$$^2\sqrt{\alpha+\beta} : ^3\sqrt{S \cdot x} = 0$$

— Ваш дядя, должно быть, великий математик, — с уважением сказал Пётр. — Мы этого в школе ещё не проходили.

— Да, — небрежно заметила девочка, — он удивительный, можно сказать, универсальный математик. Но пример Господина в чёрной шляпе даже ему не под силу.

— Пойдёмте к нему?

— Подождём несколько лет, он должен приехать на машине.

Пётр собрался удивиться этим несколькими годам, но вовремя вспомнил, что говорил ему возница «Малой Медведицы».

— Но я ведь вам ещё даже не представилась, — сказала девочка. — Я — Мау.

Пётр хотел сказать, что такого имени ещё не слыхивал, но подумал, что человек в коричневом комбинезоне мог бы заметить по этому поводу: «Вы вообще мало что слышали!» — и поэтому он просто пожал девочке руку в рукавичке:

— А я Пётр.

— Перт?

— Нет, Пётр.

— Очень странное имя, — сочувственно покачала шлемом Мау.

— На Земле так зовут многих мальчиков, — упрямо сказал Пётр.

— На Земле? Там я ещё никогда не была. — Этими словами Мау закончила разговор.

Мальчик не смог уже ответить, потому что раздался ужасный шум и треск. К ним медленно и с грохотом приближалась машина девочкиного дяди. Правда, «машина» было слишком смелым названием для такого чудовища. Однако нельзя было не признать, что оно ездило. Пётр с ужасом осмотрел машину: это было не что иное, как большущий конус, положенный набок и двигавшийся на четырёх кубах. Из небольшой трубы вырывались языки пламени, а из выхлопа валили клубы чёрного дыма.

Это «средство передвижения» наконец остановилось перед ними, конус открылся сбоку, и из него вывалился длинный человек в ярко-зелёном комбинезоне и в кубической формы шлеме, имевшем специальное отделение для бороды.

Человек бодро поднялся, отряхнул с себя пыль и заговорил:

— Вот ты и приехала, моя маленькая Мау.

— Я уже не такая маленькая, дядя, — ласково заметила девочка.

— А ну-ка покажись, — стал разглядывать её дядя. — Не надела ли ты туфли на высоких каблуках?

— Дядя, это мой знакомый — Перт, — сказала Мау.

— Пётр, — сухо поправил её мальчик.

Дядя энергично потряс ему руку.

— Я — Тау. Очень приятно. — Он указал на свой транспорт: — Садитесь!

Мау бросилась к машине, но Пётр смущённо заметил:

— Не лучше ли пойти пешком?

— Ну что вы, — возразил Тау. — Это чрезвычайно удобный транспорт. — Он взял Петра за руки и втолкнул

внутри машины, сам влез вслед за ним, захлопнул дверцы, и чудовище загромыхало.

Пётр лежал внутри конуса между Мау и Тау, и его подбрасывало на ухабах так, что щёлкали зубы.

— Через несколько лет мы будем дома, — утешал его Тау и лёжа крутил какой-то квадратный руль на потолке.

Наконец они приехали и вывалились из конуса на землю.

Когда они поднялись, Пётр увидел высокий белый дом с многочисленными гранями, углами, пирамидальными башенками и балконами. Окна в доме были самой разнообразной формы: одно круглое, другое квадратное, третье треугольное. Лишь дверей он нигде не увидел. Зато с самого высокого балкона была спущена верёвочная лестница.

— Входите, Перт, — гостеприимно пригласил Тау.

— Во-первых, меня зовут Пётр, а не Перт, — ответил мальчик, — а во-вторых, я не знаю куда.

— Слышишь, Мау, как он математически выражается? — обрадовался дядя. — Сейчас я его познакомлю с решением моего примера. — И он полез по верёвочной лестнице.

Пётр посмотрел на Мау, она кивнула и тоже указала ему на верёвочную лестницу. Через минуту на ней были все трое, они раскачивались, ударялись об углы дома и скользили — главным образом по вине дяди, который всё время срывался и шатал всю лестницу.

Взобравшись на балкон, они долго не могли отдышаться.

— Почему у вас нет дверей? — спросил Пётр.

— Когда-то они были, — грустно ответил Тау, — но я забыл где и поэтому купил лестницу.

— И потом, это полезно — лазить по лестнице, — добавила Мау.

На это Пётр ничего не смог возразить.

С балкона они вошли в комнату. В комнате не было ничего, кроме досок: на стенах, на потолке и на полу. Все доски были исписаны числами, уравнениями, расчётами.

— Здесь... — с гордостью осмотрелся Тау.

Все поняли его. Здесь рождается его великое творение: решение примера, который задал ему Господин в чёрной шляпе.

Тау закрыл дверь на балкон и снял шлем. Вслед за ним то же самое сделала и Мау.

— Вы тоже можете снять свой шлем, — сказал Тау, — здесь мы герметически закрыты.

Тогда и Пётр последовал их примеру.

— Начнём с лёгкого ужина, который будет одновременно и арифметической загадкой, — объявил математик.

Он нажал зелёную кнопку, на полу отодвинулась одна из досок, и на её место поднялся столик с десятью блюдами и тремя чашками. При виде еды Пётр почувствовал голод. Он сразу бросился к столику.

— Будьте осторожны, — мягко отстранил его Тау, — не то обольётесь чаем.

Он нажал розовую кнопку, на потолке сдвинулась доска, и из трубки, которая оказалась за ней, полился чай. Тау подставил чашки и стал ждать, пока они наполнятся. Потом он снова нажал розовую кнопку, чай перестал капать, и доска вернулась на своё место.

А Пётр тем временем смотрел на блюда. В них было печенье: в первом — в форме единицы, во втором — двойки, в третьем — тройки и так далее до десятого, в котором были ноли.

— Вы здесь иностранец, Перт, — сказал Тау (Пётр уже потерял надежду, что тот когда-нибудь запомнит его имя правильно). — Я должен вам объяснить, о какой арифметической загадке пойдёт речь. Сумма всех печений, которые вы съедите, не должна превышать десяти. Вы хорошо меня поняли?

— Понял, — ответил Пётр и засмеялся. Он ждал, какое печенье возьмут Тау и Мау.

Тау долго колебался, а потом взял девятку.

— По крайней мере, не собоюсь, — пробормотал он, окунув бороду в чай.

Мау взяла себе тройку.

Пётр снова засмеялся. Он был голоден и поэтому взял единицу. Съевши девять единиц, он принялся за ноли. А когда насытился, съел десятую единичку.

Тау доел девятку, секунду подумал, потом взял мел, написал на одной из досок:

$$\begin{array}{r} 10 \\ - \quad 9 \\ \hline ? \end{array}$$

и застыл, приложив палец ко лбу.

— Получится один! — не сдержался Пётр.

— В самом деле! — удивлённо посмотрел на Петра Тау. — Вы удивительный математик, Перт. — И он схватил печенье — единичку.

Мау съела вторую тройку, потом третью тройку. Но, когда она хотела взять четвёртую тройку, раздался тревожный звон, доска на стене закачалась, из-за неё протянулась пластмассовая рука и ударила Мау по пальцам.

Тау предостерегающе поднял палец:

— Ты снова неправильно посчитала, Мау. Ты проиграла. Я выиграл!

Пётр хотел сказать, что он уже давно выполнил заданное условие, но потом подумал: пусть себе радуются. И промолчал. Мау сидела огорчённая, опустив голову.

— Возьми единичку, — незаметно подсказал ей Пётр.

Она смерила его гордым взглядом и сказала:

— Обычно мы обращаемся друг к другу на «вы», — но единичку взяла, и пластмассовая рука скрылась за доску.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

— А теперь займёмся нашим примером, — нахмурился Тау. — Я поделюсь с вами, молодой человек, его решением. В нём заключено много бессонных годов и ночей. К сожалению, решение неверное, об этом сказал мне пятьдесят лет назад Господин в чёрной шляпе.

— Он был здесь? — Пётр вспомнил о лифте.

— А что в этом удивительного? — Голос Тау был очень решительным. — Вы что-нибудь имеете против него?

— Нет, конечно...

— То-то же!

Тау подвёл Петра к одной из стен, нажал там синюю кнопку, и доска повернулась.

— Читайте! — предложил Тау. Пётр стал читать:

3	6	12	14	19	27
+	+	+	+	+	+
2	5	1	4	6	9
—	—	—	—	—	—
6	12	14	19	27	45

— Окончательный результат — сорок пять, — подтвердил Тау.

— Нет, неправильно, — улыбнулся Пётр.

— Я и сам знаю, что неправильно, — огорчился Тау, — но где же ошибка?

— Везде.

— Ого, мой молодой друг, вы слишком самонадеянны. Эти смелые слова вам придётся мне доказать.

— А я и докажу, — смело заявил мальчик. — Какое условие примера?

— Такое, — показал странный математик:

$$\begin{array}{r} 3 \\ + \\ 2 \\ + \\ 5 \\ + \\ 1 \\ + \\ 4 \\ + \\ 6 \\ + \\ 9 \\ \hline ? \end{array}$$

— Сотрите с этой доски, — самоуверенно потребовал Пётр. Даром что у него не пятёрка по арифметике.

— Стой, где моё решение? — испугался Тау. — Никогда! Пишите на соседней! — И он стал следить за тем, как Пётр решает пример.

«Буду решать постепенно, как и он, — подумал мальчик. — Чтобы случайно не ошибиться. Вот был бы позор!»

Он начал:

3	5	10	11	15	21
+	+	+	+	+	+
2	5	1	4	6	9
5	10	11	15	21	30

— Неужели? — с недоверием спросил Тау. Он нажал кнопку, на потолке отодвинулась другая доска, и оттуда медленно спустился серебряный телефон. Тау набрал номер: 888-888.

— Алло! — сказал он в трубку. — Говорит Тау. Попросите... А, это вы сами... Добрый год. Да, я хочу сообщить решение того сложного примера. Ответ... Можно говорить?... Значит, в ответе получается... тридцать. Как? Правильно? Да, да. Что? Помогал ли мне кто-нибудь? Ну... — Он искоса посмотрел на Петра, потом пробормотал что-то совсем невразумительное. И сразу продолжил: — Так билеты у входа в цирк? Три, да. Спасибо, спасибо. Доброго вам года! — Он передохнул, как после тяжёлой работы. — Итак, — торжественно сказал он Мау и Петру, — итак, дети, мы идём в цирк!

ЦИРК

О поездке в цирк мы лучше умолчим (у Петра ещё до сих пор болит всё тело).

Но я вижу, вы удивляетесь. В зрительном зале такая масса кресел, а сидят в нём лишь три зрителя: Пётр, Мау и Тау. Знаете что? Я приподниму немного тент, а вы под ним пролезете и тоже сможете посмотреть представление.

Внимание, уже прозвучал гонг, цирковое представление начинается.

Программу открывает клоун, он улыбается во весь рот, острит, играет на скрипке, которую можно поместить в коробочке от кнопок. Но всё это он делает как-то неохотно, как будто ему скучно. Наконец он объявляет первый номер программы.

Слон и мышь вместе выбегают на арену. Увидев слона, мышь начинает воинственно топать и бросается на него. Слон поднимает хобот, испуганно трубит и удирает. Мышь преследует слона по кругу.

Программа продолжается: канатоходцы, воздушные гимнасты, прыгуны на подкидных досках, тюлень с восьмицветным мячом — всё как в цирке где-нибудь в Праге.

Потом вышел фокусник с кенгуру. Кенгуру стояла как столбик, на задних лапках. Фокусник подозвал Петра, чтобы тот заглянул в сумку кенгуру. Да, карман совершенно пуст — Пётр даже мог бы дать честное слово искорки. Но что это? Фокусник лезет в сумку к кенгуру и вытаскивает оттуда... кота. Кот с важным видом садится, машет лапой публике и начинает петь, вернее, мяукать длинную песню. Жаль только, что Пётр понял не все слова: он просто ещё не выучился по-кошачьи. Он даже и не предполагал, что кошачий язык сможет ему когда-нибудь понадобиться.

Фокусник снова полез в сумку кенгуру, и у него в руке оказался... кролик. Кролик поклонился публике, занял исходную позицию, перекувыркнулся, сделал свечку, ещё раз перекувыркнулся, сделал сальто, а потом стал прыгать в высоту и в длину. Надо ему поаплодировать.

Фокусник снова погрузил руку в сумку кенгуру... и залаял пёс — фокстерьер. А как интересно он одет! На нём шапочка с колокольчиками, маленькие сапожки и рукавички. Он поприветствовал публику коротким «тяв-тяв» (но я думаю, что даже вы не очень-то понимаете собачий язык), заиграл невидимый оркестр, и фокстерьер начал танцевать.

Снова вышел клоун. Он рассказал такую историю:

— В кондитерскую вошёл конь и сказал: «Дайте мне полкило леденцов». Продащица взвесила ему конфеты, конь откланялся и ушёл. Человек, евший в кондитерской торт, удивился: «Вот интересно, правда?» — «Что вы име-

ете в виду?» — спросила продавщица. «Да этого коня». — «Конечно, — ответила продавщица, — очень странно. До сих пор он всегда покупал апельсиновые корочки в шоколаде».

Все засмеялись, кроме Петра.

— Этот анекдот я уже слышал, — сказал он громко. При его словах музыка прекратилась и всё замерло.

Клоун подошёл к самой рампе и вызывающе посмотрел Петру в глаза:

— Вы, кажется, что-то сказали, молодой человек?

Пётр растерялся:

— Абсолютно ничего.

— Нет, вы всё-таки что-то сказали! — нападал клоун.

— Я только сказал... — медленно произнёс мальчик, — что это довольно-таки старый анекдот.

— Анекдот? Старый? — Клоун захлопал в ладоши. — На время прервём представление. Покажем пану... пану...

— Его зовут Перт, — поторопился Тау.

— ...пану Перту документальный фильм о том, что я сейчас рассказывал. Случай, который я здесь кратко изложил, вовсе не анекдот, а тем более не старый. Этот случай произошёл всего полгода назад в Вон Там, и я считал своим долгом немедленно вас с ним познакомить.

При этих словах клоун всё время бросал на Петра вызывающие взгляды. Тем временем над манежем опустился экран, зашумел кинопроектор, погас свет. На экране вся история развивалась так, как её рассказывал клоун.

Когда свет зажёгся, шут сказал сердито:

— Теперь вам ясно, пан Перт, что вы меня оскорбили? И даже очень оскорбили!

Пётр был сам не свой.

— Простите меня, пан шут, — сказал он тихо.

— Вы просите прощения, — закричал клоун, — и снова меня оскорбляете! Как это вам объяснить?

Мальчик не мог ничего понять, но Мау шёпотом объяснила ему его ошибку:

— Это пан Вау, а совсем не пан Шут.

— Теперь вам понятно, пан Перт, — продолжал клоун Вау, — что мы должны драться?

— До сих пор мне это было не совсем понятно, — сказал Пётр.

— Выберите себе оружие, — предложил Вау.

— Какое? — У Петра даже живот заболел от страха.

— Какое хотите. Вы, очевидно, знаете, какое оружие применяется на дуэлях. На всякий случай — если вы в этой области недостаточно осведомлены — я повторю вам. Мы можем драться на пистолетах, шпагах, пушках, пудингах, булавах, кулаками, словами или шапками.

Пока Пётр раздумывал, что ответить, к ним подошёл седовласый человек во фраке, поклонился и сказал сладким голосом:

— Не сердитесь, уважаемые, но мы должны продолжать программу. Я понимаю, что пан Вау очень вспыльчив. Я понимаю также, что пан Перт мог высказать определённые сомнения в связи со словами пана Вау. Я прекрасно понимаю, что вся эта история должна кончиться дуэлью, но я коленопреклонённо вас молю: пожалуйста, только не здесь. Я не могу допустить, чтобы манеж моего цирка обогрился кровью. — Он повернулся к Петру и снова поклонился. — Дело в том, что я директор цирка Зау.

Клоун с минуту размышлял, потом сказал высокомерно:

— Ну ладно. Я вполне понимаю (это он собезьянничал у директора), что он не хочет, чтобы я убил Перта именно здесь. В таком случае я предлагаю... — он снова повысил голос, — я предлагаю, чтобы дуэль состоялась после циркового представления. Вы согласны, пан Перт?

— Разумеется, — поторопился Пётр.

— Тогда всё в порядке, — расплылся в улыбке директор. — Следующий номер, пожалуйста!

Пётр, конечно, остальных номеров почти не видел. Он всё время думал о предстоящей дуэли. Может быть, удрать? Но нет, это было бы нечестно. Какое оружие ему выбрать? Он решил посоветоваться об этом с Мау.

На арену выбежали обезьяна и дикобраз. Обезьяна развернула большой лист бумаги, вырвала из дикобраза четыре иглы, взяла по игле во все четыре лапы и начала писать всеми сразу. Её правая верхняя лапа написала:

Шишли-мишли! Шли мы, шли

Её левая верхняя лапа написала:

К Шепелявой улице пришли

Её правая нижняя лапа написала:

Побывали в светлом зале

Её левая нижняя лапа написала:

Обезьяны там скакали

Обезьяна с достоинством поклонилась, но никто не стал аплодировать.

На арену выбежал запыхавшийся директор Зау и начал поспешно извиняться за обезьянье выступление:

— Любезная публика, сделайте милость, не сердитесь, что сегодняшнее выступление обезьяны прошло не на обычном уровне. Дело в том, что наша вторая обезьяна Боо серьёзно заболела и лежит в больнице в Ещё Дальше. Поэтому мы не смогли вам сегодня написать всю историю о Шепелявой улице.

Только тогда Мау начала вяло аплодировать, а Тау присоединился к ней тремя хлопками. А если ещё кто-нибудь из вас похлопает, Зау будет очень доволен.

Освещаемая рефлекторами, на манеж выпорхнула танцовщица в белом одеянии и с большими крыльями мотылька за спиной. «Такие крылья у бабочки-капустницы», — сразу сообразил Пётр.

Она начала танцевать под аккомпанемент виолончели, флейты и арфы. Тонкая и гибкая, как ивовый прутик, она была очень красива. Её ясные глаза светились зелёным светом, по плечам струился поток чёрных, как вороново крыло, волос. И Пётр на мгновение перестал думать о дуэли, следя за её плавными движениями.

Однако через некоторое время ему стало казаться, что в её красоте есть что-то странное. Он не мог себе объяснить, что это, но она показалась ему злой. Выражение её глаз ежесекундно менялось, в них было презрение, злорадство, а может быть, и жестокость... Но потом её взгляд стал по-

ласковее, и у Петра изменилось впечатление. Он решил, что это было какое-то наваждение. Или, может быть, она только притворялась ласковой?

— Кто она? — спросил он тихо у Мау.

— Её зовут Нау, — ответила девочка. — Она здесь только на гастролях. Но если вы поедете в Вон Там, вы несомненно с ней ещё встретитесь. — Тут Мау задумалась. — Я мало о ней знаю. Но меня удивляет... — Она умолкла, потому что Нау почти что приблизилась к их местам.

— Что вас удивляет? — с нетерпением спросил Пётр.

— Я слыхала, что она ненавидит пана Вау за то, что, мол, пан Вау как-то попытался... — Вдруг Мау отвела взгляд. — Но вам я об этом ничего не могу сказать. — И она быстро закончила: — Меня удивляет, что она выступает с паном Вау на одном манеже. Наверняка это не без причины.

Танцовщица порхала по манежу, едва касаясь пола золотыми туфельками. Когда она закончила танец, раздался гром аплодисментов, как будто аплодировали не меньше тысячи зрителей. И хотя танцовщица убежала, аплодисменты продолжались. Тогда Нау снова выбежала к тому месту, где сидел Пётр, и изящно поклонилась.

Пётр услышал, как при поклоне она тихонько проговорила:

— Ничего не бойтесь. Вау ужасный трус. Вы непременно выиграете. Я хочу, чтобы вы выиграли!

На середину манежа приковылял верблюд, сел на заранее приготовленное мягкое кресло, нацепил очки и сказал унылым голосом:

— Я прочту вам «Большую верблюжью сказку». — Потом он важно покивал головой и сказал ещё более уныло: — Я вижу, что вы с нетерпением ожидаете соревнования самокатов. Тогда я не прочту вам ничего. — И он поднялся, чтобы уйти.

Как пушечное ядро, к креслу подлетел Зау и начал уговаривать верблюда всё-таки прочитать сказку. В конце концов верблюд пожал своими горбами, устало опустился в кресло и сказал таким унылым голосом, какого Петру в жизни не приходилось слышать:

— Хорошо. Слушайте «Малую верблюжью сказку». — Он раскрыл толстую книгу и начал листать страницы. При этом он вполголоса читал названия: — «Средняя верблюжья сказка»... Это не она. «Самая длинная верблюжья сказка»... Если бы я стал её читать, вам пришлось бы сидеть здесь много лет. Страсть какая длинная верблюжья сказка... Она такая длинная (он подбирал выражение)... такая длинная... страсть какая. «Верблюжья карликовая сказка»... Эту я не люблю. «Самая короткая верблюжья сказка»...

На неё вообще не стоит тратить времени. — И вдруг он заволновался: — Я никак не могу найти «Малую верблюжью сказку». Я прочту вам «Очень короткую верблюжью сказку», и всё! Только не торговаться!

Поскольку никто не торговался, верблюд начал:

— Были-жили два верблюда: верблюд Блюд и верблюд Вер. Верблюд Блюд был одногорбый, а у верблюда Вера было два горба. Они ходили рядом по одной пустыне, делились кормом, пили воду из одной реки, носили одинаковый груз. Но в один прекрасный день верблюд Блюд стал завидовать верблюду Вере. Он завидовал его второму горбу. Почему у меня только один горб, грустно говорил себе верблюд Блюд, тогда как у верблюда Вера их два? Из-за этой несправедливости он не спал всю ночь и только

тяжело вздыхал. Сначала он вздыхал «ах!», потом «ох!», а потом даже «ух!». Он весь похудел от зависти. Однажды ночью, когда верблюд Вер спокойно спал, к нему коварно подкрался верблюд Блюд и украл у него второй горб. Но горб не иголка. Спрятать его Блюд нигде не мог, поэтому он надел его на свой горб и удрал от каравана. Одинок он бродил по пустыне в поисках пропитания. Но всюду был только песок, песок и песок. Верблюда Блюда мучили голод и жажда. Наконец он добрался до большой реки. Он радостно подбежал к ней, наклонился к воде и начал пить. Но как только он наклонился, второй горб упал в воду. Крокодил, лежавший вблизи, раскрыл пасть и сожрал горб. Грустно возвращался верблюд Блюд к своему каравану. Особенно он боялся встречи с верблюдом Вером. Но когда верблюд Блюд снова нашёл свой караван, он увидел, что за время его отсутствия у верблюда Вера начал расти новый горб. И хотя он был совсем маленький, всё же это был горб. — Верблюд грустно посмотрел вокруг и закончил: — Ну, а мораль этой «Очень короткой верблюжьей сказки» угадайте сами. — И он с достоинством удалился.

На этот раз даже пан Зау не удивлялся, что никто не аплодирует. Но он, по крайней мере, не приходил извиняться.

Стены манежа внезапно наклонились, прозвучал гонг, и по стенам начали ездить самокаты. Голос директора объявил:

— Соревнования самокатов. Кто из вас угадает, какой самокат победит, получит его в подарок. Рекомендую вам подумать, потому что такой самокат — очень полезная вещь.

Самокатов было восемь, и отличались они только цветом звонков. Пётр болел за самокат с красным звонком; Мау считала, что выиграет самокат с синим звонком; Тау полагал, что первым у цели будет тот самокат, у которого звонок зелёный.

Но лучше всего дадим слово диктору всемирного циркового телевидения, которое передаёт соревнования самокатов прямо из цирка:

— Уважаемые зрители в цирке и дома у циркорамных телевизоров, сегодня вы будете свидетелями чрезвычайно напряжённой и волнующей встречи лучших самокатов на треке. Многие из вас, конечно, следили за отборочными соревнованиями, в которых приняли участие около тысячи самокатов. Лишь лучшие из лучших вышли в финал. Это:

самокат с зелёным звонком,
самокат с жёлтым звонком,
самокат с синим звонком,
самокат с серебряным звонком,
самокат с красным звонком,
самокат с коричневым звонком,
самокат с золотым звонком и
самокат с чёрным звонком.

Фаворитом сегодняшних соревнований повсеместно считается самокат с зелёным звонком, у которого пока наилучшее время. Самокаты как раз выезжают на трек — это великолепное зрелище.

Но прежде чем прозвучит выстрел, который будет сигналом к старту, разрешите мне сделать небольшое предупреждение для наших зрителей циркорамного телевидения. Если у вас, дорогие зрители, начнёт кружиться голова от быстрой езды самокатов, медленно ходите по комнате в направлении, противоположном их движению. Ваша голова сразу придёт в прежнее состояние. Но вот уже наши самокаты вышли на старт, только что вы услышали выстрел стартового пистолета. Состязания начинаются. Вся Вселенная интересуется их результатами.

Да, впереди, как мы и предполагали, самокат с зелёным звонком. Какая поистине блестящая езда! Ни на шаг не отстают от него самокаты с золотым и серебряным звонками. Остальные самокаты остались далеко позади за этой тройцей, которая, очевидно, решит вопрос о победителе. Сейчас пошёл десятый круг: самокат с серебряным звонком набирает скорость и сантиметр за сантиметром пробивается вперёд. Рули самокатов с зелёным и серебряным звонками уже находятся на одном уровне. Кажется, самокат с зелёным звонком не выдержит этого темпа. Но нет, ошибка, друзья. Сейчас мы наблюдаем прекрасный бросок самоката с зелё-

ным звонком, который оторвался от остальных на две свои длины и неудержимо мчится вперёд. Пошёл двадцатый круг. Самокат с серебряным звонком постоянно съезжает на середину трека: он отказался от борьбы. Напряжение этих нескольких кругов лишило его возможности закончить сражение... Но что же в это время происходит среди остальных самокатов? Там тоже идёт напряжённая борьба. От группы оторвался самокат с синим звонком, вплотную преследуемый самокатом с красным звонком. Вот и тридцатый круг. Оба самоката приближаются к самокату с золотым звонком, вот они обгоняют его. Ещё двадцать кругов. Самокат с зелёным звонком, не сдавайся! Простите, уважаемые зрители, мне надо немного пройтись против движения: голова закружилась...

Так, уже всё в порядке. Но что же происходит на треке? Идёт сороковой круг. Самокат с красным звонком обогнал самокат с синим звонком и при-

ближается к лидирующему самокату. Но этот рывок ничего не даёт, потому что и самокат с зелёным звонком ускоряет темп. Самокаты проносятся мимо нас со свистом. Самокат с зелёным звонком неуклонно приближается к цели... Но что это? Самокат с красным звонком разогнался до сверхзвуковой скорости, он едва касается земли и обгоняет лидера гонок! Вот он подходит к финишу. Как я и предполагал, победил самокат с красным звонком. Самокат с зелёным звонком занял второе место...

Соревнования окончились, директор Зау вышел на середину арены и торжественно передал самокат-победитель Петру. Интересно, какую службу он ему сослужит?

Снова вышел клоун Вау, взобрался на невидимый трос и оттуда обратился к присутствующим:

— Дорогие зрители и дорогая зрительница, соревнованием самокатов заканчивается наша сегодняшняя программа. Я надеюсь, что вы — за незначительным исключением — были удовлетворены. Будем рады снова с вами увидеться. С одним из вас я, разумеется, встречу сразу после программы. Но эта встреча, конечно, не будет радостной, а совсем наоборот.

ДУЭЛЬ

С паном Зау — уже разгримированным — Пётр встретился за цирком. Они стояли с паном Тау, с паном Зау и с Мау случайно как раз перед фургоном, где переодевалась танцовщица.

— Ну? — вызывающе сказал пан Вау.

— Ну? — в тон ему повторил Пётр. Ему показалось, что здесь принято начинать дуэль. Но голос у него был, конечно, значительно менее воинственный.

— Мой секундант — пан Зау, — гордо сообщил Вау.

Тау поторопился:

— Я, разумеется, буду секундантом пана Перта.

Пётр посмотрел: на него с благодарностью. Хотя он и не знал что такое секундант, но решил, что, по-видимому, в настоящей дуэли без этого не обойтись.

— Осталось два дела, — холодно сказал пан Вау, — брать оружие и определять место поединка.

При этих словах дверь фургона открылась, оттуда выглянула Нау и с милой улыбкой сказала:

— Не хотите ли, пан Перт, покамест спрятать у меня свой самокат?

— Всё равно он ему уже не понадобится! — угрожающе проворчал Вау.

— Надо ему это разрешить! — замахал руками Зау. Тогда Пётр схватил самокат и поднялся с ним по ступенькам в фургон. Нау мгновенно закрыла дверь:

— Я должна вам разъяснить. Вы имеете право послать вместо себя на дуэль кого-нибудь другого.

— Нет, я буду сражаться сам, — гордо возразил Пётр.

— Но пан Вау наверняка найдёт себе замену. А что, если он выставит против вас, например, медведя, — как вы будете защищаться?

Пётр стал в тупик, но потом возразил:

— А если мы будем драться пудингом?

— Как? Кто больше съест или кто лучше приготовит?

— Как угодно.

— Он выставит обжору или повара, и вы всё равно проиграете.

Пётр притворился несчастным:

— Ну посоветуйте мне что-нибудь.

Танцовщица задумалась, но через минуту радостно щёлкнула пальцами.

— Придумала. Либо сражайтесь тем, чем владеете здесь только вы один, либо вам придётся послать вместо себя на дуэль того, кого никто не сможет победить или перехитрить.

— А можно здесь найти кого-нибудь в таком роде? — усомнился Пётр.

В это время раздался стук в дверь фургона и послышался резкий голос пана Вау:

— Мы ждём! Надеюсь, вы не намерены уклониться от дуэли?

— Этого я вам сказать не смогу, — ответила Нау. — Но подумайте хорошенько, вы наверняка что-нибудь приду-

маете. Я верю, что вы победите пана Вау. Он что-то слишком назойливо интересуется, кто я на самом деле. А может быть, он уже знает? Когда будете выбирать, кого послать на дуэль вместо себя, вспомните, что танцовщица — не просто танцовщица, что она может быть вам полезна. Всё зависит от вас!

Но ещё более настойчивый стук в дверь заглушил её последние слова.

Танцовщица вытолкнула Петра за дверь.

— Надеюсь, вы не боитесь? — язвительно заметил Вау.

— Вас? — удивился Пётр.

И сквозь стеклянный шлем было видно, как лицо пана Вау покраснело от обиды.

— Что же вы выбрали? — Вопрос директора звучал успокаивающе.

Пётр как раз решал: пушку или пудинг? Драться самому или послать вместо себя кондитера?

Но положение спас пан Тау:

— Знаете что, друзья? Пойдёмте ко мне, выпьем чаю. Там обо всём и договоримся. Какой смысл стоять на улице!

Все набились в конусообразную машину, доехали до дома пана Тау, влезли по верёвочной лестнице (Тау дважды упал) и расположились в одной из комнат дома. На этот раз не в кабинете, а в гостиной. В комнате было только пять подушек, на которые они сели, и пять столиков, где был уже приготовлен чай с пудингом.

— Может быть, будем драться пудингом? — спросил пан Вау.

— Нет, — покачал головой Тау, — этот пудинг вы можете спокойно съесть. Для дуэли он слишком мал.

Все сняли стеклянные маски и принялись за еду.

Пётр снова повеселел. Наверняка по дороге он что-то придумал.

— Я жду! — крикнул Вау. — Выбрали вы, наконец, оружие?

— Выбрал, — спокойно ответил мальчик, — но я боюсь, что вы сразу откажетесь от дуэли, как только узнаете её условия.

— Ха! — зло засмеялся клоун. — Ха! — повторил он. — Ха! — Он выпрямился и ударил себя кулаком в грудь. — Меня вам так просто не испугать. Я не боюсь ни вас, ни пани Нау, которая, разумеется, из ненависти ко мне поспешила дать вам совет. Да если бы пани Нау выбрала себе десять или двадцать таких сообщников, как вы, я победил бы их всех одной левой рукой!

Мау тихонечко спросила:

— А пани Нау — её вы тоже бы победили?

Но Вау не расслышал её вопроса (наверное, потому, что он был задан таким тихим голосом) и окинул горделивым взором присутствующих:

— Пусть господа и барышня будут свидетелями, что я заранее принимаю все условия дуэли, какими бы они ни были.

— Хорошо, — взволнованно сказал Пётр. — Итак, если пан Зау согласен (Зау только злобно фыркнул), мы будем драться... (в комнате воцарилась напряжённая тишина)... вопросами и ответами.

— О чём? — полюбопытствовал Вау.

— О Земле.

— О Земле? — удивился директор цирка.

— О Земле! — свистнул от удивления пан Тау.

Только Мау весело улыбнулась.

— Что ж, о Земле так о Земле... — нерешительно сказал Вау.

— А вы хотя бы знаете, что такое Земля? — спросил его Тау.

— Разумеется! — мрачно сказал Вау. — Хотя я на Земле никогда не бывал, но я читал о ней когда-то какую-то книгу. Её написала... её написала... Вот если бы у меня были с собой мои справочники, я сразу бы сказал вам, кто её написал. Из этой книги я превосходно знаю о Земле всё, что необходимо.

— Итак, вы согласны? — с надеждой в голосе спросил Пётр.

Но тут Зау поднялся со своей подушки:

— Это было бы несправедливо. А на какие вопросы будете отвечать вы, пан Перт?

— Правда, — обрадовался Вау. — На какие вопросы будете отвечать вы?

— На какие хотите, — пожал плечами Пётр.

— Я согласен, я выбираю, я «за», — поторопился клоун. — Я буду задавать вам вопросы о цирке. Пожалуйста, — кивнул он, — вы имеете право на первый вопрос.

Пётр начал:

— Кто живёт на Земле?

Пан Вау задумался.

— А разве на Земле тоже кто-то живёт? — удивился пан Зау.

— На Земле живут только черепахи, — ответил Вау. — Эти черепахи живут в жилищах, называемых панцирями. Но когда они идут купаться, они вылезают из панцирей и надевают полосатые трусы. Иногда целая черепашья семья живёт в одном панцире. Правильно?

— Что вы! — засмеялся Пётр. — На Земле живут мальчики и девочки, папы и мамы, бабушки и дедушки, щенки и котята, а также другие животные.

— Вот интересно! — удивился Зау.

— Ставим вам минус! — отметил Тау на листке бумаги под именем Вау.

Но Вау и глазом не моргнув выпалил свой вопрос:

— Назовите восемь животных, выступающих в цирке.

— Конь, — считал Пётр, — пёс, слон, верблюд, обезьяна, лев, медведь, тюлень.

— Плюс! — разочарованно сказал директор.

— Ставим вам плюс, — подтвердил Тау. Мау захлопала в ладоши.

— Второй вопрос, — продолжал Пётр, — звучит так: где на Земле живут люди?

Пан Вау напряжённо думал.

— Уже вспомнил, — сказал он через минуту, — люди на Земле живут в воде. Из воды видны только их головы.

— А вот и нет, — засмеялся мальчик. — Люди живут в домах, а из домов построены сёла или города.

— Ставим вам второй минус, — обратился Тау к пану Вау.

Вау чуть не заплакал:

— Так я могу и проиграть... — И он начал хлопать себя ладонью по голове, приговаривая:

Хлоп, шлёп, не желаю,
Я в вопросы не играю!

— Значит, вы потерпели поражение, — заявил Пётр.

— Нет, не потерпел, не потерпел, — со злорадной усмешкой возразил ему Вау. — Если бы вы потрудились заглянуть в правила дуэли, то узнали бы, что при первой попытке я могу сказать: «Хлоп, шлёп, не желаю, я в дуэль не играю!» — и дуэль должна начаться сначала. На этот раз оружие выбираю я!

Пётр посмотрел на пана Тау, но тот лишь грустно покачал головой.

— Будем фехтовать, — предложил Вау. — Фехтовать на шпагах. И, поскольку по правилам дуэли я не обязан драться сам, я выставлю вместо себя лучшего фехтовальщика Вселенной — пана Ау.

— Можете заранее сдаться, — посоветовал Петру директор. — Вам ни за что не победить пана Ау.

— А если я не хочу сдаваться? — спросил добросовестный Пётр.

— Тогда для вас это будет концом, пан Перт.

И вдруг Пётр вспомнил слова прекрасной танцовщицы. Он сказал:

— А если я тоже выставлю кого-нибудь вместо себя?

— Разумеется, вы можете это сделать, но это ничего не даст, — подпрыгнул Вау. — Даже если вы против шпаги пана Ау выставите четверых или пятерых фехтовальщиков, победит он.

Лишь на миг Петра охватило отчаяние. Потом в голове у него блеснула идея:

— Хорошо. Я выставлю вместо себя Господина в чёрной шляпе.

Если бы Вау, Зау, Тау и Мау сидели не на подушках, а на стульях, они, конечно, свалились бы с перепугу.

— Но ведь это... — начал заикаться пан Вау.

— Но ведь этого делать нельзя... — в ужасе присоединился к нему пан Зау.

Не успел Пётр ответить, как в комнате загремел голос:
— Кто меня звал?

Тут и у Петра ушла душа в пятки. Господин, которого он видел у лифта, совсем не казался ему страшным, но голос этот...

— Мы не звали, — попытался отговориться Тау. — Это была ошибка.

— Я точно знаю, что меня кто-то звал, — гремел голос, как будто кто-то бил по листу жести. — Кто это был?

— Я, — робко сказал Пётр.

Всё вокруг потемнело, раздался громкий свист, удар, опять вспыхнул свет, и посреди комнаты оказался Господин в чёрной шляпе.

— Что ты хотел, Пётр? — спросил он уже совсем обыкновенным голосом.

К Петру вернулось мужество:

— Я хотел попросить вас фехтовать вместо меня на дуэли с паном Ау...

— Гм, — сказал Господин в чёрной шляпе, — в молодости я был неплохим фехтовальщиком. Но это было давно. Я уже разучился. Ты говоришь — с паном Ау? Ну что ж, так и быть... А что ты мне за это дашь?

— Я не знаю, что вам нужно.

— Слушай, Пётр, — решил Господин в чёрной шляпе. — Если ты пообещаешь мне принести три банана с планеты Где-то Там, я выиграю за тебя дуэль с паном Ау.

— Обещаю, — быстро согласился мальчик.

— Он сам не понимает, что пообещал! — воскликнула Мау.

Тау ужаснулся:

— Три банана! Да ещё с планеты Где-то Там!

И только Вау снова заулыбался:

— Дуэль я, может быть, и проиграю, пан Перт. Но вы пообещали такое, что стоит десяти проигрышей на десяти дуэлях.

— Вам не попасть на планету Где-то Там, — сказал Зау со скорбным видом и высморкался.

— А если вы и попадёте на Где-то Там, — чуть не плача сказала Мау, — вам никогда оттуда не выбраться.

Чемпион по фехтованию Ау явился в облегающем серебрястом трико. На левой стороне груди у него было вышито красное сердце. Блеск его шпаги слепил глаза.

Господин в чёрной шляпе сделал какое-то движение правой рукой у себя за спиной, и в ней вмиг оказалась шпага цвета воронёной стали.

— Начнём!

Все были взволнованы. Только Господин в чёрной шляпе спокойно улыбался и уверенной рукой отбивал выпады пана Ау.

Чемпион по фехтованию налетал на Господина в чёрной шляпе, как оса, его шпага была в непрерывном движении.

Вот! Он ловко повертел шпагой и кольнул. Все наблюдающие оцепенели, а Вау подпрыгнул на полметра. Но блестящая шпага была отражена уверенным движением шпаги цвета воронёной стали. Ау продолжал твёрдо стоять на ногах и снова пошёл в атаку. Его шпага прошла на волосок от левого плеча Господина в чёрной шляпе.

До тех пор он только оборонялся. Но вдруг сделал молниеносное движение правой рукой, так что присутствующие едва успели его заметить, и острiente шпаги попало в вышитое красное сердце пана Ау.

— Ау! — крикнул поражённый и склонил голову и шпагу в знак конца поединка.

— Это первый случай поражения чемпиона Ау, — прошептал директор пану Тау.

— Ты выиграл, — пожал Господин в чёрной шляпе руку Петру. — Так не забудь о трёх бананах! — И он исчез.

Пан Вау рассмеялся. Он совсем не огорчился поражением на дуэли. От смеха он даже стал заикаться.

— Это моё поражение не принесёт Нау радости, — заявил он между взрывами смеха.

ПУТЬ В ВОН ТАМ

— Что же мне делать? — спросил Пётр после ухода пана Вау и пана Зау.

Тау только вздохнул.

— Как мне найти три банана? — спросил Пётр более настойчивым голосом.

Но Тау в ответ на это вздохнул ещё сильнее.

— Где находится планета Где-то Там? — наконец уже закричал Пётр.

А Тау всё вздыхал и вздыхал.

— Мне кажется, — сказала Мау, — что вы напрасно дали обещание, пан Перт.

— И вы, Мау, не хотите дать мне совет!

— Я знаю только, что это невероятно сложно, — пожала Мау плечами, в то время как Тау продолжал вздыхать. —

Многие смельчаки уже отправлялись на Где-то Там. Среди них был и... Нет, этого я вам не должна говорить. Одни из них просто не вернулись, другие были заколдованы. Я думаю, что и вам не удастся вернуться.

Тау вздохнул ещё раз, очень глубоко, и нахмурился, о чём-то размышляя.

— Его осенило, — сообщила Мау Петру шёпотом. — У него всегда такой вид, когда его осеняет.

— Придумал! — закричал Тау. Он встал и молча кивнул им.

Они пошли за ним в соседнюю комнату. Здесь вдоль всех стен стояли полки с толстыми книгами.

— Это моя библиотека, — сказал Тау Петру. — Здесь только научные произведения, словари, энциклопедии и монографии.

Он проворно взобрался на лестницу и начал листать самые толстые книги, стоявшие под потолком.

Пётр тем временем от скуки читал названия книг: «Наука о Вселенной», «Словарь сокращённых слов», «Телефонный справочник», «Термометры, барометры и манометры», «Учитесь считать от единицы до биллиона», «Двадцать уроков езды на самокате», «Звёзды и планеты», «Обязательное руководство к игре в шарики»...

От чтения его оторвал голос пана Тау.

— Нашёл! — Он быстро спустился с лестницы, неся большую книгу с серебряными углами. — Читайте! — Он указал пальцем: — «Банан — жёлтый плод приторно-сладкого вкуса. Его кожуру обычно выбрасывают, потому что на ней легко поскользнуться. Два банана лучше, чем один банан. Три банана растут на планете Где-то Там, во владениях Чёрной дамы. Не рекомендуется пытаться их достать. Тот, кто не хочет слушать советов, пусть ищет в Вон Там».

— И это всё? — разочарованно спросил мальчик.

— Разве этого мало? — просиял Тау. — Тут ведь ясно написано: «Не рекомендуется пытаться их достать». Давайте сразу позвоним Господину в чёрной шляпе и скажем, что мой словарь не рекомендует...

— Что вы! — решительно остановил его Пётр. — Обещание есть обещание. Лучше прочтите мне ещё раз последнее предложение.

— «Тот, кто не хочет слушать советов, пусть ищет в Вон Там», — прочитал Тау.

— Но ведь вы же всё равно собирались в Вон Там, — заметила Мау.

— А как мне туда попасть? — расспрашивал Пётр.

— Минутку! — поднял Тау указательный палец, полистал книгу и прочёл: — «Вон Там — все дороги ведут в Вон Там». Значит, всё равно, куда вы поедете, — добавил он.

Пётр расстался с Мау и с паном Тау и направился к цирковому фургону. Он решил поехать в Вон Там на самокате.

Подойдя к цирку, он увидел, что фургон заперт и нигде не видно ни живой души. Только из почтового ящика на дверях фургона торчал уголок бумаги. Это было письмо, на конверте которого было написано:

ПАНУ ПЕРТУ

Мальчик распечатал конверт и быстро пробежал глазами каллиграфически написанные строки:

Милый пан Перт!

Я надеюсь, что вы не потерпели поражения на дуэли, поскольку вы меня не позвали. То, что вы меня не позвали, меня огорчило: я бы рассчиталась с паном Вау раз и навсегда. Я не могла ждать объявления результатов, потому что по важным причинам должна была выехать в Вон Там. Буду рада, если вы меня посетите, чтобы я могла отдать вам самокат.

Нау.

«Но как же мне всё-таки попасть в Вон Там?» — размышлял Пётр.

Над его головой в громкоговорителе что-то затрещало, кто-то откашлялся и сказал:

«Внимание, внимание! С десятилетним опозданием в Не Там прибывает „Большая Медведица“. Отправляющихся в Вон Там просим как можно скорее занять свои места».

Пётр заметил вдали маленького человечка в розовом комбинезоне и в огромном стеклянном шлеме. Человек держал в руке чемоданчик и очень спешил. «Наверное, он идёт к „Большой Медведице“, — подумал Пётр и кинулся вслед за ним.

— Вы тоже идёте на перрон «Большой Медведицы»? — спросил он, догнав человечка.

— Нет, не иду! — решительно завертел человечек большим круглым шлемом, — Я спешу. Лечу. Мчусь. Чтобы не опоздать. — Пыхтя и отдуваясь, человечек топал по каменистой дороге.

— Мы успеем? — проговорил мальчик, едва переводя дыхание.

— Не успеем! — рывкнул человечек. — Хорошо, если придём вовремя.

Пётр удивился бестолковым речам своего попутчика, но продолжал бежать рядом с ним.

Наконец они увидели нескольких пассажиров с чемоданами, поднимавшихся по высокому трапу в «Большую Медведицу». «Большая Медведица» сияла люминесцентными звёздами. Петру она напоминала празднично украшенный дирижабль.

— Мы ведь пришли как раз вовремя, — сказал Пётр наобум, интересуясь, что ответит человечек.

А тот закричал:

— Ещё нет! Мы ещё не внутри. А уже могли бы быть.

— Где ваш багаж? — остановил его дежурный.

Человечек показал чемодан и поднялся по трапу.

— А ваш? — обратился дежурный к Петру.

Тот растерянно поднял свой портфель с учебниками.

— Что у вас там? — неумолимо выспрашивал дежурный.

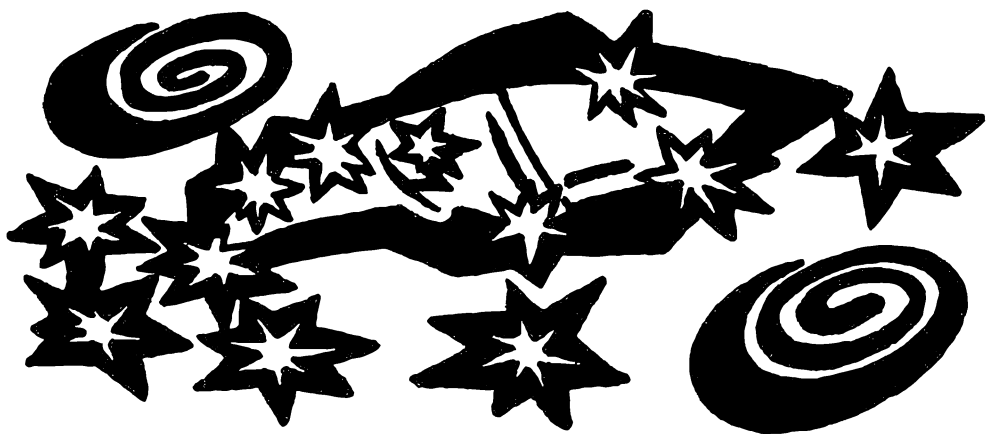
— Учебники, — неуверенным голосом сказал мальчик.

— А, значит, вы учёный, — успокоился он. — Пожалуйста, милости просим. Для учёных «Большая Медведица» всегда открыта.

— Это был дежурный? — спросил Пётр у человечка, догнав его посередине трапа.

— Нет. Не был, — отрезал человечек, — а есть. Всё ещё есть.

— А почему он хотел знать, есть ли у вас багаж?

— Он не хотел знать. Он выяснял. Это его обязанность. Без багажа нельзя путешествовать. Что тут непонятного?

Они вошли в «Большую Медведицу». Внутри корабль был похож на кафе: здесь были стулья и столики с едой, играла музыка, люди, сидевшие у столиков, веселились.

На передней стене появилась надпись:

ПРИВЯЖИТЕСЬ!

— А чем привязаться? — обратился Пётр к человечку, который сел рядом с ним.

— Ничем! — твякнул человечек. — Если вы хотите привязаться, надо было принести из дому верёвку.

Через несколько лет езды (Пётр уже научился мыслить космическими временными категориями) в кафе внутри «Большой Медведицы» вошёл дежурный и сказал:

— Можете снять защитные шлемы. Мы как раз вошли в полосу, где можно снова свободно дышать.

Пётр с облегчением снял стеклянный шар, который ему приходилось всё время носить, если он не был в закрытом помещении. Он с любопытством спросил у человечка:

— Почему вы носите такой большой шлем?

— Я не ношу, — отрезал человечек, чья голова была несоразмерно маленькой по сравнению со стеклянным шаром, который он ещё не снял, — я носил. Собственно, я не носил большой шлем, потому что он совсем не казался мне большим. А что, если у меня начнётся насморк? Как я буду сморкаться в маленьком шлеме? Ага! — И он посмотрел на мальчика с видом победителя.

К Петру подсел дежурный:

— Вы едете в научную экспедицию?

— Не знаю, можно ли это назвать научной экспедицией, — признался Пётр. — Я еду за тремя бананами.

— О, за тремя бананами! — Интерес дежурного заметно усилился. — Но, насколько мне известно, три банана растут не в Вон Там, а на Где-то Там.

— Я это знаю. — кивнул мальчик, — но моя экспедиция начинается в Вон Там.

— Ну а как же вы попадёте на Где-то Там? — интересовался дежурный. — Уже несколько миллионов лет туда не ходит ни один вид транспорта.

— В Вон Там меня ждёт личный самокат, — гордо сказал Пётр.

— Ну в таком случае вы отлично подготовлены к дороге, — подтвердил дежурный.

Человечек, который, казалось, слушал лишь вполуха, вмешался в разговор:

— Нет. Он должен получить разрешение у тютелек.

— Пан Брвр совершенно прав, — признал дежурный. — Вы должны потребовать у тютелек разрешения на поиски трёх бананов.

Не успел Пётр спросить, кто же такие тютельки, как человечек взволнованно заговорил:

— Пожалуйста, не называйте меня паном Брвр. Разве вы не можете запомнить моё имя полностью?

— Я попробую запомнить, — виновато сказал дежурный. — Но, если можно, повторите мне его на всякий случай ещё раз.

— Можно? Должно. Моё имя — Брвргрднтлеанувжигргу... Разве это так трудно? — повернулся он к Петру.

Пётр предпочёл промолчать. Про себя он попытался повторить имя человечка, но понял, что скорее сломает язык, чем сумеет это сделать.

Музыка всё время играла, мимо «Большой Медведицы» пролетали отдельные звёзды и целые созвездия. Некоторые пассажиры принялись за еду.

Пётр повернулся к человечку с непроизносимым именем:

— Вы не хотите есть?

Но тот не ответил. Он спал.

Пётр так проголодался, что съел всё, что было на столике: кукурузные лепёшки с баклажанной икрой, кольраби, начинённую шпинатом, и огурец в морковном соусе.

Когда Пётр выходил из корабля, дежурный сказал ему:

— Желаю вам большой удачи.

— Где мне взять разрешение? — спросил мальчик.

— Видите тот высокий дом? — показал дежурный на двадцатиэтажный небоскрёб. — Это резиденция тютелек.

Пётр поблагодарил и направился к небоскрёбу.

Вон Там выглядел совсем иначе, чем Не Там.

Жители здесь ходили без шлемов и комбинезонов. Здесь не было ни пустынь, ни скал. Это был большой и оживлённый город, по которому ездили двухэтажные троллейбусы, над улицами с богато украшенными витринами проносились жёлтые вагоны подвесной дороги, под землёй мчались экспрессы. Но что было всего удивительнее: по улицам ходили не только люди, но и кошки, обезьяны, верблюды, лошади и другие животные в платьях и костюмах. Животные ездили в троллейбусах, делали покупки в магазинах, развлекались, так же как и люди.

Пётр вспомнил Мау. Да, она была права, когда говорила, что здесь очень весело.

Мальчик остановился перед небоскрёбом и как зачарованный наблюдал оживлённое движение на главной улице. Больше всего ему хотелось отправиться в центр города, но прежде надо было получить разрешение.

Пётр вошёл в небоскрёб.

У самого входа его приветствовал толстощёкий малыш с рыжими волосами, разделёнными посередине пробором:

— Что вам угодно?

— Мне нужно разрешение... — начал Пётр.

Но малыш прервал его:

— Кабинет А, второй этаж. Можете воспользоваться лифтом.

Пётр поднялся на лифте на второй этаж и постучал в дверь, обозначенную буквой «А».

— Войдите! — слышалось изнутри.

Каково же было удивление Петра, когда он увидел, что за столом сидит толстощёкий малыш с рыжими волосами, разделёнными точно посередине пробором.

— Вы здесь? — спросил он у малыша. — А как вы сюда попали?

— Если вы собираетесь меня задерживать, — предупредил малыш, — то лучше сразу уходите. — И он серьёзно продолжал: — Разве вы не видите, что я занят? Что вам угодно?

— Мне нужно разрешение.

— Какое разрешение?

— На путешествие в...

Но малыш прервал его:

— Разрешения на путешествия выдаются в кабинете Б на третьем этаже.

Пётр поднялся на третий этаж и вошёл в дверь Б. Удивился, вышел за дверь, убедился, что находится в нужном ему кабинете, и снова вышел.

— Если вы решили здесь прогуливаться, — сделал ему замечание толстощёкий малыш с рыжими волосами, разделёнными точно посередине пробором, — так прямо и скажите. Я не люблю, когда ко мне входят дважды.

— Вы что, со мной в прятки играете? — вздохнул Пётр.

— Скажите пожалуйста! — смерил его малыш презрительным взглядом с головы до ног. — У меня работы по горло, стану я с вами играть.

— А разве это не вы были на втором этаже в кабине-те А? — решил проверить Пётр.

— Интересно, что мне делать на втором этаже, если я всегда сижу на третьем, — ответил малыш. — Скажите, наконец, зачем вы пришли?

— Мне нужно разрешение, — сказал Пётр.

— Для чего?

— Для путешествия.

— Куда?

— На Где-то Там.

— Куда? — ещё раз переспросил малыш.

— На Где-то Там.

— Тогда вам нужно на одиннадцатый этаж в кабинет И. — Помолчав, он добавил: — Не то чтобы меня это очень интересовало, но зачем вам нужно на Где-то Там?

— Мне нужны три банана.

— Но, но... — взволнованно заговорил малыш. — Это очень сложно. Разрешение для путешествия на Где-то Там вам дадут на одиннадцатом этаже в кабинете И, но разрешения на бананы вы сможете получить только на двадцатом этаже в комнатах С, Т и У. На каждый банан отдельно.

Пётр поблагодарил и поднялся на лифте на одиннадцатый этаж. В кабинете И тоже сидел толстощёкий малыш с рыжими волосами, разделёнными точно посередине пробором. Пётр понял, что это не один и тот же малыш, что они все одинаковые, ну просто тютелька в тютельку, как яйца от одной курицы.

— Прошу выдать мне разрешение для путешествия на Где-то Там, — выпалил он в кабинете И.

— Пожалуйста, — вежливо сказал малыш, что-то написал на большом листе бумаги, потом поставил на разрешение печать и подал его Петру.

Малыши в кабинетах С, Т и У поставили на разрешение свои печати.

— Что-нибудь ещё надо? — спросил Пётр малыша в кабинете У.

— Это уж вы сами должны знать, — с досадой ответил малыш.

— Но мне нужен совет, — сказал Пётр.

— Советов мы не даём, только разрешения, — заключил малыш и склонился над грудой бумаг.

— Но где мне найти танцовщицу Нау? — не унимался Пётр.

Малыш снова поднял глаза от своей работы:

— Там, где вы её оставили, там вы её и найдёте.

— Но я её нигде не оставлял.

— Значит, вы её не найдёте. — И малыш низко наклонился над бумагами, чтобы показать, что он не намерен продолжать разговор.

Пётр сложил разрешение, сунул его в книгу для чтения и вышел из дома тютелек.

Но перед домом он остановился. Здесь стоял большой освещённый павильон с надписью:

ШКОЛА ЯЗЫКОВ

Как же он не заметил павильона, когда шёл от «Большой Медведицы»?

С двух сторон Школы языков сияли неоновые надписи:

ХОТИТЕ ИЗУЧИТЬ КОШАЧИЙ ЯЗЫК?

СОБАЧИЙ ЗА ДВЕ СЕКУНДЫ!

ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК УЖЕ НЕ ЗАГАДКА

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЖИВОТНЫХ

И так далее. Объявление предлагало обучение языкам верблюдов (верблюд в цирке, конечно, говорил по-человечьи, иначе Пётр его не понял бы), галок, страусов, слонов, носорогов, пеликанов и разных других зверей и птиц. Под надписью «Собачий за две секунды!» было написано более мелким шрифтом: «Включая диалекты фокстерьеров, спаниелей, такс и сенбернаров».

«Ага, — сказал про себя Пётр, — это может мне пригодиться». И он вошёл в павильон.

За длинным письменным столом, уставленным магнитофонами и граммофонами, заваленными бобинами и пластинками, он увидел вовсе не тютельку — где там! — он увидел пана Вау! Ещё больше удивился Пётр, когда убедился, что Вау дружески улыбается.

— Ну что, ну что? — добросердечно заговорил клоун из цирка, а теперь учитель Школы языков. — Вы не ожидали увидеть меня здесь? А я вас ждал. Потому-то я и сижу здесь, хотя из-за вас теряю единственный за тысячу лет год, когда я не должен работать в цирке.

Пётр хотел повернуться и удрать, но Вау приветливо подал ему руку.

— Вы уже не сердитесь? — поинтересовался мальчик.

— Я? — расхохотался Вау и весело хлопнул ладонью по столу. — Я никогда не сержусь больше шестисот — восьмисот лет. Потом всё проходит. А вы, милый пан Перт, меня просто развлекаете, потому что вам не добраться до трёх бананов, даже если бы вы имели все разрешения и рекомендации Вселенной. Для такого дела удостоверения недостаточно. Вам, может быть, удастся лишь немного позлить мою достойную неприятельницу, но и это само по себе уже стоит усилий. И поэтому я хочу вам помочь.

— Помочь? — недоверчиво отозвался Пётр. — Как?

— Я обучу вас языкам животных.

— Серьёзно? Каким же?

— Всем сразу! Представьте себе, что вам пришлось бы учить отдельно кошачий, китовый, кашалотий, вороний, гиений и ещё не знаю какой язык... Сколько времени понадобилось бы вам на ученье! Сколько километров магнитофонной ленты пришлось бы вам прокрутить! Я вас только немножко усыплю — и за две минуты вы изучите все языки животных.

Вау пристально посмотрел Петру в глаза и начал размахивать руками, как ветряная мельница. Пётр хотел сопротивляться (он всё ещё не очень верил пану Вау: а что, если под дружескими словами скрывается коварство?), но глаза его закрылись, и он уснул. Стоя.

Вау осторожно надел ему на голову странный шарообразный магнитофон, запустил бобины с лентами, после чего послышалось беспорядочное мяуканье, рычание, карканье, визг, хрюканье, лай, мычание, писк, вой и кудахтанье. Когда шум затих, пан Вау снял устройство с головы Петра, разбудил его толчком в спину и снова пожал ему руку:

— Не стоит благодарности, лучше задайте ей как следует!

— Кому? — спросил Пётр.

Но он уже стоял совсем один перед высоким домом тю-телек. Ни Вау, ни павильона, ни надписей нигде не было и в помине.

ГДЕ ЖЕ ТАНЦОВЩИЦА?

Мальчик медленно брёл по шумной улице. Мимо него со свистом проехал двухэтажный троллейбус с водителем-верблюдом. Над домами, покачиваясь, плыл жёлтый вагон подвесной дороги. Ещё выше летел стеклянный вертолёт. Из-под земли был слышен гул экспрессов.

Впереди Петра шли две расфранченные кошки — на левой была розовая шляпка с бантиком, правая гордо выступала в белокуром парике. Пётр невольно прислушался к их разговору. Он хотел проверить, действительно ли Вау научил его и кошачьему языку.

— Издано обращение, — грустно говорила кошка в розовой шляпке. — Та из нас, кто в течение недели не выедет в замок Мяу, перестанет считаться кошкой, и с ней будут обращаться как с собакой.

— Но ведь это невозможно! — удивилась кошка в парике.

— Тем не менее это так! — возразила первая. — Разве вы не читали специальный выпуск «Кошачьей вечерней газеты»?

— А что же произошло?

— Вы совершенно не информированы. Чрезвычайное положение среди кошек объявила принцесса Кисуля, которую искушал фокстерьер Рафф.

— Этот борец с ринга «Бей-бей»?

— Он самый. Кисуля провозгласила кровавую месть всем собакам. Карательные экспедиции будут снаряжаться в замке Мяу.

— Вы поедете в Мяу?

— Знаете, мне не очень хочется. Но мой Мурек меня заставляет.

Навстречу кошкам солидно выступал спаниель. На нём была велюровая шляпа, а в зубах трубка. Увидев молоденьких кошечек, он снял шляпу и пролаял:

— Вы слышали?

— Да, да, — грустно подтвердили кошки.

— Эта ваша Кисуля совсем спятила, — покачал головой спаниель.

Дальше Пётр не слышал, потому что кошки присоединились к спаниелю и перешли на другую сторону.

Его заинтересовало большое кафе, в котором играл обезьяний оркестр. Горилла с дирижёрской палочкой стояла во фраке перед музыкантами, шимпанзе играл на саксофоне, павиан бил в барабан, орангутанг брэнчал на контрабасе. На паркетe толпились пары. Здесь были люди, а также кошки, собаки, ослы и другие животные.

— Что это играют? — спросил мальчик у официанта.

— Обезьянье мамбо, — лениво ответил официант и важно ушёл с подносом, уставленным стаканами с молоком.

К Петру подскочил сеттер в ослепительно ярком галстуке.

— Прошу прощения, — извинился он и подал Петру листовку. — Я страшно спешу.

Пётр прочитал:

ЕДИНСТВЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ!

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!

*Перед отъездом на Где-то Там вы можете
увидеть всемирно известную танцовщицу*

НАУМОСФЕРУ

*Не пропустите этой единственной
возможности. Она больше не повторится.*

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!

ЕДИНСТВЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ!

Мальчик сунул листовку в книгу для чтения. Наумосфера его совсем не интересовала. Вот если бы это была Нау...

И вдруг он сообразил. Нау... Нау-мосфера... Какое сходство имён! Он быстро вытащил из портфеля книгу и ещё раз просмотрел объявление.

Но где же состоится это единственное выступление? Только сейчас он заметил слова: «Перед отъездом на Где-то Там...» Знакома ему Наумосфера или нет, он должен с ней поговорить. Может быть, она ему что-нибудь посоветует.

Он бросился за сеттером, но тот уже исчез в толпе людей и животных, которые как раз выходили из кинотеатра «Омега».

Он вернулся к официанту, несшему к столу, за которым сидели две овчарки, миску костей:

— Скажите, пожалуйста...

— Минуточку, — сказал официант, проходя мимо. — Что вам угодно? — поклонился он, возвратившись.

— Не знаете ли вы, где сегодня вечером выступает танцовщица Наумосфера?

— В ВОТ, — сказал официант и удалился.

— А точнее?! — крикнул ему вдогонку Пётр, но официант даже не оглянулся.

Пётр покачал головой и выбежал из кафе, потому что увидел сеттера с листовками. Кто, как не он, должен был знать, где выступает танцовщица.

— Скажите, пожалуйста... — окликнул он пса.

— Вы ко мне? — повернулся сеттер в кричащем галстук.

— Да. Я бы хотел узнать, где сегодня вечером выступает Наумосфера.

— В ВОТ, — с уверенностью сказал сеттер и повернулся, чтобы уйти.

— Где, где?

— В ВОТ, — повторил сеттер.

— Подождите, — снова остановил его мальчик. — Вы, наверное, меня не поняли. Я спрашиваю, где сегодня выступает Наумосфера, а вы мне всё «вот» да «вот».

— Я вас отлично понял, — подтвердил сеттер. — И ещё раз говорю вам: в ВОТ.

— Что значит: вот? — вытаращил глаза мальчик.

— Ах, вот оно что!.. — снисходительно улыбнулся сеттер. — Не я вас, а вы меня не поняли. ВОТ, или Вэ О Тэ, — это Великолепный Оперный Театр, который находится на улице Кисули, номер тысяча сто одиннадцать. Туда надо ехать на подземном экспрессе номер сто одиннадцать... одну, две, три... погодите... одиннадцать остановок. Вход на перрон находится под кафе, где играет обезьяний оркестр. — Он испытующе посмотрел на Петра. — Вы, очевидно, иностранец?

— Да, — признался Пётр, обрадованный тем, что наконец узнал, что же такое ВОТ.

— Откуда вы?

— С Земли.

— С Земли? — повторил сеттер. — Первый раз слышу. Видно, снова открыли какую-то новую планету?

— Послушайте, — пришло Петру в голову, — эта Наумосфера... её случайно не зовут просто Нау?

— Тсс! — сказал пёс и очень быстро удалился, что выглядело, как вы сами понимаете, весьма загадочно.

Перрон подземной дороги был похож на сталактитовую пещеру. Везде вдоль путей поднимались и опускались розовые, оранжевые, жёлтые и лиловые сталактиты и сталагмиты, в которых отдавался гул экспрессов.

Как раз прошли поезда 22 и 33 — времени было ещё достаточно.

Пётр рассматривал большой автомат с надписью: «*Вонтамские деньги*». Под табличкой более мелким шрифтом было написано: «*Обмен на иностранную валюту*». Пётр запомнил, что у него в пенале есть крона. Он бросил её в отверстие автомата, тот зазвенел, и из него высыпалась куча больших и маленьких монет и бумажных денег. Одновременно на автомате зажглась красная лампочка и прибор начал жалобно петь: «Больше нету, больше нету, больше нету...»

Пётр собрал вонтамские деньги, сложил их в портфель и поспешил на перрон. Как раз отправлялся поезд 99.

НАУМОСФЕРА

— Что за безобразие! — рассердился билетёр в Великолепном Оперном Театре, схватил Петра за воротник и вывел его на улицу. — Разве вы не знаете, что на выступление пани Наумосферы вход разрешён только в белом светском наряде? А вы пришли в красном дорожном комбинезоне!

Только теперь Пётр заметил, что все зрители ВОТ входят в здание в белом: мужчины в белых фраках, а дамы в нарядных белых платьях.

— Простите, — сказал Пётр билетёру, — я иностранец. Где же я сейчас достану белый костюм?

Но билетёр уже не обращал на него внимания.

— Здесь напротив, — подошёл к нему смуглый человек в снежно-белом бурнусе.

ПРОКАТ КОСТЮМОВ ДЛЯ ТЕАТРА, —

прочитал мальчик надпись на магазине.

— Не удивляйтесь, что он рассердился, — говорил старик в тёмных очках, одевая Петра в белый фрак. — Каждый вечер в ВОТ другой цвет. Вчера тут выступало вокальное трио карликов. Для него вполне бы подошёл ваш красный комбинезон. Но для пани Наумосферы нужен абсолютно белый зрительный зал... Так, костюм сидит на вас как влитой. Платите десять кисулинов.

Пётр растерянно открыл портфель, куда он спрятал вонтамские деньги.

Глаза торговца загорелись.

— Ну и богатый же вы! — Он сунул руку в портфель и выбрал десять самых маленьких монеток. — Почему вы мне не сказали, что вы магараджа?

— Магараджа?

— Таким богатым может быть только магараджа! — с уверенностью заявил старик в тёмных очках. — Если вы мне добавите ещё пять кисулинов, я прикреплю вам на лацкан вышитую белую кокарду.

Билетёр, минуту назад выгнавший Петра, учтиво провёл его теперь в первый ряд.

— Пожалуйста, господин магараджа, — поклонился он, усаживая мальчика.

Вокруг себя Пётр слышал приглушённый шёпот, из которого время от времени вырывалось слово «магараджа».

Через минуту прозвучали три удара гонга, погас свет и на сцену, освещённую рефлекторами, вышел беловолосый человек. Он поклонился залу и отдельно Петру. Затем торжественно начал:

— Уважаемый господин магараджа, уважаемые зрители. Сегодня вы сможете увидеть незабываемое искусство пани Наумосферы.

В зале поднялся гром аплодисментов.

— В программе сегодняшнего выступления, — продолжал человек, — три танца. Первый называется «Три золотых волоса деда Всеведа», второй — «О трёх горлицах» и третий — «Три банана».

И снова раздались аплодисменты.

Во время первых двух танцев Пётр никак не мог решить: Наумосфера — это Нау или нет. Она выглядела совсем иначе. И танцевала значительно лучше. Но была ещё более неприятна.

Танцовщица легко порхала по паркету, белое одеяние развевалось вокруг неё.

Но Нау ли это?

Он с нетерпением ожидал третьего танца. Может быть, он приоткроет хоть краешек тайны трёх бананов...

Но после второго танца перед занавесом снова появился беловолосый человек и объявил:

— Антракт.

В коридоре к Петру подошла женщина с большим блоком.

— Разрешите вас побеспокоить, господин магараджа.

Вокруг них немедленно собрался кружок любопытных. Женщина продолжала:

— Я корреспондент вонтамского еженедельника «Там-Там». Разрешите задать вам вопрос?

Пётр кивнул в знак согласия.

— Итак, нравится ли вам сегодняшнее выступление Наумосферы, господин магараджа?

— Нра-нравится, — заикаясь, ответил мальчик. — С особым нетерпением я ожидаю танец «Три банана».

— Наших читателей, конечно, будет интересовать, почему вы ожидаете именно этот танец?

Пётр запнулся. Он не должен проговориться! Поэтому он ответил:

— Потому что я люблю бананы.

— Оригинальный ответ, — слышалось из кружка зевак.

— Достойный магараджи, — сказал кто-то.

— И ещё один вопрос, — продолжала журналистка. — Что вы думаете о действиях принцессы Кисули, которая сзывает в замок Мяу всех кошек и готовит месть всем псам — гражданам Вон Там?

Пётр задумался. Он вспомнил разговор двух кошек, случайно подслушанный им на улице.

— Я думаю, — сказал он нерешительно, — что пан Рафф не должен был кусать принцессу...

— Очень удачный ответ, — похвалил Петра кто-то за его спиной.

Но мальчик продолжал:

— А вообще это глупо.

Все замерли.

— Как прикажете вас понимать? — допытывалась журналистка, усердно занося в блокнот какие-то закорючки.

— Примерно так, — солидно излагал Пётр. — Представьте себе, что вы принцесса...

Несколько человек прыснули со смеху.

— ...что вы принцесса, — не дал себя сбить мальчик, — и что вам на ногу наступил верблюд. Что же, вы из-за этого объявите кровную месть всем верблюдам?

— Благодарю вас, — с достоинством сказала женщина с блокнотом и удалилась.

Кружок, толпившийся вокруг Петра, как по команде, разошёлся.

Когда поднялся занавес, на сцене можно было увидеть только большое дерево с тремя бананами. Слева появилась Нау — да, теперь Пётр совершенно определённо её узнал — в костюме мальчика. Она с трудом продиралась сквозь заросли, на глазах выраставшие перед ней, вся измученная и обессиленная. Она двигалась вокруг дерева с бананами по спирали, всё время приближаясь к нему. Но кусты становились всё более густыми и колючими. У Нау уже кровоточили бесчисленные раны на руках и ногах, её шаг был всё менее уверенным. Наконец она увидела три банана. Она засияла от радости. Сила вновь влилась в усталые руки и ноги, она быстро подбежала к дереву и протянула руку за первым плодом. Но едва она коснулась банана, как земля разверзлась и поглотила её.

Ударил молния, и загредел гром. Почти в то же мгновение на месте, где провалилась Нау, появилась белая прозрачная фигура, чьё дыхание замораживало всё на сцене. Кусты покрывались инеем, склонялись и увядали. Наконец белая дама подбежала к дереву. Она взмахнула рукой, и первый банан послушно упал ей в руки. Она ещё раз взмахнула — и уже держала второй банан. Но она напрасно продолжала танцевать вокруг дерева. Третий банан даже не пошевелился. Белая прозрачная дама сокрушённо удалилась, свет рефлекторов упал на третий банан, затем на сцене быстро потемнело. Музыка

заканчивалась в полной темноте.

— Я хотел бы поговорить с пани Наумосферой, — сказал Пётр билетёру после окончания представления.

— Она вас ждёт, — поклонился тот и открыл дверь, через которую входили за кулисы.

Танцовщица сидела в своей уборной и снимала грим.

— Я знала, что вы придёте, Перт, — грустно сказала она, смотря в зеркало. — Но было бы лучше, если бы вы не пришли.

Пётр опять не узнавал танцовщицу. Это была чужая женщина, холодная и недоступная, нисколько не напоминавшая Нау.

— Вы... — начал он.

— Тсс! — приложила танцовщица палец к губам. — Я — Наумосфера. Забудьте все остальные имена.

Она встала и повернулась к Петру. Её глаза смотрели на него сурово, без тени улыбки.

— Было бы лучше всего, если бы вы меня вообще забыли.

Пётр растерялся:

— Но вы же говорили мне в Не Там...

— Тогда я ещё не предполагала, что вы будете моим врагом, — прервала его танцовщица. — Я совсем не хотела помогать вам, я хотела насолить пану Вау, который каждую тысячу лет, когда проходит его проклятие, устраивает мне какую-нибудь пакость.

— Но я не хочу быть вашим врагом, — выпалил мальчик.

— Я предостерегала вас, Перт, — решительно сказала Наумосфера. — И предостерегаю вас снова. Возвращайтесь туда, откуда пришли. Не вмешивайтесь в наши дела.

Пётр был в отчаянии:

— Но я вас не понимаю.

— Вы отлично меня понимаете, Перт. Как вы думаете, для чего я танцевала «Три банана»? Чтобы показать вам, чем кончится ваше путешествие. — Она подошла к нему и прошептала: — Уходите, пока не поздно. Вы не должны искать три банана!

Пётр задрожал как в лихорадке. Он начал колебаться.

— Но моё обещание?

— Я ничего не могу вам больше сказать, Перт, — ответила Наумосфера. — С этой минуты я борюсь против вас. Больше меня не ищите.

— А я надеялся, что вы дадите мне совет... — Пётр был растерян. Он представлял себе встречу с Наумосферой совсем не так.

— Совет? — В глазах Наумосферы появился зловещий блеск, но Пётр, грустно смотревший вниз, его не заметил. — Дать совет я могу.

— Правда? — поднял глаза Пётр, но взгляд танцовщицы уже снова не выражал никаких чувств.

— Я могу вам сказать только два слова. Если вы достаточно умны, то разгадаете их смысл.

— А что это за слова?

— Замок Мая.

— Спасибо, — сказал исполненный благодарности Пётр. — Я немедленно туда отправлюсь. Мой самокат у вас?

— Да, — холодно сказала Наумосфера и дважды погладила мальчика по волосам. При этом она пробормотала: — Мяу-гав, гав-мяу. — И добавила: — Вам не следовало меня благодарить, ведь мы враги. А самокат вам выдаст билетёр. — Она задумалась. — За то, что вы меня поблагодарили, я дам вам ещё один совет: забудьте о трёх бананах. А теперь уходите. Навсегда. — И она вытолкнула Петра за дверь.

Билетёр, отдавая Петру самокат, удивлённо посмотрел на его лицо и проворчал себе под нос:

— А я с ним обращаюсь, как с магараджей. — И, нахмурившись, поторопился прочь.

В МЯУ

Торговец, у которого Пётр снова надевал красный комбинезон, подозрительно вертел головой. Но долго не произносил ни слова.

Только когда Пётр собрался уходить, он спросил:

— Вам больше ничего не надо?

Пётр внимательно осмотрел магазин. Наконец он заметил большую кошачью голову.

— Что это такое?

— Я могу вам продать её за двадцать кисулинов, — улыбнулся торговец. — Вы сможете её надеть, если захотите пойти на кошачий бал. А может быть, она ещё для чего-нибудь вам пригодится.

— Я покупаю её, — бросил Пётр на прилавок двадцать мелких монет из портфеля.

На улице Пётр наклонился над самокатом и прошептал ему:

Эй, самокат, довольно спать,
В кошачий замок надо мчаться!

Самокат сразу поехал. Через миг они уже были за городом и катились по автостраде.

Вскоре на тёмном горизонте появился силуэт мрачного замка с зубцами, сторожевыми башнями, бойницами и, наверное, также с тюрьмой. Пётр остановился и надел кошачью голову. Потом поехал прямо к замку.

Подземный мост был переброшен через ров с водой, ворота раскрыты настежь. «Кошки, конечно, уверены в своих силах», — подумал Пётр.

Он въехал через мост прямо во двор, даже не предполагая, что за ним наблюдает бдительная кошачья стража. Оставив самокат у ворот, он направился в замок.

Начальник стражи кот Мурек связался по телефону с начальником личной гвардии Кисули — Длинноусом.

Сразу прозвучали приказы. Кошки взялись за оружие.

Пётр между тем, ни о чём не догадываясь, на ощупь пробирался по тёмному коридору к винтовой лестнице, на которую указывала фосфоресцирующая стрелка. Везде в замке господствовала абсолютная темнота. Спотыкаясь, он медленно поднимался по ступенькам. Здесь было душно и тихо — лишь откуда-то изнутри замка слышалось протяжное воинственное мяуканье.

Вдруг он чуть не налетел на фигуру, стоявшую во мраке лестницы.

— Простите, — извинился он.

— Мяу, — сказала фигура. — Нельзя ли поосторожнее?

— Я вас не заметил, — объяснил Пётр.

Фигура насторожилась:

— Мяу, вы хотите сказать, что не видите в темноте?

— Разве можно что-нибудь видеть в такой крошечной тьме? — отрезал Пётр. Но этого он не должен был делать.

— Мяу! — закричала фигура. — Это пёс!

— Я не пёс, — защищался Пётр, но было уже поздно. В мгновение ока он был окружён котами-воинами, связан и отведён в комнату, где сидел вооружённый до зубов начальник гвардии Длинноус.

— Мяу, мяу, — рассудительно сказал Длинноус. — Ведь вы поймали кота.

— Он не видел в темноте, — взволнованно сообщил часовой, с которым Пётр столкнулся на лестнице.

— Странно, — удивился Длинноус. Он обратился к переодетому Петру. — Чем вы можете это объяснить?

Мозг Петра заработал на полные обороты. Надо было срочно что-то придумать. Как объяснить кошкам, почему он явился в их замок в кошачьем обличье? Он начал:

— Мяу. И еще раз мяу. Не ожидал я такого приветствия от своих братьев котов. Мяу.

— Только не горячитесь, — успокаивал его Длинноус. — Всё, безусловно, выяснится. — Он кивнул страже, чтобы она удалилась, предложил Петру сесть и сказал: — Слушаю вас.

— Я не могу рассказывать в оковах, — помедлил Пётр.

Длинноус задумался. Потом почесал за ухом:

— Я не знаю, кто вы. Поэтому пока я не могу освободить вас от оков. Но как только вы удостоверите мне свою личность, я сам, своими лапами сниму с вас оковы.

Тогда Пётр продолжал:

— Мяу. Я рыцарь Цап-Царапка. Как только я узнал из «Кошачьих вечерних новостей» о вашей героической борьбе, я сразу отправился к вам.

— Откуда вы, рыцарь Цап-Царапка?

Пётр увидел, что начальник начинает ему верить. Поэтому он стал сочинять напропалую:

— Я с планеты Крыша. Мой отец рыцарь Мышелов погиб в борьбе с псами-разбойниками. Мой дед рыцарь Лапка был трижды награждён королевой кошек Мурмурой орденом Серебряного когтя за смелые налёты на собачьи будки. Я сказал себе, что и я должен прославиться в замке Мяу. Моя мать Киса отпустила меня с тяжёлым сердцем, потому что я её единственный сын. Но я пообещал ей, что вернусь целым и невредимым и что в сражениях исцарапаю морды по меньшей мере пятидесяти псам.

Длинноус начал на глазах таять, усы у него стали топорщиться от удовольствия. Но ещё одна мысль не выходила у него из головы:

— Почему же вы не видите в темноте, уважаемый рыцарь?

— Мяу, — жалобно промолвил Пётр, — я не люблю об этом рассказывать. В раннем детстве, трёх месяцев от роду, я тяжело и мучительно заболел — насморком. Благодаря заботам моей матери Кисы меня с трудом удалось вырвать из когтей коварной болезни, но один недуг после неё всё же остался: я плохо вижу в темноте.

Длинноус взволнованно встал, снял с Петра оковы и промяукал:

— Простите, рыцарь Цап-Царапка, что мы вас задержали. Но осторожность — мать мудрости, как говорит старая кошачья поговорка. Мяу, теперь вы свободны, и, если согласитесь, я назначу вас своим адъютантом и представлю принцессе Кисуле.

Пётр наклонил кошачью голову в знак скромного согласия. Начальник обнял его и похлопал лапой по спине.

Принцесса Кисуля в короне и с белым шлейфом сидела на высоком троне, сложенном из круглых подушечек. Она милостиво кивнула Петру, которого привёл к ней Длинноус:

— Я слышала о вас, рыцарь... рыцарь Лапка...

— Извините, я — Цап-Царапка, — поправил её Пётр. — Лапка — это мой дедушка.

— Да, разумеется, — улыбнулась Кисуля, — вечно я всё путаю. Вот спросите у начальника Длинноуха, сколько раз я перепутала его имя.

— Последний раз вы сделали это сию минуту, — поклонился Длинноус.

— Вот видите, — захихикала принцесса. — К этому вам придётся привыкнуть. — Она наморщила нос. — Что же это я хотела сказать... — Мордочка её снова прояснилась. — Уже вспомнила. Я хотела сказать, что в вашем лице я приветствую борца, которого мы все уважаем.

Она схватила веер из перьев райской птицы и обмахнулась им. Потом засмеялась:

— В знак особого расположения к вам я сброшу одну подушечку со своего трона и позволю вам сесть на ней у моих ног. Вы приехали как раз вовремя и сможете теперь вме-

сте со мной посмотреть концерт лучших кошачьих певцов и танцовщиц.

Пётр сел и осмотрелся вокруг. Вдоль стен зала на подушках сидели придворные дамы и кавалеры. Некоторые дамы разглядывали Петра в лорнеты. Все кавалеры были в высоких крахмальных воротничках и в беретах с яркими перьями.

Кисуля захлопала, и в зал вбежали шесть кошек-танцовщиц, которые начали кувыркаться, делать сальто, ползать и прыгать.

— Ах, какой прелестный танец! — дипломатически начал Пётр. — Вы никогда не слышали, принцесса, о танцовщице Наумосфере?

— Наумосфера, — фыркнула Кисуля, — не может и равняться с моими танцовщицами. Мяу.

— Я того же мнения, — поспешно подтвердил Пётр. — Я только хотел бы знать, кто она такая.

— Почему вы этим интересуетесь, рыцарь?

— У меня с ней счёты, — мурлыкая, проговорил Пётр.

— Вы храбрец, — растрогалась принцесса. — Боретесь даже с людьми.

— Позволяю себе, — скромно сказал Пётр.

— Только... — задумалась Кисуля, — только Наумосфера — совсем не Наумосфера.

— Она, случайно, не Нау?

— Я вижу, вы о ней довольно много знаете, рыцарь Цапка, — шаловливо заметила принцесса (Пётр решил не исправлять её ошибку), — только и Нау — это не настоящее её имя.

— А как же её тогда зовут?

— Не знаю. — Принцесса отрицательно покачала головой. — Этого никто не знает. Но когда окончится концерт, я провожу вас в лабораторию кота Ослоушека...

— Остроушека, — мимоходом поправил её Длинноус.

— Да, действительно, Остроушека, я снова ошиблась. — Она нахмурилась. — Что же я хотела? Мяу, уже вспомнила, — засмеялась Кисуля. — Он всё знает. Это мой придворный советник.

Пётр посмотрел в зал. Кошки как раз окончили свой танец, и все присутствующие одобрительно замяукали.

— Я вижу, вы ищете моего советника, — сказала принцесса. — Но он не смог прийти на концерт. Он как раз изобретает капкан для псов.

Потом выступил ещё хор кошек с воинственным мяуканьем и маленькая кошечка Мушка прочитала стишок о кошке, которая впервые села за руль автомобиля. Последние строчки Пётр запомнил:

Пёс, подожди немножко,
В машине едет кошка.

— Пойдёмте! — поднялась принцесса в знак того, что концерт окончен.

КАК МОЖЕТ ЗАХЛОПНУТЬСЯ КАПКАН ДЛЯ ПСОВ

Остроушек был старый кот, чёрный как уголь, если смотреть на него в безлунную ночь. Только зелёные глаза пылали на усатой морде.

— Мя-а-ау! — проскрипел он, когда они вошли в лабораторию. — Капкан уже готов.

— Отлично, Остроножек, — похвалила его принцесса, но Остроушек лишь ехидно фыркнул.

— Это же обыкновенная клетка, — не сдержался Пётр. Остроушек высокомерно глянул на него:

— Кто это, принцесса?

— Это рыцарь Царапек, — пропищала Кисуля, — я за-
была вам его представить.

— Теперь здесь каждый — или рыцарь, или граф, или барон, — проворчал придворный советник.

— Это доблестный рыцарь, — продолжала принцесса. — Он победил уже пятьдесят догов. — Поскольку кот молчал, она сказала пренебрежительно: — А этот ваш капкан действительно обыкновенная клетка. Я ещё подумаю, останетесь ли вы моим придворным советником.

Остроушек при этих словах выгнул спину и начал фыркать:

— Какой-то там бродяга, — он указал на Петра, — вам дороже старого верного слуги? Я могу и сразу уйти!

— Ну что вы, — успокаивал его Длинноус, — ведь принцесса высоко ценит вашу службу. Но в то же время мы ценим и то, что к нам прибыл рыцарь Цап-Царапка, который отлично владеет мечом и когтем.

— Правда, он красиво сказал? — обратилась Кисуля к Петру и к Остроушеку. — Почти так же красиво, как будто это я сама сказала. Мне кажется, что эта клетка для псов очень миленькая... Знаете что? Подайте друг другу лапы в знак примирения.

Остроушек неохотно протянул лапу. Пётр её пожал. Пожатие длилось лишь долю секунды, но глаза кота странно заблестели. Однако он ничего не сказал.

— Как же вы собираетесь ловить псов в свой капкан? — продолжил начальник гвардии прерванный разговор.

Чёрный кот оживился:

— Я поставлю капкан на всех выездах из замка. За псом, попавшим в капкан, немедленно закроются стальные двери, что основано на системе фотоэлементов, одновременно фотографирующих пса для нашего архива.

— Но это же великолепно! — Принцесса снова пришла в хорошее настроение. — У нас к вам только ещё один вопрос, пан Остроусик.

— Слушаю вас, — наклонил голову учёный кот, после чего принцесса кивнула Петру.

— Я бы хотел знать, — робко начал Пётр (он не очень свободно чувствовал себя с Остроушкой), — кто такая Наумосфера, или Нау?

— Мя-а-ау! — проскрипел советник. — А зачем вам это знать?

— У меня с ней старые счёты.

Остроушек засмеялся:

— Надеюсь, вы не хотите получить у неё банан?

— Банан? — удивился мальчик.

— Конечно, — мурлыкнул кот. — Разве вы не знаете, что Наумосфера, или Наумелия, или ещё Наумотерия, является правительницей планеты Где-то Там и что она охраняет эти три банана?

Пётр даже свистнул от неожиданности.

— Это вы свистели? — подозрительно обратился к нему Остроушек.

— Я.

— С каких это пор коты свистят? — допрашивал его советник принцессы.

— Я научился этому давно, — ответил Пётр небрежно. — Обычно свистом я вызываю псов на бой.

— Правда, он очарователен? — поторопилась принцесса. Но чёрный кот в сомнении покачал головой.

— А Нау? — снова спросил Пётр.

— Нау — это совсем не Нау. Всё это только псевдонимы. Это, — он понизил голос до хриплого шёпота, — Чёрная дама.

— Ах, — испугалась Кисуля, — не говорите о ней! Я не люблю этого.

— Кто такая Чёрная дама? — не сдавался мальчик.

— Не надо её искать! — предостерегал его Остроушек. — И я когда-то мечтал об одном из бананов. И вот результат. — Он показал на протез, заменявший ему правую ногу. — Все остальные, кто пытался сорвать банан, были заколдованы или поплатились жизнью.

— А Чёрная дама? — повторил мальчик.

Но Остроушек решительно прекратил разговор:

— Чёрная дама — это Чёрная дама.

И вот Пётр спит в кошачьей постели и даже не предполагает, какую ловушку готовит ему изобретатель капкана для псов.

Его окружает ночь. Странная ночь, наполненная кошачьими глазами и осторожными, неслышными движениями лап.

Остроушек тихо подползает к комнате Петра. Он медленно открывает дверь, чтобы она не скрипнула.

Пётр беспокойно ворочается в кошачьей маске. Ему снится сон. Станный сон. Такой странный, что нам придётся к нему вернуться в следующей главе. А сейчас нам нельзя прозевать, что же выяснит Остроушек во время своей ночной экспедиции.

Он тихонько приблизился к спящему и видящему сны Петру, потрогал его кошачью голову, сунул под неё лапу и фыркнул.

— Хорошего же рыцаря приняла Кисуля в своём замке! — сказал он без удивления. — У меня на этих пташек особый нюх.

И он вышел так же тихо, как и пришёл.

НА ШЕПЕЛЯВОЙ УЛИЦЕ

Потирая лапы, Остроушек удалился в свою лабораторию. Весь остаток ночи в окошке лаборатории сверкали его зелёные глаза.

Что же делал там советник Кисули?

Этого мы не знаем. Он царапал что-то своим кошачьим почерком на свитке бумаги.

А мы давайте лучше посмотрим, что снилось Петру.

Но ведь мы уже здесь были! Это кафе с обезьяньим оркестром. Горилла с дирижёрской палочкой стоит во фраке перед музыкантами, шимпанзе играет на саксофоне, павиан бьёт в барабан, орангутанг бренчит на контрабасе. Они играют обезьянье ча-ча-ча.

Только кафе совсем пустое — лишь зевающий официант с салфеткой, переброшенной через руку, стоит у окна и ритмично барабанит указательным пальцем по стеклу.

Когда Пётр вошёл в кафе, официант повернулся к нему и сказал недовольным тоном:

— Сколько можно?

— Что сколько можно? — спросил Пётр, принявший снова свой обычный вид.

— Ждать вас сколько можно?

— Но я совсем не знал, что вы меня ждёте.

— Это не оправдание, — проворчал официант. — Вы всегда должны всё знать.

Пётр не сразу сообразил, что на это ответить. Поэтому он спросил:

— А зачем вы меня ждёте?

— На это я имею распоряжение, — холодно ответил официант. — Известная вам дама поручила мне...

— Чёрная дама? — нетерпеливо перебил его мальчик. Официант остановился, но потом спокойно продолжил:

— Известная вам дама поручила мне вызвать вас из сна в это кафе.

— Но зачем?

Официант нахмурился и быстро ответил:

— Если вы всё время будете меня перебивать, вы никогда этого не узнаете.

Пётр послушно замолчал.

— Я должен вам передать... — начал официант, но в этот миг горилла повернулась к микрофону и запела во всё горло:

Обезьяна по ночам
Танцевала ча-ча-ча,
Этот танец обезьян —
Лучший танец жарких стран...

Официант яростно повернул выключатель, и в тот же миг кафе погрузилось в полную темноту.

Горилла умолкла. Один за другим умолкали и инструменты. Последним взвизгнул кларнет, и наступила абсолютная тишина. В луче света, который падал сюда от уличного фонаря, Пётр увидел, как обезьяны тихо удаляются через заднюю дверь. Официант подсел к столику и указал Петру на соседний стул.

— Я должен вам передать, — тихо повторил официант, — от известной вам дамы, что она весьма сожалеет о том, что произошло. Ещё более она сожалеет, однако, о том, что ещё произойдёт. Она не может разрешить вам отобрать у неё три банана.

— Три банана принадлежат ей? — закричал Пётр. Официант беспокойно заёрзал:

— Принадлежат или не принадлежат — не в этом дело. Они будут принадлежать тому, кто ими завладеет.

— А почему она сама их не сорвёт?

— Вы слишком любопытны! — отрезал официант. — Наверное, она ещё не придумала, как их сорвать. Но тем не менее она не допустит, чтобы ими завладели вы или Господин в чёрной шляпе. И не перебивайте меня всё время, потому что я вас немедленно верну в сон. Итак: эта известная вам дама знает, что часы вашей жизни сочтены. Но, если бы вы... — Он на минуту умолк, но потом быстро закончил: — Но, если бы вы согласились, она могла бы превратить вас в дерево.

— В какое дерево? — снова не удержался Пётр.

— По вашему выбору. Вы можете стать грушей, черешней, яблоней или орехом. А также пальмой, если очень захотите, но превращение в пальму — довольно тяжёлая работа.

— Но я вообще не хочу быть деревом, я — Пётр, — протестовал мальчик.

— И об этом известная вам дама подумала. Она может превратить вас в новый вид дерева, который будет называться, ну, допустим, петруша.

— Но я и петрушей не хочу быть! — возразил Пётр.

— Ну что ж... Как хотите. Но тогда не обвиняйте известную вам даму в том, что произойдёт.

— А что произойдёт? — спрашивал мальчик.

— Это вы узнаете не позднее завтрашнего утра. Я не гадалка, чтобы предсказывать вам будущее. Давайте-ка лучше припомним кое-что из прошлого.

Официант поставил на стол магнитофон, нажал кнопку, и бобины начали крутиться.

Пётр услышал:

— «Где вы выходите?» — «Вон там!» — «Как жаль». — «Чего вам жаль?» — «Что я еду в Не Там. Мы бы могли поехать вместе». — «А куда едете вы?» — «Я? К дяде». — «Гм... А где живёт этот ваш дядя?» — «В Не Там». — «А можно мне поехать с вами?» — «Нельзя». — «А почему нельзя?» — «Потому что вы едете в Вон Там». — «А что, собственно, находится вон там?» — «Вы там ещё никогда не бывали?»

О, там очень весело. Но вам придётся обратить внимание на свою речь, чтобы тоже... Но об этом я не имею права вам рассказывать».

Официант нажал кнопку, и лента остановилась.

— Это же была Мау! — выпалил Пётр.

— Мау или Бау, — махнул рукой официант, — дело не в этом. Известная вам дама из этого разговора сделала вывод, что вы хотели бы попасть на Шепелявую улицу.

— На Шепелявую улицу? — удивился Пётр.

— Эта девочка говорила именно о Шепелявой улице. Если бы я снова включил магнитофон, вы бы слышали, как вы рассердились, когда она не захотела вам объяснить, что имеет в виду. Известная вам дама хочет доказать своё расположение к вам, которое она сохранила после цирка в Не Там, и хочет показать вам Шепелявую улицу.

— А разве я не могу пойти туда завтра сам?

— Завтра будет уже поздно, потому что кошки узнают... — Официант ударил себя по губам. — Ой, я чуть не проболтался!.. — Он посмотрел на Петра с некоторой долей сочувствия: — Не волнуйтесь. Будьте рады, что вы сегодня ещё повеселитесь. — Он снова заговорил презрительным тоном: — Ну, так хотите попасть на Шепелявую улицу?

— А почему бы и нет?..

— Тогда пошли. — Официант поднялся и повёл его к боковой двери. — Придерживайте шляпу.

— А у меня нет никакой шляпы, — возразил Пётр.

— Тогда не придерживайте, — миролюбиво сказал официант, открыл дверь и подтолкнул Петра.

Поток воздуха подхватил Петра и понёс его по узкому коридору, как пух одуванчика. Не успел мальчик опомниться, как он уже стоял на старинной улочке, освещённой белым светом карбидных фонариков.

— Где я? — закричал Пётр.

От одного из фонарей отделился здоровенный детина в тельняшке, со шрамом на правой щеке. Походкой вразвалку он подошёл к мальчику и сказал:

— На Сепелявой улице.

— Как вы говорите? — засмеялся Пётр.

Моряк обиделся:

— Я не говорю, я сепелявлю. Сепелявить жначительно крашнее. Не правда ли? — Он с грозным видом встал против Петра и поднял руку со сжатым кулаком так, что на ней вздулся огромный бицепс с вытатуированным якорем.

Увидев этот кулак, Пётр робко согласился:

— Да, конечно.

— Тогда просепелявьте, — потребовал моряк.

— А что мне прошепелявить?

— Што хотите.

— Не мосете ли вы показать мне вшую Сепелявую улицу? — спросил Пётр.

— Конечно, раж вы так крашиво сепелявите, — согласился моряк и опустил кулак, похожий на гигантский молот. — Посли шо мной!

Они шли по каменной мостовой. Моряк рассказывал:

— Сепелявая улица только для людей с крепкими нервами и тяжёлыми кулаками. Ешли у ваш не крепкие нервы и не тяжёлые кулаки, то лучше шюда не ходите, пан... пан...

— Меня зовут Пётр, — забыл прошепелявить мальчик.

— Сепелявьте! — грозно приказал моряк.

— Меня жовут Пётр, — поправился мальчик.

— Хоросо, пан Пётр, — похвалил его моряк. — Шначала жайдём в решторан и выпьем по штаканчику.

— Но я не могу.

— Поцему?

— Ведь в решторан детям нельзя, — прошепелявил Пётр.

Моряк махнул кулаком так, что погас ближайший карбидный фонарь.

— У наш вшё по-другому. Посли.

Они вошли в ресторан с надписью:

ШИШЛИ-МИШЛИ

За стойкой стоял гигантский официант. Он походил на официанта из кафе, откуда Пётр прилетел на Шепелявую улицу, но только был на две головы выше и намного плотнее.

— Что вам угодно? — спросил он, улыбаясь, у моряка и Петра.

— Лимонаду, — сказал Пётр.

Моряк и официант удивились.

— Этого у нас нет, — сконфуженно признался официант. — Таких крепких напитков мы не дерзим. Мозет быть, вы хотите стаканчик молока или кефира? У нас ешт так-зе превосходные шливки.

— Два стакана шливок! — загудел моряк низким голосом и ударил кулаком по стойке так, что зазвенели все стаканы.

У одного из столиков сидела девушка, лицо которой прикрывала зелёная вуаль.

Моряк, очевидно, был с ней знаком, потому что обратился к ней с приветствием:

— Привет, Наумофелия!

— Ждравштуй, ижборождивший вше моря, — прошепелявила ему в ответ девушка под зелёной вуалью.

Пётр прислушался внимательнее. Вот как! Нау преследует его и на Шепелявой улице! Она определённо боится, чтобы он не убежал из сна.

— Кто это? — спросил он моряка.

— Наумофелия? — Моряк едва не захлебнулся от смеха. — Это экшкуршовод по ждешнему паноптикуму. Жнаете, што такое паноптикум? Это крашивый дом, в котором находятся одни только шкажочные персонажи. Давайте попросим её, и она нас туда проведёт.

Он подошёл к Наумофелии, но в этот момент с треском отворились двери, в помещение вбежали четыре обезьяны, которые начали скакать и прыгать друг через дружку. За ними с достоинством вошла старая обезьяна в сборчатой юбке и силоновой блузке и сказала:

— Дайте этим ожорникам цетыре стаканна кокошового молока. — Потом она глубоко задумалась. — А я, позалуй... Што бы мне такое выпить? — Она несколько раз подпрыгнула. — А я, позалуй, выпью бананового шоку.

Когда моряк и Пётр опомнились от суматохи, которую наделали обезьяны, они увидели, что Наумофелия исчезла. Просто испарилась.

— Мозет быть, она узе вернулашь в паноптикум и здёт наш там? Посли, — сказал моряк, но в его гулком голосе чувствовалось удивление.

ПАНОПТИКУМ

Дом с надписью

ПАНОПТИКУМ

выглядел покинутым. Висячий замок на воротах и опущенные жалюзи свидетельствовали о том, что паноптикум не работает. Но моряка не так-то просто было провести. Он начал бить в дверь тяжёлым кулаком.

Ничего. Ни шороха, ни единого звука.

Моряк продолжал колотить в дверь.

Снова ничего. Ни слуху ни духу.

Моряк нажал на двери так, что петли заскрипели.

— Цего вы ломитешь? — послышалось за их спиной.

Они быстро оглянулись. На тротуаре стояла девушка в зелёной вуали.

— Мы хотим... — начал моряк.

Но девушка прервала его:

— Паноптикум ведь переехал.

— Ах, вот оно цто! — удивился моряк. — А куда?

— На Шошеднюю уличу, — сказала девушка нежным голосом. — Я провозу ваш туда.

Моряк очень растерялся:

— Нет... Не надо... В конче кончов, нам не обяжательно шмотреть паноптикум. Правда, пан Пётр?

— Я бы хотел пошмотреть паноптикум, — твёрдо сказал Пётр.

— Тогда идите туда шами, — пробормотал моряк. — Не то цтобы я боялшыя, но у меня шегодня ешт ещё дела. Так до швидания!

— До швидания! — ответила девушка в зелёной вуали и засмеялась, увидев, что моряк удирает от них длинными прыжками. — Он боится! — сказала она пренебрежительно.

— Вас? — поинтересовался Пётр.

— Меня? Нет, не меня, хотя многие меня изрядно боятся. Но на Соседней улице запрещено шепелявить, и моряк боится, что над ним там будут смеяться.

— А почему на Шепелявой улице шепелявят?

— Знаете, я об этом никогда не думала. Наверное, потому, что она так называется.

— А что, если бы её переименовали? — продолжал мальчик.

Наумофелия засмеялась:

— Представьте себе, что её переименовали в улицу Заик.

— Или в Немую улицу.

— Или в Рифмованную.

— А почему вы здесь не шепелявите?

— И вы тоже.

— Но я шепелявил.

— Я тоже. Когда говорила с моряком.

Пётр понизил голос:

— Вы Нау, правда?

— Совсем нет, я — Наумофелия, девушка под зелёной вуалью.

Пётр мигом подскочил к ней и поднял зелёную вуаль. Но под ней была оранжевая вуаль. Когда он поднял и эту, то увидел синюю вуаль.

Наумофелия только тихонько смеялась:

— Я девушка с тысячью вуалями. Не хотите ли продолжить?

Пётр опустил синюю, оранжевую и зелёную вуали:

— А где ваше лицо?

— Под тысячью вуалями.

— Тогда оно не больше булавочной головки.

— Что вы, вуали очень тонкие.

— А чёрная вуаль у вас тоже есть?

Но девушка сказала:

— Вот и паноптикум. Войдём.

— Если разрешите, — сказала девушка под зелёной вуалью (вернее, под вуалью любого известного вам цвета), —

я буду вашим гидом. — Её голос отдавался под сводами, и эхо дважды его возвращало.

Пётр изумлённо остановился в дверях первого же зала. Дело в том, что он увидел чёрта, водяного, Белоснежку и семь гномов, Красную Шапочку и волка, принца и принцессу, короля и королеву, лешего, Петрушку, Шпейбла и Гурвинека, Гаяю и почтальона Каэтана, Бабу-ягу и многих других персонажей из сказок.

— Не пугайтесь, — мягко сказала Наумофелия. — Все эти фигуры сделаны из воска. Вы можете их рассматривать сколько угодно. Если вы захотите, чтобы какая-нибудь из них заговорила, надо повернуть выключатель у неё на спине.

Пётр осмотрелся по сторонам. Он увидел Спящую красавицу, увитую розами и шиповником, Иванушку-дурачка, Двенадцать месяцев, Кота в сапогах, барона Мюнхгаузена. Возле Мюнхгаузена он остановился, обошёл его и повернул выключатель.

Барон Мюнхгаузен сразу же начал рассказывать:

— ...и заперли меня в маленькой каморке на высокой башне. Окна, разумеется, были зарешечены. Но это мне не помешало. Я сломал решётки, как будто они были пряничные. Но башня была слишком высока. Что же делать? На моё счастье, я увидел под потолком паучка. Я спросил у него немного паутины, связал из неё длинную нить и по ней спустился вниз. Но увы! Я упал прямо в наполненный водой ров, окружавший замок. Хотя жажды я не испытывал, не оставалось ничего другого, как выпить воду. Я выпил её и выплюнул в тучу, которая висела на горизонте. Туча сразу почернела, и полил дождь. Я поднялся на башню и воспользовался её куполом вместо зонтика...

Щёлк. Это Пётр повернул выключатель, и барон Мюнхгаузен остановился на полуслове.

Они пошли в следующий зал.

Пётр увидел девятиглавого дракона, ведьму-полудницу, волынщика Шванду и Всадника без головы.

— А есть здесь Чёрная дама? — спросил он лукаво. Девушка под зелёной вуалью остановилась. Помедлив, она сказала:

— Есть.

— А где?

— В самом последнем зале. Хотите её увидеть?

— Хочу! — уверенно сказал мальчик. Он, конечно, не испугается.

— Но вам придётся войти туда одному. К Чёрной даме я не смогу вас проводить. — Голос Наумофелии слегка дрожал.

— Хорошо. Я пойду к ней.

Девушка с тысячью вуалями исчезла в одной из боковых дверей. Но Пётр и не заметил её отсутствия. Его волновала встреча с Чёрной дамой... Он совсем перестал рассматривать восковые фигуры, а сколько их тут было!

Наконец он дошёл до последнего зала. Шторы на окнах были задёрнуты — в зале царил полумрак.

Зал был пуст. Лишь в самом углу стояла тёмная фигура. Пётр знает, что это только манекен. Пётр не боится, но всё же сердце у него бьётся сильно-сильно.

Водяной, или Баба-яга, или чёрт — скажите, пожалуйста, кто их теперь боится? Мы уже столько о них читали, столько раз узнавали, как простой парень надул дьявола или как дети подшутили над колдуньей, что мы над ними только смеёмся. Но Чёрная дама...

В скольких обличьях мы её уже видели и всё же её не знаем. Жестока ли она? Добра ли? Красива ли? Безобразна ли? Вызывает ли она ужас? Это нам ещё неизвестно.

Пётр медленно двигался в угол зала.

Чёрная дама стоит там неподвижно в чёрном платье из тяжёлого бархата, чёрные волосы выбиваются из-под прозрачной чёрной вуали, чёрный шлейф ниспадает на пол. Её лицо бледно, глаза закрыты.

Пётр обходит её на расстоянии. Его ноги становятся вдруг тяжёлыми, как будто к ним привязаны гири; он с трудом отрывает их от земли. Он робко поворачивает выключатель и останавливается перед Чёрной дамой, чтобы посмотреть, как она себя поведёт.

Чёрная дама открывает глаза и задумчиво смотрит на мальчика. Она молчит.

Потом устало проводит тонкой рукой по бледному лбу.

— Почему вы молчите? — шепчет Пётр.

— Я думаю, — отвечает Чёрная дама глубоким низким голосом.

— О чём?

— О тебе. Мне жаль тебя.

— Как это: жаль? — удивлённо говорит Пётр сдавленным голосом.

— Ты уже не вернёшься на Землю.

— Вы знаете Землю?

— Я знаю всё. Я знаю и то, что твой папа полетит в ракете на Марс. Он ищет тебя. Я видела твою маму, которая плачет дома. Она считает, что ты погиб.

— Я хочу домой: — всхлипнул мальчик. Вдруг он страшно затосковал по дому.

— Ещё не всё потеряно, — ласково говорит Чёрная дама, но глаза её совсем не ласковы. — Ты ещё можешь вернуться. Если хочешь, я спущусь с тобой на Сказочную улицу, номер восемь и мягко положу тебя в постель. Утром ты встанешь и сможешь пойти в школу...

Пётр соскучился и по школе. Ему захотелось быть среди друзей, увидеть свою учительницу.

Он почти готов согласиться... Но вдруг он вспоминает своё обещание. Три банана! Нет, он не сдастся! Он не будет хныкать, как малыш. Он дал обещание и выполнит его, если бы даже тысяча трудностей встала на его пути.

— Нет!.. — кричит он. — Я должен найти три банана.

— Ты не доберёшься до них. — В голосе Чёрной дамы — северный ветер и мороз.

— Кто может мне помешать?

— Я!

Пётр хочет что-то сказать, но чувствует, что у него смыкаются веки, что кто-то его уносит, что он летит, падает и...

И он проснулся в кошачьей постели.

Светает, и труба сзывает кошек на бой.

МЫ РАЗОБЛАЧИЛИ ПСА!

Во дворе замка Мяу выстроились шеренги кошек. Пётр как адъютант начальника гвардии стал рядом с Длинноусом. По левую руку от него стоял начальник стражи Мурек.

Под звуки тромбонов, кларнетов, фаготов и лесных рогов вышла принцесса Кисуля. Вместо платья со шлейфом на ней были латы и шлем с плюмажем.

— Мои верные подданные! — воскликнула принцесса.

Все, как одна, кошки ответили хором:

— Мяу! Мяу! Мяу!

— Я созвала вас в замок Мяу, чтобы объявить войну нашему извечному врагу — псам.

— Позор псам! — завизжал Мурек.

— Псы выпивают наше молоко! — кричала Кисуля. — Псы нас преследуют! Псы нас кусают! Псы не хотят учиться мяукать! Вместо благородного мяуканья они издают неприятные звуки... как... как «ах»!

— «Гав»! — учтиво подсказал Длинноус.

— Да, звуки вроде «гав»! Можем ли мы терпеть их рядом с собой?

— Не можем! — закричали кошки.

— Пусть сгинут псы! — добавил Остроушек.

— Правильно, — похвалила его принцесса и добавила: — Бесстыжие морды говорят, что я объявила эту войну потому, что меня искушал фокстерьер Пифф.

— Рафф, — снова поправил её Длинноус.

— Что? — удивлённо прищурила глаза принцесса.

— Рафф! — повторил начальник гвардии.

— Чего вы на меня лаετε? Это что, провокация? — выгнула спину Кисуля.

— Нет, о прекрасная принцесса Кисуля, — покорно изогнулся Длинноус. — Только этот борец с ринга «Бейбей» зовётся Рафф.

— И нечего меня всё время поправлять, — рассердилась Кисуля. — Это неприлично! — И она продолжала свою речь: — Нет, милые кошки, товарищи по оружию. Речь идёт о большем. Кошки должны захватить Вон Там. Псы будут нам только служить. Кто не кошка, тот не кошка. Под этим лозунгом мы ведём нашу борьбу.

— Кто не кошка, тот не кошка! — прокричали кошки.

— Принцесса пишет книгу об этой войне, — сказал Петру на ухо Мурек. — Она будет называться «Борьба за кошку».

— Кто хочет выступить? — спросила Кисуля.

— Я! — послышался резкий голос.

— Мяу, мы вас слушаем, мой советник.

Остроушек в чёрных латах стал перед войском.

— Что бы вы подумали, если бы вам сказали, — завизжал он злобно, и его острые уши встали торчком, — что

в наш замок обманным путём проник предатель и переодетый враг?

Войско застыло.

— Да, — важно кивал головой советник Кисули. — Вы удивляетесь, коты, но это так. Враг обманул нашу бдительность, выдавая себя за кота; мы согреваем его на своей груди, как мышь, в то время как это гнусный пёс.

— Кто же это? — зашумело войско.

— Кто же это? — спросила побледневшая принцесса.

— Указать на него лапой? — торжествовал Остроушек.

— Я приказываю вам это сделать! — нетерпеливо топнула Кисуля.

— Это рыцарь Цап-Царапка!

Пётр оглянулся, чтоб посмотреть, о ком говорит советник, но тут же сообразил, что речь идёт о нём. «Вот неприятность, — подумал он. — Остроушек выследил, что я переодет».

— Докажите, Остроушек! — приказала принцесса. — А вы, рыцарь Цап-Царапка, выйдите вперёд.

Пётр вышел на середину двора.

Остроушек молниеносно к нему подлетел и сорвал с его головы кошачью маску.

— Пёс! — завизжало войско.

— Я не пёс, — возражал мальчик. — Я Пётр.

Кисуля торжественно выпрямилась:

— Награждаю Острохвостика орденом Серебряной мышки за разоблачение собачьего разведчика.

— Но я действительно не пёс! — кричал Пётр. — Спросите во втором «Б» девятилетки на Школьной улице. Я искра Пётр Панек со Сказочной улицы, номер восемь.

— О, у него ещё хватает совести врать! — подбоченился Остроушек. — Сначала он рассказывал нам сказки о своём рыцарском происхождении, а теперь говорит о каких-то улицах и искрах. В конце концов он скажет, что он радио-антенна!

— В тюрьму его! — закричали кошки.

— В голодную тюрьму! — промяукал Мурек.

— Он должен выдать местонахождение собачьего войска! — выкрикнул Длинноус.

— Ну посмотрите на меня хорошенько, — попросил Пётр, — ведь я никакой не пёс.

— Принесите зеркало! — распорядилась принцесса. В мгновение ока принесли большое шлифованное зеркало. Пётр посмотрел на себя.

Из зеркала на него глядел пёс.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НА ЗЕМЛЕ

— Но, пани управдом, — стоял на своём монтёр, — я действительно не могу исправить ваш лифт.

— Почему же? — сокрушалась она.

— А потому, что его у вас нет.

— Как это нет?

— Он исчез, — покачал монтёр головой, — испарился, и всё тут.

«Внимание! Внимание! Говорит „Пионерская зорька“!» — раздалось из репродуктора.

— «Пионерская зорька»? — удивлялись слушатели. — Ведь в это время всегда передают «Последние известия»!

— «Слушайте экстренный выпуск, — продолжал детский голос. — Только что мы узнали, что искра Пётр Панек

со Сказочной улицы построил свою межпланетную ракету из лифта. Поиски продолжаются».

— Из лифта? — удивились члены домовых комитетов и управдомы. А поскольку в их домах жили пионеры и искры, они немедленно побежали на всякий случай опечатывать замки лифтов.

— Ну, я уже достал, — ворвался в дверь пан Панек.

— Кого? — испугалась пани Панкова.

— Ракету, — небрежно сказал отец Петра. — Я лечу за Петром.

— Но ведь вчера стартовали два космических корабля со спасательными экспедициями!

— Ну и что же? Я полечу прямо на Марс. Наверное, там есть жизнь — хотя и в одноклеточной форме, но всё же есть. Где же ещё может быть Пётр? — Голос пана Панека звучал устало.

— Я дам тебе на дорогу пирог с маком, — решительно сказала пани Панкова. — Кто знает, как готовят на Марсе!

Журнал «Азбука молодых техников и естествоиспытателей» начал печатать серию статей о путешествии Петра Панека в космос. Клуб друзей детской книги организовал в Клубе писателей конференцию на тему «Лифт и детская литература». Отдельной брошюрой вышли стихи и рассказы, печатавшиеся раньше в журнале для детей «Анютини глазки», которые детям рекомендовалось читать только в лифте.

На второй день утром ракета пана Панека взлетела. Направление — Марс.

В ГОЛОДНОЙ ТЮРЬМЕ

— Как я мог превратиться в пса? — размышлял Пётр, которого связали и опустили в голодную тюрьму в подземелье. (Вот видите, в замке Мяу действительно есть тюрь-

ма!) До сих пор в ушах его звучало ненавистное мяуканье кошек, которые узнали, что среди них находится пёс. Некоторые кошки зашли так далеко, что требовали для Петра высшей меры наказания — утопления в молоке. Но поскольку им было жалко молока, победило предложение Мурека, чтобы собачий разведчик, за которого принимали Петра, был брошен в подземную тюрьму, где он погибнет голодной смертью.

Остроушек прочитал перед кошачьим войском составленный им ещё ночью обвинительный акт. Петра обвинили в целом ряде преступлений: в шпионаже, в обмане принцессы, в злоупотреблении доверием кошачьего штаба, во лжи и притворстве. Хорошо ещё, что они не заметили самоката, а то они назвали бы его путь в Мяу вооружённым вторжением.

Пётр пытался защищаться, но всё было напрасно. И вообще он защищался довольно вяло, потому что всё время думал и думал, как же он мог стать псом.

Теперь он сидит в голодной тюрьме. Здесь мокрый пол и скользкие стены, он связан по рукам и ногам, его начинают мучить голод и жажда, вокруг темнота и неоткуда ждать помощи. Почему же он выглядит как пёс? Вот загадка, которую он напрасно старается разгадать уже долгое время.

Вдруг у него в голове промелькнула сцена его прощания с Наумосферой. Наумосфера посылает его в кошачий замок, гладит по волосам и при этом бормочет: «Мяу-гав, гав-мяу». А потом добавляет: «Вам не следовало меня благодарить, ведь мы враги». Да, Чёрная дама превратила его в пса, поэтому билетёр и торговец в лавчонке смотрели на него так удивлённо. А сам он ничего не видел! Вот почему официант говорил о том, что случится, когда кошки узнают...

«После драки кулаками не машут, — сокрушается Пётр. — Нетрудно быть умным после совершения ошибок; важнее быть умным вовремя», — начинает понимать он.

Чёрная дама бормотала при поглаживании «мяу-гав, гав-мяу»? Но это значит... Пётр лихорадочно соображал.

А что, если бы его кто-нибудь снова дважды погладил и сказал при этом: «Гав-мяу, мяу-гав»? Наверное, он опять бы стал искрой Петром Панеком?

Ну да, всё это хорошо, но кто же будет его гладить в одиночке голодной тюрьмы?

Поздно, Пётр, твой путь окончен. Ты не только не доберёшься до трёх бананов, ты и домой не вернёшься, и только из этой книжки дети узнают, что ты вёл себя мужественно и не плакал даже в голодной тюрьме.

Но нет, Петру не нравятся эти похоронные мысли. Он думает: а что, если он сам себя погладит и скажет: «Гав-мяу, мяу-гав»? Превратится ли он в Петра? Возможно, что да. Но руки его связаны самой прочной котолоновой нитью, которую изобрёл Остроушек. И если бы он даже чудом превратился в Петра, что ему это даст? Кошки выступают в поход против псов, и он всё равно здесь погибнет.

Положение кажется Петру безнадёжным.

Тем временем кошки действительно вышли в поле. На всех дорогах были расставлены собачьи капканы Остроушека с фотоэлементами. Из всех бойниц замка торчали мушкеты, самопалы, ружья, на зубцах и за стенами поднимали свои носы пушки и гаубицы. Во главе кошачьего войска двигался танк.

Кисуля ехала в бронированной карете, запряжённой четвёркой лошадей, и читала последний номер вонтамской газеты «Там-Там».

— Как назвал себя этот собачий разведчик? — обратилась она к своему первому советнику, наблюдавшему окрестности через перископ. — Если его зовут Перт, то о нём пишут в газете, как о магарадже. — Она углубилась в чтение интервью журналистки с Петром. — Однако это наглость! — взвизгнула она вдруг. — Вы только послушайте, пан Остроносик! «Представьте себе, что вы принцесса, — говорил этот пёс журналистке, — и что вам на ногу наступил верблюд. Станете ли вы из-за этого объявлять кровную месть всем верблюдам?»

— Пусть теперь говорит что угодно, — непримиримо сказал кот. — В голодной тюрьме его никто не услышит.

— Вы правы, Остроусик, — с облегчением сказала принцесса.

И всё-таки Остроушек оказался неправ.

В стене голодной тюрьмы вдруг шевельнулся камень, затем камень отодвинулся, и удивлённому взгляду Петра открылся подземный ход.

Минуто было тихо. Потом послышался решительный шёпот:

— Гав. Есть там кто-нибудь?

— Я, — сказал Пётр.

Несколько голосов одновременно взволнованно зарычали, потом голос стал заметно сильнее:

— Кто вы?

— Мне кажется, что я пёс! — крикнул Пётр в надежде, что помощь приближается.

— Пан сотник, — послышался голос уже совсем близко, — докладываю вам, что в голодной тюрьме находится пёс по имени Я.

Рычание продолжалось. Петру удалось разобрать только слова:

— ...А что, если это ловушка? Может быть, бросить туда гранату?

— Не бросайте! — закричал Пётр. — Меня арестовали кошки, и я сижу здесь связанный.

Голоса умолкли.

В голодную тюрьму вползли спаниель, такса и фокстерьер.

— Встаньте! — приказал спаниель коротким лаем.

— Я не могу, я связан.

— Он не может, он связан, — подтвердила такса.

— Развяжите его! — рявкнул спаниель.

Псы вмиг развязали котолоновую нить, которой был связан Пётр. Когда Пётр встал, фокстерьер испытующе погладил его по лицу.

— Это пёс, — твякнул он удовлетворённо.

— Как вы сюда попали, пан Я? — начальственным тоном спросил спаниель.

— Меня сюда бросили кошки, — объяснил Пётр.

— Почему?

— Сначала они хотели утопить меня в молоке, а потом решили присудить к голодной тюрьме. За то, мол, что я собачий разведчик...

— Значит, вы наш пёс, — засмеялся спаниель.

— А что делают кошки теперь? — выводывал фокстерьер.

— Да, что они делают теперь? — поторопилась присоединиться к нему такса, которая явно страдала недостатком собственных мыслей и поэтому повторяла всё за другими.

— Я думаю, что они выступили в поход против вас, вернее, против нас, псов, — сообщил Пётр. — Но в замке, конечно, осталась какая-то стража.

— Пустяки, — довольно твякнул спаниель. — Нам поможет неожиданность.

— Да, нам поможет неожиданность, гав, — повторила — кто? — конечно, такса.

Фокстерьер вернулся в подземный ход и трижды пролаял.

Как по команде, в голодную тюрьму ворвались четыре овчарки со стремянками.

И началось. Овчарки поставили стремянки так, что они достали до люка в потолке голодной тюрьмы, и по ним начали подниматься вооружённые псы. Первые из них выбили крышу люка, и в подземелье замка ринулось собачье войско. Кошачья стража была связана, и за несколько минут замок Мяу оказался в лапах собак.

— Вы свободны, пан Я, — сообщил Петру спаниель и добавил: — Если, конечно, вы не хотите сражаться вместе с нами.

— Передо мной стоят другие задачи, — скромно сказал Пётр. — Я бы хотел взять свой самокат и уехать, если вы разрешите.

— Гав, пожалуйста, — сказал спаниель. — Можете пройти через подземный ход. Вы попадёте прямо к Китовому морю. А дальше вы и сами сумеете сориентироваться.

— Разрешите вас спросить? — не сдержался Пётр.

Спаниель молча поклонился в знак согласия.

— Почему вы воюете с кошками?

Спаниель весело залаял:

— Это длинная история. Если хотите, я дам вам книжку, где вы сумеете прочесть основное. — И он подал Петру маленькую книжечку под названием «Пёс и кошка».

Пётр поблагодарил, сунул книжку в портфель между учебниками и вонтамскими деньгами, взял самокат и уехал через подземный ход.

«Подальше бы от этих псов и кошек!» — сказал он про себя.

Через минуту он выехал из подземного хода и оказался на песчаном берегу моря. Перед собой он видел лишь зелёно-синюю водную гладь. Волны набегали на берег и выбрасывали ракушки и маленьких крабов. Над Петром шумели пальмы и апельсиновые деревья.

Пётр взобрался на дерево и нарвал апельсинов. Потом сел на песок и начал чистить первый апельсин.

КОРАБЛЬ МЕЧТЫ

Съевши все сорванные апельсины, он разделся и стал плавать в море. Вода отлично его держала. Потом он лёг на песок и начал загорать. Солнышко пригревало вовсю, было чудесно.

«Ну вот, — подумал Пётр, — только что я думал, что погибну в голодной тюрьме замка Мяу, и вдруг лежу у моря, и всё прекрасно».

Внимание, Пётр! Знаешь, есть одна хорошая пословица: «Не говори „гоп“, покуда не перескочишь». Вполне возможно, что тебя ждут испытания похуже кошачьей голодной тюрьмы. Но Пётр об этом и не думает. Он соображает, что делать дальше.

Чёрная дама, наверное, считает, что Пётр погиб. Она перестанет его преследовать в разных обличьях. Самое главное — теперь попасть на Где-то Там и сорвать три банана. Но это не так-то просто. По словам кота Остроушека, за бананами уже отправлялись многие, но возвратился только

он один — и без ноги. Это значит, что по пути на Где-то Там Петра подстерегает ещё много опасностей. Но каких?

Пётр вскочил, быстро оделся, но потом вспомнил, что у него всё ещё собачье обличье. На всякий случай он посмотрел в воду: да, оттуда скалилась собачья морда. Он дважды погладил себя по голове и пробормотал:

— Гав-мяу, мяу-гав.

Затем ещё раз посмотрел на своё отражение в воде.

И остолбенел. Из воды на него смотрела грустная усатая мордочка, Обратный порядок слов сделал из него кота.

Пётр сел на песок. Потом снова дважды погладил себя по голове, быстро сказал: «Мяу-гав, гав-мяу», — и побежал посмотреть на себя. В воде колебалась под всплесками волн собачья голова. Как же избавиться от звериного обличья?

Он вспомнил о самокате. Как ездит самокат? Если задать ему направление в рифмах. А что, если Пётр попробует выразить в рифмах и это своё желание?

Недолго думая, он сказал:

Не желаю быть с таким лицом,
А желаю снова стать Петром!

Вода зарябила, и вдруг он увидел в ней смеющееся мальчишеское лицо. Ура!

Мальчик наклонился к самокату и прошептал ему:

По дорогам, где мало бывает людей,
Отвези-ка меня к кораблю побыстрей!

Самокат поехал по берегу моря, промчался по кипарисовой аллее, потом пронёсся в тени могучих фиговых деревьев, пролетел мимо цветущей агавы, и Пётр увидел пристань и длинный белый мол, у которого стоял на якоре большой корабль. В мгновение ока Пётр очутился у корабля.

Белый корабль мягко покачивался на волнах. Но нигде не было видно ни души.

— Эй! — закричал Пётр.

Никакого ответа — только нос корабля поднимался и опускался.

— Э-э-эй! — закричал Пётр громче.

— Что такое? — услышал он над собой хриплый голос.

О поручни опирался старый бородатый капитан с трубкой в зубах.

Пётр подошёл к нему поближе:

— Куда вы едете, пан капитан?

— Куда ветер дует, — услышал он в ответ.

— Возьмите меня с собой, — попросил мальчик.

Но на этот раз ответ был суровым:

— Нет!

— Почему нет? — удивился Пётр.

— Мой корабль не перевозит пассажиров, — спокойно сказал капитан и так мастерски выпустил дым из трубки, что над ним поднялось три кольца. Кольца проплыли над палубой и повисли на фок-мачте.

— А что же вы перевозите?

— Мечты.

— Мечты?.. — У Петра вытянулась физиономия от удивления.

— Разве ты никогда-никогда не слыхал о Корабле Мечты?

Пётр покачал головой. Потом спросил:

— А какие мечты вы возите?

— Всевозможные, — хрипло ответил капитан, не вынимая трубки из зубов. — Мечту о том, что кошки никогда не будут драться с собаками; мечту о том, что никто не будет бояться Чёрной дамы; мечту о том, что больше никогда не будет дуэлей; мечту о том, что будут уничтожены все больницы...

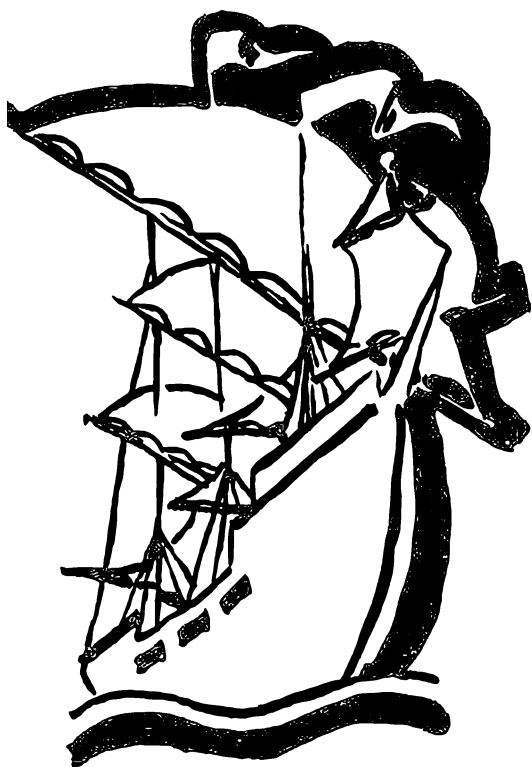
— Больницы? — возразил Пётр. — А куда же денутся больные?

— Это мечта, — покачал головой старый капитан, — и о том, чтобы не было больше больных.

— Бот было бы хорошо... — вздохнул Пётр. — А ещё какие мечты вы возите?

— Я ведь сказал — всякие.

— А куда вы с ними ездите?

— Куда? Я вожу мечты туда, и обратно, и снова туда и жду, пока кто-нибудь из людей вспомнит о своей мечте.

— А потом?

— Потом я запаковываю и отсылаю её по адресу этого человека.

— И эта мечта осуществляется?

Капитан снисходительно улыбнулся:

— Нет, не сразу. Всё зависит от человека.

— Как же это?

— Всё зависит от того, делает ли человек что-нибудь...

— ...чтобы эта мечта стала действительно-стью?

— Мечта делает этого человека сильным, — ответил капитан.

— А можете вы мне дать одну мечту? — попросил Пётр.

— А какая мечта тебя интересует?

Трубка капитана задымила ещё сильнее.

— Мечта о трёх бананах.

— М-да, — вздохнул капитан. — Для этой мечты ты ещё, пожалуй, маловат.

— Не так уж я мал, — запротестовал мальчик. — Я уже искра и скоро буду пионером.

— А может быть, ты хочешь какую-нибудь другую мечту? — пытался уговорить его капитан. — Ну, например, о сахарной стране или о шоколадном домике?

— Нет, — решительно завертел Пётр головой. — Это мечты для совсем маленьких детей. А мне действительно нужна мечта о трёх бананах.

Капитан задумался, потом пожал плечами:

— Ну что ж... — и спустился в трюм. Через минуту он вернулся с красивым пакетиком, перевязанным жёлтой ленточкой.

— Лови! — предупредил он Петра и бросил ему пакетик прямо в руки.

— Спасибо! — крикнул Пётр, сияя от счастья.

— Но помни, — добавил капитан с Корабля Мечты, — этот пакетик не развязывай до тех пор, пока тебе не станет труднее всего. Иначе улетучится сила этой мечты. Обещаешь?

— Обещаю.

Пётр смотрит, смотрит, а Корабль Мечты на его глазах расплывается, как пар. И через минуту мол уже свободен.

Что же это было? Видение? Нет, ведь Пётр держит в руке пакетик.

Пакетик с мечтой о трёх бананах.

Послышался гудок. Пётр обернулся: с другой стороны к молу подплывал большой пароход.

Пароход пришвартовался к молу, спустил трап, и на берег высыпала толпа людей.

— Возьмите меня на борт, — обратился Пётр к моряку, стоявшему у трапа.

Моряк обернулся, потом показал на солнце, которое медленно склонялось к западу:

— Видите солнце?

— Вижу.

— Приходите, когда оно обойдёт всю планету Вон Там и снова вернётся на это же место.

— А куда вы плывёте?

— В Далеко. Но вы можете поплыть с нами и в Близко.

— Мне надо попасть на Где-то Там... — сказал мальчик.

— На Где-то Там? Тогда вам лучше плыть в Далеко. Оттуда это уже недалеко. Но только с Где-то Там нет никакого сообщения.

— Не можете ли вы посоветовать, где мне сегодня переночевать?

— Не могу, — сказал моряк. — Спросите кого-нибудь в городе.

Пётр повернулся и отправился в город.

Он встречал по дороге много людей и добросовестно спрашивал их о ночлеге, но все пожимали плечами или отвечали уклончиво. Только один старичок с такой длинной бородой, что она была трижды обёрнута вокруг пояса, предался воспоминаниям:

— Да, мальчик, были тут когда-то гостиницы и комнаты для приезжих... когда-то. Но потом их Чёр... то есть одна дама закрыла и запретила нам предоставлять кому-либо ночлег. Вот оно как, мальчик.

Уныло бродил Пётр по улицам. Он уже было решил переночевать где-нибудь в траве, как вдруг встретил пана Вау.

— Ну что? — поздоровался с ним Вау с самым естественным видом. На этот раз он был в дорожном костюме. — Помогла вам моя Школа языков?

— Откуда вы здесь взялись? — выпалил мальчик.

— Неужели вы ещё не поняли? — Брови пана Вау удивлённо поднялись на середину лба. — Прошла ещё тысяча лет! — И Вау рассказал Петру всё по порядку: — Между мной и вами в цирке произошло недоразумение. Виноват я, но поймите моё положение — может быть, тогда вам станет ясно.

Дело в том, что пан Вау совсем не цирковой клоун, а исследователь и путешественник, автор ряда книг, как например: «Из Не Там в Вон Там», «Близко — это не Далеко», «Мы снова в Не Там», и других. Когда-то он отправился на Где-то Там. Нет, он совсем не мечтал о бананах. Он не стремился встретиться и с Чёрной дамой. Он просто хотел написать большую книгу о планете Где-то Там, потому что его манит всё неизвестное, а среди сказочных планет нет ничего более таинственного, чем именно эта планета, где властвует Чёрная дама. Понятно?

— Но Чёрная дама терпеть не может, когда исследуют её владения. Она схватила меня в самом начале экспеди-

ции и заколдовала, превратив в циркового клоуна. Когда мы с Мау и её дядей были в цирке, Чёрная дама превратилась именно в цирковую танцовщицу, чтобы удостовериться, действуют ли её чары. Не сомневаюсь, что она тогда подмешала мне в еду несколько капель корня нетерпимости — только поэтому дело дошло до дуэли.

Понимает ли его пан Перт? Пан Перт тогда мог быть полезен Чёрной даме в её замыслах, она хотела использовать его как помощника, чтобы с его помощью рассчитаться с ним, с паном Вау. Однако она не предполагала, что дуэль закончится таким образом, и тем более не могла предположить, что в дуэль вмешается Господин в чёрной шляпе, которого она тщательно избегает. Она думала, что Перт призовет на помощь её, Чёрную даму, и она раз и навсегда рассчитается с заколдованным клоуном.

— Вот я и рассказал вам о прошлом, — закончил свой продолжительный рассказ пан Вау. — Весьма был бы рад, если бы вы нашли способ обвести Чёрную даму вокруг пальца. Я с большой охотой и сам бы этим занялся, но не могу — проклятие, висящее надо мной, не даёт мне этого сделать. Я должен кочевать как клоун из цирка в цирк. Правда, — лукаво засмеялся он, — один раз в тысячу лет и я имею какую-то силу. Она сохраняется недолго, поэтому я немногим смогу вам помочь, но охотно окажу вам содействие хотя бы советом.

Он прервал сам себя:

— Однако я заболтался, а вы, конечно, устали. Очевидно, вы хотели меня о чём-то спросить?

— Вы правы, — признался Пётр. — Я хотел бы здесь где-нибудь переночевать. В голодной тюрьме я совсем замучился. Но мне кажется, что это не так-то просто. Может быть, вы поможете мне найти ночлег?

— Вряд ли, — отрицательно махнул рукой пан Вау. — Через несколько минут я побегу на цирковую арену так, что только пятки засверкают. Но я могу дать вам совет: переночуйте у пана Граца. В добрый час!

Последние слова донеслись до Петра уже издалека. Вау умчался: наверное, он уже где-нибудь кланяется зрителям на цирковой арене.

ПАН ГРАЦ-СТАРШИЙ И ПАН ГРАЦ-МЛАДШИЙ, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О ГРАЦЕ САМОМ МЛАДШЕМ

О том, где живёт пан Грац, Пётр действительно узнал очень легко; только он никак не мог понять, почему каждый, услышав это имя, начинал улыбаться.

Подойдя к дому Граца, он без колебаний позвонил. Никакого ответа. Тогда он постучал. В ответ послышался квакающий голос:

— Во-о-о-йдите.

Пётр вошёл...

Он попал в тёмную комнату, заставленную шкафами, витринами, скульптурами, увешанную картинами, заваленную книгами, журналами, камнями и всевозможным хламом и барахлом.

— Здравствуйте, молодой человек, — заквакал голос хозяина, которого не было видно в полумраке среди скопления мебели и других вещей.

— Добрый вечер, — поздоровался Пётр. При этом он осматривался, ища пана Граца.

— Что вам угодно? — продолжал голос.

— Я хотел бы видеть пана Граца.

— Которого именно?

— А разве их много? — удивился Пётр.

— Много, много... — охотно подтвердил незнакомец. — Во-первых, пан Грац-старший, который выглядит как младший; во-вторых, пан Грац-младший, который выглядит как старший; и, наконец, Грац самый младший, которого нельзя назвать паном, потому что он мальчик.

Пётр был несколько смущён этим ответом, но на всякий случай спросил:

— А вы который из них?

— Хи-хи, — не выдержал голос. — Я совсем не пан Грац, я Бертик.

— Очень рад, — поклонился Пётр, потому что был хорошо воспитан и знал, что так нужно делать. — Меня зовут Пётр.

Петя, Петя, петушок,
Золотой гребешок... —

затараторил голос, что очень удивило Петра.

— Зажгите, пожалуйста, свет.

Петру очень хотелось посмотреть на незнакомца.

— Не могу.

— Почему?

— Хи-хи, потому что у меня нет рук.

Пётр от неожиданности отступил на шаг и сказал сочувственно:

— Как же это случилось?

— Хи-хи, в моей нынешней жизни у меня их и не было. Правда смешно?

Но Пётр не видел в этом ничего забавного. Что же это за человек, у которого никогда не было никаких рук?

— Наверно, они у вас были, — сказал он тихо, — когда вы были совсем маленьким, только вы об этом не помните.

Голос опять засмеялся:

— Вы, наверно, шутите. Когда я подумаю, что у меня раньше были руки, я чуть не падаю от смеха.

— А пан Грац дома? — спросил мальчик, чтобы перестать говорить о руках.

— Который?

— Старший.

- Тот, что выглядит как младший?
- Да.
- Его нет дома. Он ищет бивни.
- Бивни?
- Бивни.
- Какие бивни?
- Мамонтов, конечно.
- Ага. А младший пан Грац?
- Тот, что выглядит как старший?
- Да, тот.
- Ну, тот не ищет бивней.
- А что же он делает?
- А что ему делать — жалуется.
- На что?
- Надо говорить не «на что», а «на кого».
- Ну, так на кого?
- На пана Граца-старшего.
- А кому?
- Кому придётся.
- А почему?
- Потому что тот пошёл искать бивни.
- А разве этого нельзя делать?
- Можно, но бивни нельзя кушать. Пан Грац-младший хотел бы лучше, чтобы пан Грац-старший принёс целого мамонта.
- Целого мамонта?
- Что это вы всему удивляетесь? Если бы пан Грац-старший достал целого мамонта, не надо было бы думать, чем накормить самого младшего Граца. Теперь вам ясно?
- Гм... — промычал Пётр. Ему было не очень ясно, но он решил больше не спрашивать.
- Если хотите, можете зажечь свет, — предложил голос. — Выключатель за вами.
- Пётр зажёл свет и начал искать безрукого человека.
- Хи-хи, — засмеялся кто-то на столе. — А теперь вообразите, что у меня есть руки.
- Это был большой жёлто-зелёный попугай в клетке.
- Пётр облегчённо вздохнул. Он спросил попугая:
- А этот мальчик Грац дома?

— Он в соседней комнате, но я не советую вам подходить к нему близко. Это может плохо кончиться.

Пётр открыл дверь соседней комнаты и увидел маленького толстого мальчика, который сидел за столом и уплетал жареного поросёнка.

— Входите, — закричал мальчик, лицо которого блесло от жира. — Вы принесли мне что-нибудь поесть?

— Поесть? — удивился Пётр. — Разве этого поросёнка вам не хватит дня на три?

Мальчик облизнулся и весело засмеялся:

— Дня на три... Вот простофиля! Я сегодня разделался уже с пятью поросятами и этого через четверть часа прикончу. Но, честное слово, мне это уже порядком надоело.

— Вам надоело есть?

Мальчик так рассмеялся, что даже начал икать:

— Нет, пан простофиля, есть мне нравится, но мне надоело есть свинину. Я бы съел, например, парочку гусей, три индюшки, четыре телёнка, пять петушков, шесть карпов, семь поросят...

— Но ведь вы говорите, что они вам надоели, — заметил Пётр.

— Если бы я съел гусей, индюшек, телят, петушков и карпов, то я, конечно, снова с удовольствием ел бы поросят. А вы разве не стараетесь разнообразить свой стол?

— Нет, — признался Пётр.

Мальчик осмотрел его с видом знатока:

— Ну и худой же вы!.. Наверно, вы невкусный?

— Я? — испугался Пётр и медленно попятился к двери.

— Не бойтесь, — махнул обжора толстой рукой. — Если вы принесёте мне что-нибудь поесть, я оставлю вас в покое. — И он снова пристально посмотрел на Петра. — А что у вас в портфеле?

— Учебники.

— А их можно есть? — заинтересовался мальчик.

Пётр покачал головой.

— Тогда зачем же вы с ними носитесь?

Пётр повернулся и, не отвечая, возвратился к попугаю.

С попугаем разговаривали два худых человека в потёртых пиджаках. Оба были лысые и морщинистые. У одного

был нос картошкой, а у другого торчал вперёд острый подбородок.

— Я достал его, — с победоносным видом сообщил человек с носом картошкой, как будто он виделся с Петром в последний раз полчаса назад.

— Кого? — не понял Пётр.

— Бивень!

Не успел Пётр ответить, как второй начал жалобным голосом:

— Он всё время что-то собирает. Уже нет никаких сил терпеть. И чего я жду, почему я не уйду куда глаза глядят?

Пётр сказал только:

— Но... — и больше ему не удалось вставить ни слова. Оба человека начали кричать друг на друга:

— Я обогатил мои коллекции. Вы уже видели мои коллекции?

— Ему всё равно, что ребёнок голоден.

— Я собираю коробки от спичек. Вы, конечно, никогда не видели таких коробков, какие есть у меня.

— А сегодня он чистил ботинки моей зубной пастой!

Они кричали, перебивая друг друга, всё громче и громче.

Пётр узнал, что человек с круглым носом собирает марки, камни, картины, скульптуры, бивни, книжки, игрушки, пробирки, пепельницы, пресс-папье, музыкальные инструменты, фотографии. От человека с острым подбородком он услышал, что мальчик съел у него бумажник, что человек с круглым носом прищемил ему палец, посолил какао, сунул в сигару бенгальский огонь, перерезал подтяжки и связал их ниткой, которая порвалась, когда он шёл по улице, так что с него упали брюки, и подложил в постель ежа.

Наверное, оба Граца (конечно, и вы их узнали) рассказывали бы так несколько дней и несколько ночей; наверное, они перебивали бы друг друга несколько недель или несколько месяцев, если бы из соседней комнаты не послышался вопль:

— Я хочу есть!

— Он хочет есть! — остановился на полуслове пан Грац-старший, у которого был нос картошкой.

— Он хочет есть, бедняжка, — подтвердил пан Грац-младший с острым подбородком.

— Можно мне у вас переночевать? — воспользовался Пётр минутой тишины.

— А вы заплатите? — с сомнением в голосе спросил пан Грац-старший.

— Заплачу, — кивнул Пётр.

— Тридцать кисулинов? — с ещё большим сомнением спросил пан Грац-младший.

— Да.

Оба Граца протянули руки.

Пан Грац-младший хлопнул пана Граца-старшего по руке и сказал птичьим голоском:

— Не лезь не в своё дело. — Он набросился на пана Граца-старшего: — Покажи-ка лучше молодому человеку комнату, а я пойду куплю ягнёнка. Надо ведь чем-то кормить ребёнка.

Через минуту Пётр уже лежал в постели среди агатов, халцедонов, яшм, гранатов, слюд, известняков, рубинов, сапфиров, кремней, бивней, скульптур, альбомов...

Глаза его стали слипаться. Он уснул.

ТАИНСТВЕННАЯ НАДПИСЬ

Доброе утро, доброе утро.

Ну и долго же ты спал, Пётр. Солнце уже искупалось в море, воздух чист, как перламутр, маленький Грац кричит, что он голоден, пан Грац-младший и пан Грац-старший ссорятся, попугай им помогает в этом, а ты всё ещё лежишь в постели среди удивительных коллекций.

Пётр решительно вскочил с постели и оделся.

Едва он вошёл к комнате к попугаю, как оба Граца с шумом набросились на него.

— Он не даёт мальчику досыта поесть! — закричал пан Грац-младший.

— Мальчишка уже слопал блюдо кровяной колбасы, блюдо ливерной колбасы, горшок буженины и пол жаре-

ного вола, — твердил пан Грац-старший. — А мне надо купить для своей коллекции камень.

— Будто у тебя мало камней!

— Этот камень мне необходим, — визжал пан Грац-старший. — На нём нерасшифрованная надпись, и купец Синдибуд продаёт его всего за сто кисулинов.

— Как ты можешь морить голодом несчастное дитя?

— Я хочу расшифровать надпись!

— Я хотел бы с вами попрощаться, — вежливо сказал Пётр.

— Вы у нас не останетесь? — угрожающе спросил старший Грац.

— Вы хотите от нас удрать? — нахмурился младший Грац.

— А мы вас не отпустим! — закричал попугай.

— Мы вас заплём... — продолжал Грац с круглым носом.

Второй поддакивал ему:

— ...откормим...

— ...изжарим...

— ...и скормим мальчику!

Пётр пришёл в ужас. Вот так влип! И это после приключения с кошками?

— Разве вы людоеды? — произнёс он с удивлением.

— Людоеды, не людоеды — какая разница, — пожал плечами пан Грац с выдающимся острым подбородком. — Мальчик голоден. Он съест вас за милую душу.

— Разве что... — второй сделал вид, что размышляет. — Разве что вы заплатите выкуп.

— Выкуп?

— Да, двести кисулинов...

Пётр выловил в портфеле и бросил на стол две стокисулиновые бумажки.

— Он заплатил, — проскрежетал попугай.

— Будет камень!

— Будет еда для ребёнка!

— Вы благородный человек, — подлизывались к Петру оба Граца. — Знаете, ведь мы только хотели вас напугать. Но кисулины мы себе оставим. Они нам необходимы.

Пан Грац-старший заявил, что немедленно идёт за камнем. Пан Грац-младший помчался за жареными курами. Только пятки засверкали.

Пётр тоже хотел уйти, но попугай задержал его:

— Советую вам обождать. Возможно, что эта надпись вас заинтересует.

— А почему она может меня заинтересовать?

Попугай таинственно промолчал.

Тем временем возвратился пан Грац-старший с большим камнем, на котором были высечены буквы.

— Правда, он хорошенький? — произнёс он.

— Кто? — не понял Пётр. — Мальчик?

— Да нет же, камень. Вот прочтите.

Пётр прочитал:

**РФУЖЩЖТУГЖОЙЛФ ИБ УСЖНЬ ВБОБОБНЙ ТПВЭБЯ, ШУПВА ПО
ПВСБУИМ ГОЙНБОЙЖ ОБ ПТЬНЙОПДЬ ЛСБВБ Й МЙМПОГФЯ МЙМЙЯ.**

Д. Г. Ш. Щ.

— Это очень странная надпись, — покачал головой Пётр.

— Расшифруем шутя и играя... — пробормотал пан Грац-старший.

В комнату влетел как стрела пан Грац-младший с бельевой корзиной, наполненной жареными цыплятами. Вскоре из соседней комнаты донеслось довольное чавканье.

— Почему он столько ест? — спросил Пётр у пана Граца, который рассматривал через огромную лупу надпись.

— Он заколдован, — охотно поделился с ним тот. — Мы все заколдованы. Я должен коллекционировать, мой брат должен жаловаться и сетовать, а мальчик должен есть. Мы не должны иметь ни минуты покоя.

— А кто вас заколдовал? — удивился Пётр.

Пан Грац начал:

— Заколдовала нас...

Но в этот момент послышался скрипучий голос попугая:

— Ты ведь знаешь, что этого нельзя говорить, не то ты превратишься в баобаб.

— А что значит баобаб? — спросил Пётр.

— Это дерево, — с важностью объяснял ему попугай.

— Откуда вы столько знаете? — польстил Пётр попугаю, надеясь, что он ещё что-нибудь расскажет.

Попугай вздохнул:

— Я не всегда был попугаем. Но это было уже давно.

— А может быть, можно сказать, что нас было четыре брата? — спросил Грац у попугая.

— Лучше не говори ничего, — посоветовал попугай.

— Пусть ничего не говорит, а то я его ударю, — плаксиво добавил пан Грац-младший, который как раз возвратился из комнаты мальчика.

— А ведь мы даже не знаем, кто вы, — заметил пан Грац-старший.

Пётр представился и сказал, что он находится в пути за тремя бананами.

Не едва он произнёс эти слова, пан Грац-старший и пан Грац-младший начали громко смеяться. Попугай вторил им скрипучим голосом, а из соседней комнаты слышен был хохот мальчика.

— За тремя бананами! Ха-ха-ха! — икал пан Грац-старший.

— Вот это да-а-а!

— Ой, как смешно! Сил моих нет!

Наконец они умолкли, и попугай пренебрежительно прокрипел:

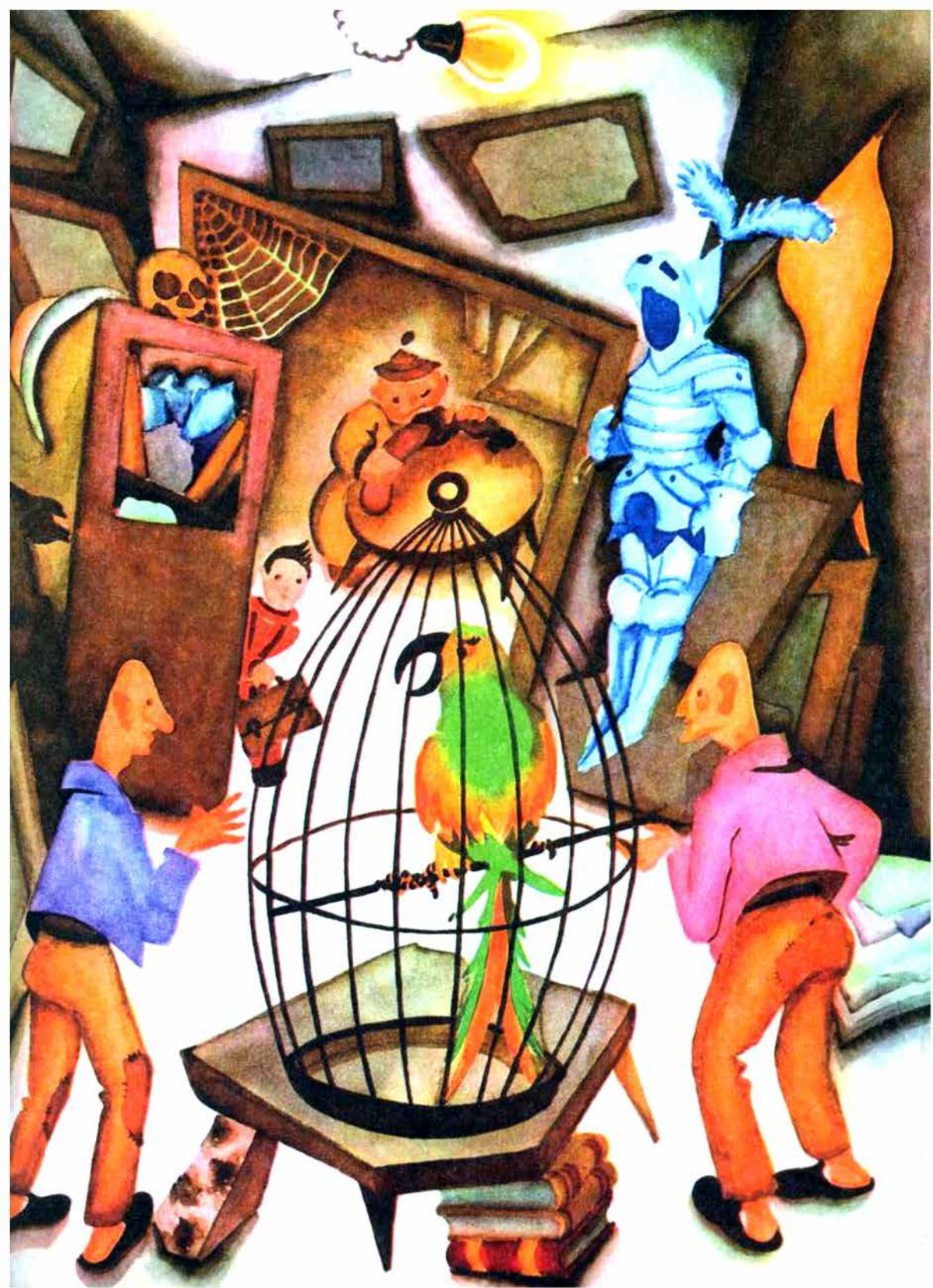
— Вы хотите сорвать три банана?

— А почему бы и нет? — отрезал Пётр обиженно.

— Потому что нас было четверо самых доблестных рыцарей из Вон Там и вот что получилось, — пояснил пан Грац-старший.

— Не надо рассказывать, — вмешался пан Грац-младший.

— Давайте лучше расшифровывать надпись, — махнул рукой старший. — А бананы оставьте там, где они растут. Не то даже не заметите, как превратитесь в дельфина. — Он продолжал: — А что, если вместо букв в надписи мы подставим те, которые в алфавите следуют за ними? Что получится?

Пётр начал:

— СХФЗЭЗУФ... Никакого смысла не получается. А что, если добавить две буквы? — И он сразу попробовал: — ТЦХИЮИФХ...

— Это тоже ничего не даёт, — рассуждал Грац. — Значит, на две буквы меньше: ОТСДЧДРС... Тоже ничего.

— А что, если подставить предыдущие буквы? — предложил Пётр и тут же расшифровал:

**ПУТЕШЕСТВЕННИКУ ЗА ТРЕМЯ
БАНАНАМИ СООБЩАЮ...**

— Я думаю, что этого уже достаточно, — попытался остановить их пан Грац-младший. — Ещё кто-нибудь заподозрит нас, что мы нарочно дали ему это прочитывать.

— Как это — нарочно? — возразил пан Грац-старший. — Разве мы знали, что на этом камне написано? Не знали. Разве это мы расшифровали? Нет, он. Значит, не вмешивайся не в своё дело.

Пётр хотел продолжать, но задумался:

— А что будет перед А?

— Перед А? — Грацы тоже задумались.

— Но это же яснее ясного, — закричал попугай. — Перед А будет Я из прошлого алфавита.

— Из какого прошлого?

— Из того, что написан перед тем, который мы сейчас читаем.

— Ничего не понимаю, — вздохнул пан Грац-младший.

— Один алфавит кончается, второй начинается, второй кончается, третий начинается...

Все были удовлетворены, и Пётр продолжал расшифровывать:

**...ЧТОБЫ ОН ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ НА ОСЬМИНОГА, КРАБА
И ЛИЛОВУЮ ЛИЛИЮ.**

Г. В. Ч. Ш.

— А что такое Г. В. Ч. Ш.? — поинтересовался он.

— Наверно, какое-нибудь сокращение, — догадался пан Грац-старший.

— Гуси взяли четыре шпильки! — крикнул попугай.

— Почему там должно быть: «Гуси взяли четыре шпильки»? — рассердился пан Грац-младший.

— А почему бы и нет?

— Потому что это бессмыслица! — решил Пётр.

Попугай хотел возразить, но в это время слышался гудок парохода.

— Мне пора идти! — крикнул Пётр. — Мой пароход уходит.

— Так вы и вправду едете за тремя бананами? — грустно заговорил пан Грац-старший.

Пётр подтвердил.

— Можно вас о чём-то попросить?

— Разумеется, — Пётр ожидал чего-нибудь серьёзного.

Пан Грац-старший сказал:

— Если вас будут во что-нибудь превращать, то постарайтесь, чтобы вас не превратили в обжору и не прислали к нам. Двоих нам никак не прокормить.

— Счастливого пути! — прокрипел попугай.

Пётр бежал по молу и повторял:

— «Путешественнику за тремя бананами сообщаю, чтобы он обратил внимание на осьминога, Краба и Лиловую лилию». Но кто такой Г. В. Ч. Ш.?

КИТОВОЕ МОРЕ

Пароход в Близко и Далеко ещё не отправился. Матросы драили палубу.

— У вас ещё много времени, — сказал Петру бородатый моряк.

И действительно, солнце ещё не зашло.

Пётр сел на каменную ограду мола и стал ждать. И вдруг он вскочил как ужаленный: портфель с учебниками есть, пакетик с мечтой тоже есть, а где же самокат? Он побежал было со всех ног в домик Грацев, но тут увидел, как самокат подъезжает к нему от пристани. Самокат смотрел на него с упрёком.

— Прости меня, милый самокат, — прошептал он виновато и погладил его по рулю. При этом он заметил, что под звонком был засунут смятый листок бумаги. Он развернул его и прочитал:

Самокат, лети к Перту как птица;
Если он туда, куда стремится,
Доплывёт, доедет, долетит —
Он нас четверых освободит.

«Вот как! Послание от четырёх заколдованных рыцарей. Не бойтесь, — подумал Пётр, — если я попаду к трём бананам, я о вас не забуду».

Пароход загудел, и Пётр поднялся на палубу.

Ему дали место в каюте вместе со стареньким купцом.

Как только корабль стал качаться на волнах, у старичка началась морская болезнь. Пётр ухаживал за ним и развлекал его рассказами о своём путешествии.

— Ты хороший мальчик, — сказал ему старичок, придя в себя. — Когда мне станет лучше, мы спустимся с тобой в трюм, где сложен мой товар. За то, что ты обо мне позаботился, ты сможешь выбрать три вещи, которые тебе понравятся.

— Мне ничего не нужно, — отказывался Пётр. — Ведь это сделал бы каждый.

— Помни, — серьёзно сказал старичок, — что всякое добро бывает вознаграждено точно так же, как за всяким плохим поступком неизбежно следует наказание. Не всегда сразу, но в конце концов за всё и в сказке, и в жизни наступает расплата.

Когда у старичка прошла морская болезнь, пароход уже плыл на полных парах посреди Китового моря.

Старичок пригласил Петра спуститься с ним в трюм.

— Вечером мы бросим якорь в Близко. Там я схожу, — сказал он. — Не медли и иди со мной.

В трюме была масса вещей: ожерелья, перстни, шубы, изящные вазы, платиновые цепи, кувшины, светильники, самые разнообразные игрушки.

Пётр был ослеплён красками и блеском и одурманен ароматом.

Он прошёл ещё несколько шагов и увидел ковры, толстые, как каменные плиты, пёстрые ткани, занавески, такие тонкие, как будто их выткали пауки, кашемировые шали, кинжалы, украшенные перламутром, золотые сосуды и серебряную утварь, флакончики с благовонными мазями и цветочными маслами, мешочки с редкими кореньями, фигурки из слоновой кости. А за ними в самом углу он увидел брошенный бинокль, музыкальные часы и рукавичку. Одну рукавичку на левую руку.

— Иди прогуляйся по палубе, — сказал старый купец, увидев, что Пётр растерялся, — и всё хорошо обдумай. Я не могу тебе советовать. Но вполне возможно, что от твоего выбора многое будет зависеть. Поэтому не торопись.

Мальчик опёрся на палубе о поручни и стал смотреть на волны, отражавшие блеск солнечных лучей. Он думал. Что же выбрать? Какую-нибудь игрушку? Их там полным-полно! Или шаль? Кинжал? Фигурку верблюда? Решить было трудно.

В это время прямо за его спиной послышался приглушённый голос:

— Ражмысляете?

Пётр его сразу узнал: это был моряк с Шепелявой улицы. Он выглядел теперь как настоящий морской волк. И шрам на его лице казался ещё более красным.

Пётр совсем не удивился этой встрече. Если он мог увидеть в Школе языков пана Вау, почему же он не может встретиться на корабле с моряком из сна?

Шепелявый моряк осторожно осмотрелся и приложил палец к губам.

— Мы должны быть ошторозны, цтобы никто наш не увидел, — заметил он. — А то они подумают, сто мы тут шстроим кожни. Или готовим вошштание.

Пётр невольно улыбнулся, представив себе, как он с шепелявым моряком готовит на корабле бунт.

Но моряк продолжал:

— Как вам понравилось в паноптикуме? — Не дожидаясь ответа, он прошептал: — Вы вшë там видели? Мне больсе вшего нравитшя медвезонок Пу. — Он перебил сам себя и спросил решительным голосом: — Вы жнаете много шкажок? И ту, как Аладдин выбрал из нешметных шокровищ штарую пыльную лампу?

«Зачем он мне это рассказывает? — думал Пётр, намереваясь пропустить его слова мимо ушей. — Что ему до какого-то там Аладдина и пыльной лампы, которую он выбрал из несметных сокровищ...»

Стоп! Что сказал старенький купец? «Вполне возможно, что от твоего выбора многое будет зависеть». Лампа Аладдина! Что видел Пётр в углу за несметными богатствами? Обыкновенный бинокль, ничем не примечательные музыкальные часы и смешную рукавичку без пары. Итак, будем выбирать по закону сказок — на то мы и на сказочной планете! Здесь, конечно, проиграл бы тот, кто не разбирается в сказках...

— Благодарю вас, — сказал Пётр удивлённому моряку и попрыгал на правой ноге в трюм.

Торговец ждал его с нетерпением. Близко было уже близко.

— Ну, что же ты выбрал? — спросил он доброжелательно.

Пётр огляделся и указал через горы сияющих, сверкающих, блестящих и слепящих глаза предметов в угол на бинокль, часы и рукавичку на левую руку.

— Ты сделал хороший выбор, — улыбнулся торговец. — Я и сам не смог бы тебе лучше посоветовать.

— Почему? — поинтересовался мальчик.

— Этот бинокль врёт, — объяснил ему старичок. — Если направить его на море, он покажет пустыню. Часы избавят тебя от грусти. Когда они играют, хочется смеяться. Услышав их мелодию, ты забудешь все неприятности.

— А рукавичка?

— Рукавичка для тебя особенно важна. Надев её на руку, ты можешь превратиться в жирафа, в кофейную мельницу, во что угодно.

— И в осьминога?

— Даже и в осьминога.

Пётр поблагодарил старичка, но тот отрицательно покачал седой головой:

— Ведь и ты мне помог. Пусть только эти вещи сослужат тебе хорошую службу.

Пароход дал два коротких и два длинных гудка. Они были уже в Близко, и в трюм начали спускаться грузчики, чтобы вынести товар старичка.

Ночью Пётр вдруг проснулся. Корабль швыряло во все стороны, море дико ревело.

Пётр надел непромокаемый плащ с капюшоном, висевший на вешалке, и выбежал из каюты. По палубе бегали матросы и взволнованные пассажиры.

— Что случилось? — крикнул Пётр одному из моряков, но корабль вдруг так качнуло, что от толчка Пётр упал на палубу и ударился о поручни.

— Спускайтесь в трюм! — кричал в микрофон помощник капитана с капитанского мостика. — Сохраняйте спокойствие!

Качка продолжалась, и Пётр едва дополз до ступеней. В столовой собрались почти все пассажиры.

— Это не шторм? — спросил мальчик человека в цилиндре.

Человек перепуганно посмотрел на него.

— Да, это не шторм, — пробасил он. — Это во много раз хуже. Это плывут киты. Если мы попадём в их стаю, мы погибли.

Пётр умолк. В кармане он нащупал рукавичку. Если будет невмоготу, он превратится... Во что он превратится? Как говорил старичок? «Ты можешь превратиться в жирафа...» Но что будет делать жираф на палубе тонущего корабля? «...или в кофейную мельницу». Но каково будет мельнице посреди бушующего моря?

Он побежал в каюту за своими вещами.

Схватил бинокль, часы, самокат, портфель с учебниками...

Вдруг раздался стук в дверь.

Он отворил.

Перед дверью каюты стояли четыре крепких матроса с мрачными и грозными лицами.

— Вот он! — возмущённо сказал моряк, которому ещё на молу Пётр рассказал, что едет на Где-то Там.

— За борт его! — процедил второй.

— Всё это из-за него! — добавил третий.

Четвёртый моряк решительно закончил:

— Не будем подвергать себя опасности из-за какого-то там бродяги!

— Что случилось? — удивлённо спросил Пётр.

— Вы должны немедленно покинуть корабль! — заявил первый моряк.

— Но почему?

— Нечего с ним церемониться! — добавил второй. — За борт его.

— погоди, — остановил его третий. — Мы должны ему всё объяснить. Чёрная дама послала на нас китов. Почему? Из-за вас, это ясно. Вы хотите попасть на Где-то Там — ей это не нравится. Если вы не высадитесь, мы все погибнем.

— Понимаю, — тихо сказал мальчик. Как же Чёрная дама узнала, что он находится на палубе корабля? Неужели его предали братья Грацы или шепелявый моряк? Но этому трудно поверить. Наверное, у Чёрной дамы есть свои разведчики.

Времени для размышлений не оставалось.

Он надел рукавичку и тихо произнёс:

— Я хочу превратиться вместе со всеми своими вещами в альбатроса.

Четыре моряка остолбенели. В каюте вместо мальчика вдруг оказался альбатрос, который поднялся по ступеням на палубу и мощным взмахом крыльев взлетел в небо.

Море сразу успокоилось — киты исчезли.

В тёмной высоте летела светлая точка.

НА ПОКИНУТОМ ОСТРОВЕ

Пётр-альбатрос в отчаянии размахивал крыльями. Он летел уже из последних сил, а под ним всё ещё была бесконечная морская гладь.

Долетит или упадёт в море?

Смотрите — вот альбатрос покачнулся. Но снова собрался с силами и продолжает полёт. К счастью, он увидел вдали на море маленькую точку.

Это был остров.

Когда альбатрос сел на землю, он снял с лапы рукавичку и заскрипел альбатросьим голосом:

— Хочу снова быть искрой Петром.

И через мгновение на утёсе сидел Пётр с портфелем, самокатом, мечтой, биноклем, музыкальными часами и рукавичкой. Он тяжело дышал. Опять он попал в переплёт! Стоят ли этого три банана? И зачем они нужны Господину в чёрной шляпе? И почему Чёрная дама их так охраняет? И главное: сколько ещё препятствий его ждёт?

Кто ответит ему на эти вопросы?

Пётр ужасно устал, и ему очень грустно. Надо бы поднаться, осмотреть остров, где он очутился, но ему не хочется. Совсем ничего не хочется.

Который, собственно, час? Наверное, уже восемь.

Пётр прикоснулся к часам старичка, и они заиграли весёлую песенку. Пётр послушал, и вдруг ему снова стало хорошо. Опасность? Преследования? Трудности? Он всё преодолевает. И он засмеялся.

Когда песенка окончилась, он бодро вскочил, встал на самокат и прошептал:

По суше и по воздуху
Вези меня по острову!

Самокат тронулся с места и поехал к центру острова. Пётр с интересом смотрел по сторонам,

Но нигде он не видел ни живой души: ни птички-синички, ни лисички-сестрички, ни зелёного листочка, ни аленького цветочка. Только голые скалы да кактусы. Кактус тигровый зев, рождественский кактус, агава, кактусы высокие, кактусы круглые, кактусы гладкие, как стволы деревьев, и кактусы, усыпанные цветами. Везде шипы и колючки.

Остров был небольшой: через минуту самокат уже был на противоположном берегу, за которым опять простиралась широкая водная гладь. Только вдали чернела точка. Почему же Пётр не взял с собой бинокль? Но ведь в бинокль он всё равно увидел бы что-нибудь другое.

Возвращаясь обратно, Пётр увидел белую табличку, на которой была синяя буква

Г

И больше ничего. Пётр долго ходил вокруг надписи, но ничего не мог сообразить. Г. Что такое Г? Этого он не знал.

Самокат тархтел по камням, время от времени взлетая над кактусами, которые попадались ему на пути.

Так Пётр стал Робинзоном — только на острове, по сравнению с которым там, где потерпел крушение Робинзон Крузо, был настоящий рай...

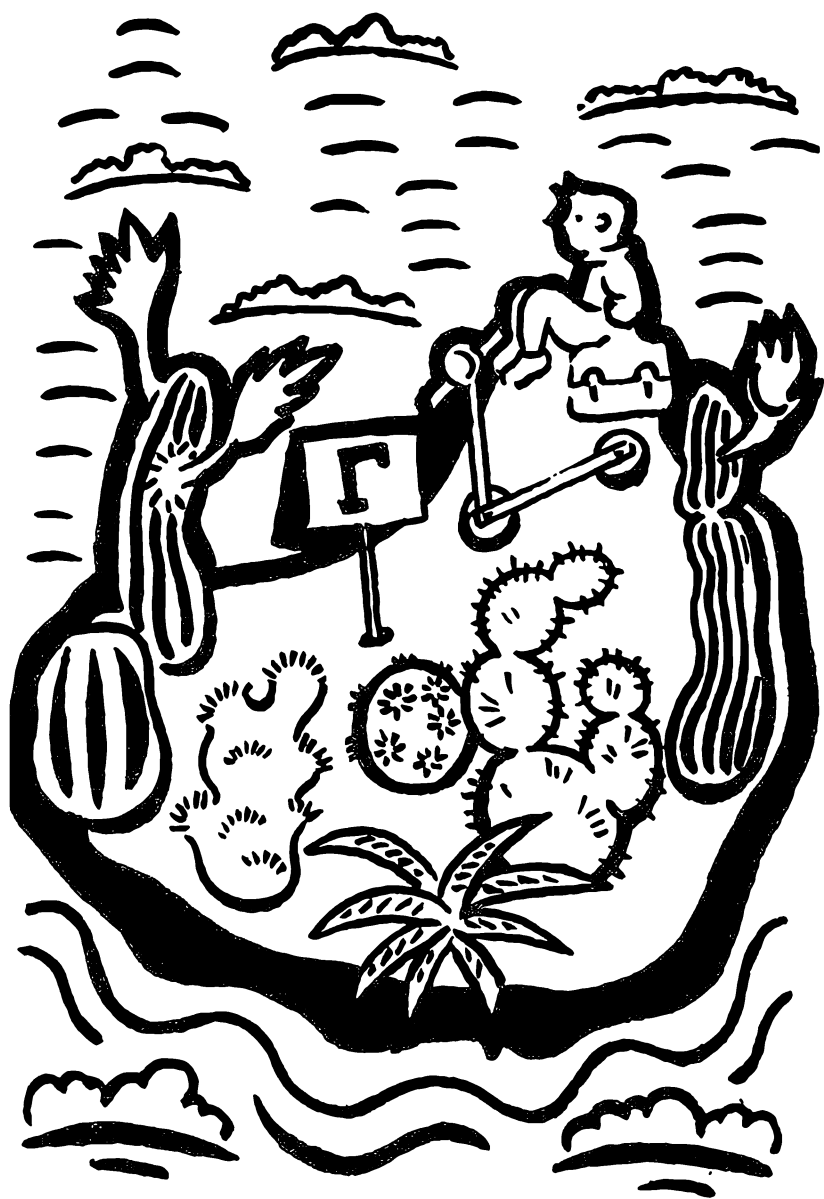
Пётр вернулся к своим вещам.

Он вспомнил о книжке, которую ему подарили псы, и начал искать её. Может быть, она отвлечёт его от грустных мыслей. Это был маленький альбом, озаглавленный «Пёс и кошка». На каждой странице была картинка с подписью. Пётр начал читать:

1. Когда-то у псов была своя планета.
2. На этой планете они весело лаяли.
3. Тогда и у кошек была своя планета.
4. На этой планете они весело мяукали.
5. Чёрной даме это не понравилось — Чёрная дама не любит, когда кто-нибудь весел и счастлив.
6. Чёрная дама вызвала сильную бурю.
7. Буря сдвинула с места планету псов и планету кошек.
8. Планеты отклонились от своих орбит и столкнулись.
9. Псы ругали кошек, а кошки бранили псов: «Это вы виноваты!»
10. С тех пор псы и кошки не любят друг друга и дерутся при каждой встрече.

— Вот, — сказал Пётр, — опять эта Чёрная дама. Кажется, дело не только в трёх бананах. Дело значительно серьёзнее.

Пётр вскочил, собрал вещи, надел рукавичку на руль самоката и сказал:

Не лети и не катись —
Быстро в лодку превратись!

И сразу на волнах закачалась моторная лодка, которая поплыла, едва только Пётр в неё сел.

Прощай, покинутый остров, прощайте, кактусы!

ЛИЛОВАЯ ЛИЛИЯ

Тёмная точка оказалась следующим островом в Китовом море. Но лодка остановилась на значительном расстоянии от него. Пётр быстро придумал стишок:

Милая лодочка, не тормози,
Быстро на остров меня отведи!

Но лодка не двинулась с места. Она упрямо стояла и не шевелилась. Тут что-то не так. Наверное, её заколдовала Чёрная дама... или... или — и это вероятнее всего — перед Петром новая опасность.

И эту опасность надо преодолеть!

Пётр снял рукавичку с мотора лодки, надел её на руку и сказал:

Лодка встала — ну и пусть!
Я в акулу превращусь!

И вот уже бороздит волны грозная акула, перед которой бросаются врассыпную осетры, камбала и треска.

Акула-Пётр подплыл к самому острову и увидел Лилую лилию с маленьким микрофоном и антенной. Это была лилия-наблюдатель.

Она как раз говорила в микрофон:

— Лодка остановилась и исчезла в волнах. Наверное, она потерпела крушение или её проглотил кит. Стоп. Прерываю передачу.

Кому передаёт лилия свои сообщения? Кто бы это ни был, сыграем с ним шутку. Пётр вытащил из-под плавника бинокль и высунул его из воды.

— Смотри-ка, бинокль! — удивилась лилия. — Он мне пригодится. Наверное, он с потонувшей лодки.

Лилия приложила бинокль к глазам, вся затрепетала и включила микрофон:

— Говорит лилия, говорит лилия. Вы меня слышите? Приём.

Её, очевидно, услышали, потому что Лиловая лилия продолжала:

— Продолжаю наблюдение за великолепным боем кита с лодкой. Мальчик на лодке защищается, но безуспешно. Кит проглотил лодку вместе с мальчиком. Опасность миновала. Это был кит Всеед. Стоп. Передача окончена.

«Ну и ну, — подумала акула, — значит, я на правильном пути. Ведь таинственная надпись предостерегала меня от Лиловой лилии. А лилия, так же как и киты, охраняет покой Чёрной дамы».

Ну что ж, оставим лилии бинокль. Её обманчивые наблюдения ещё смогут вызвать на Где-то Там изрядную суматоху.

Акула доплыла до уединённого заливчика и превратилась в Петра. Пётр сел на самокат и поехал по острову. Остров был пуст и нем. Здесь росли только эвкалипты. На самом высоком эвкалипте висела табличка с надписью:

Д

Вы ещё не знаете, что значит буква Д? А Пётр уже начинает догадываться...

А что же дальше? Поехали к следующему острову, который вырисовывается на горизонте.

ОГНЕУС И ТРИ ЗОЛОТЫХ ВОЛОСА ЗЛАТОВЛАСКИ

При помощи рукавички Пётр стал китом. Он бороздил море во всех направлениях. Примерно на полпути между островами он встретил другого кита. Тот пробубнил:

— Охраняете, охраняете?

— Охраняю, охраняю, — с энтузиазмом пробубнил кит-Пётр.

— Ну, охраняйте, охраняйте, — с ещё большим энтузиазмом ответил ему другой кит.

— Все охраняют, все охраняют? — поинтересовался Пётр.

— Охраняют, охраняют, — подтвердил кит. — Через эту полосу, через эту полосу никто не пройдёт.

— Никто, никто, — весело согласился Пётр.

— Ну, пока, ну, пока, — пробубнил кит на прощание и величественно уплыл.

— Привет, привет! — крикнул ему вслед озорной кит-Пётр и быстро поплыл к острову.

Что ждёт Петра на следующем острове, где на самом берегу стоит табличка с буквой

Е?

Краб или Осьминог?

Но там не было ни Краба, ни Осьминога. Там было очень жарко.

Везде пылали большие костры. Деревья за минуту вырастали на пять сантиметров. Между ними бегал красный человек с рыжей бородой и рыжими волосами, ломал ветки и бросал их в огонь.

Посреди острова сидела бледная девушка с золотыми волосами, ниспадающими до самой земли, дрожала от холода и просила:

— Подбрось, Огнеус, потому что я здесь замёрзну!

А Огнеус бегал по острову и ломал деревья, пламя поднималось вверх, и жара становилась всё нестерпимее.

— Тепло ли тебе, Златовласка? — спрашивал он девушку поминутно.

— Топи, Огнеус, — сердилась Златовласка. — Ах, как тут холодно.

Огнеус забегал ещё быстрее, костры запылали ещё жарче. Деревья росли и росли, но их едва хватало для поддержания огня.

— Если бы кто-нибудь посоветовал мне, как согреть тебя, Златовласка, — сетовал Огнеус, с которого уже пот лил ручьями, — я дал бы ему всё, чего бы он ни пожелал.

— Но ведь у тебя ничего нет, Огнеус, — засмеялась Златовласка. — Только дрова и огонь.

— Я подарил бы ему, например, три твоих золотых волоса, — крикнул Огнеус.

— Но ведь ты знаешь, что Чёрная дама запретила это делать! — заволновалась Златовласка.

— Ну и что же, что запретила, — возразил Огнеус, — пришла бы сюда сама и хоть часок здесь поработала. Попробовала бы! Ей легко говорить, а у меня уже голова кругом идёт. — Красный человек с рыжей бородой и рыжими волосами на минутку остановился передохнуть.

— Подбрасывай, подбрасывай! — кричала Златовласка. — Разве ты не видишь, как я дрожу от холода?

Огнеус вздохнул и снова принялся за работу.

— А на что годятся мои три золотых волоса? — спросила девушка.

— Ни на что, — отрезал Огнеус. — Только тот, у кого есть три золотых волоса Златовласки и три серебряных волоса Сребровласки, может... — Остальные слова потонули в треске огня и хрусте веток.

— Что ты сказал? — рассердилась Златовласка.

Но Огнеус лишь махнул рукой:

— Мне некогда.

Пётр наблюдал эту сцену всё ещё в обличье кита. Вдруг его осенила какая-то мысль, он снова стал мальчиком, самокат превратил в комбинезон с охлаждающим устройством, надел его на себя (иначе в этой жаре он бы не выдержал) и вышел на берег.

— У меня есть для вас совет, Огнеус.

Огнеус удивлённо оглянулся:

— Кто вы?

— Я ваш друг, — сказал Пётр. — Я хочу вам помочь.

— Не слушай его и топи, — стонала Златовласка.

— Говорите быстрее, а то погаснут мои костры, — подошёл Огнеус к Петру.

— Что вы дадите мне за мой совет? — поинтересовался Пётр.

— Телегу дров, — предложил Огнеус.

— Не хочу.

— Зажигалку.

— Она мне не нужна.

— Спички.

— Тоже не нужны.

— Но у меня ничего больше нет, — огорчённо сказал Огнеус.

Пётр улыбнулся:

— А три золотых волоса Златовласки?

Огнеус тяжело вздохнул и опустил глаза. Он думал.

— Мне холодно, я замёрзну, я превращусь в мороженое! — пищала Златовласка.

— Да, в ванильное, — подтвердил Огнеус, потом подошёл к девушке и выдернул у неё три волоска, так что они зазвенели. — Возьмите, — подал он их Петру. — А теперь я жду вашего совета.

— Пусть Златовласка помогает вам топить, — засмеялся Пётр. — Вот увидите, ей сразу станет тепло.

— Пусть Златовласка помогает мне топить... — с трудом соображал Огнеус. — Ну да! — Он хлопнул Петра по плечу и едва не повалил его. — Ну да, приятель, отличная идея! — И он занялся делом. — Марш! — согнал он Златовласку с её скамеечки. — Топи!

Златовласка с трудом поднялась, сделала несколько шагов и качала ломать веточки, сначала очень маленькие, потом всё большие.

— Огнеус, — закричала она радостно, — мне уже тепло! Сейчас мы оба отдохнём. Смотри, как хорошо горят костры!

Пётр не стал больше ждать. Он снова превратился в кита (в Китовом море это было самое разумное) и отправился к следующему острову.

СНЕГОВИК И ТРИ СЕРЕБРЯНЫХ ВОЛОСА СРЕБРОВЛАСКИ

Посреди морской глади между островом Е и островом Т (он уже издали видел эту надпись в центре белого острова, который казался сделанным из сахара) Петра остановил ещё один кит.

— Привет, привет! — пробубнил он.

— Привет, привет! — в тон ему вторил Пётр.

— Куда плывёте, куда плывёте? — спросил кит.

— Охраняю, охраняю, — ответил Пётр.

— Вот хорошо, вот хорошо, — пробубнил кит. — Здесь конец, здесь конец.

— Конец чего, конец чего? — спросил Пётр.

— Охраняемой полосы, охраняемой полосы, — ответил кит.

— А что дальше, а что дальше? — снова спросил Пётр.

— Не ваше дело, не ваше дело. Но я скажу вам, но я скажу вам. Дальше холод, дальше холод. — И, не попрощавшись, уплыл.

Пётр был рад, что кит ни о чём его не расспрашивал. Он надел рукавичку и превратился в тюленя.

Остров был не из сахара, а из снега и льда.

Посреди снега и льда на ледяных креслах с поручнями из сосулек сидели Снеговик с красным носом и Сребровласка, чьи длинные серебряные волосы звенели на ветру, как маленькие колокольчики. Тюлень Пётр вылез на льдину, перелез на заснеженную равнину острова и спрятался прямо за креслами Снеговика и Сребровласки. Отсюда ему хорошо было слышно каждое слово.

— Как здесь грустно... — вздыхала Сребровласка.

— Посмотри на танцующих снежинок, — предлагал ей Снеговик.

- Я смотрю, но мне всё равно грустно.
- Ну, тогда поиграй в снежки.
- Когда я играю в снежки, мне ещё грустнее.
- Может быть, хочешь пососать сосульку?
- Не хочу...
- И малиновую не хочешь?
- Нет, нет...
- И апельсиновую?
- Никакую.

Тишина. Только ветер воет и подбрасывает вверх снежную пыль.

- Мне очень грустно, — снова вздыхает Сребровласка.
- Оставь меня в покое, — отмахивается от неё Снеговик.
- Я хочу к людям.
- Но ты растаешь, если уедешь с нашего острова.
- Но здесь нет никаких развлечений.
- Зато много снега.
- А на что он мне, если я не умею ходить на лыжах.
- Здесь есть лёд.
- Я не умею кататься на коньках.
- Так чего же ты хочешь?
- Поговорить с кем-нибудь.
- Ну, говори со мной.

Но Сребровласка продолжала ныть, как будто у неё болел живот:

- Вот если бы здесь была весёлая компания...

Петру только этого и надо было. Он превратился в мальчика, вышел из своего укрытия и низко поклонился.

— Живое существо! — обрадовалась Сребровласка. — Кто ты? Не холодно ли тебе тут? Откуда ты взялся? — Не ожидая ответа, она спрыгнула с кресла. — Вот хорошо, что ты пришел. Мы будем вместе играть. И я тебя никогда не отпущу. Ты должен остаться здесь.

Пётр вздрогнул. Во-первых, ему было действительно холодно, а во-вторых, он почувствовал озноб при одной мысли о том, что ему придется остаться здесь, среди снега и льда. Он быстро натянул рукавичку на самокат и превратил его в тёплую шубу, которую надел на себя. Потом он снова поклонился Сребровласке и Снеговiku.

— Что тебе здесь надо? — забеспокоился Снеговик. — Тебе не следовало сюда приходить. Ты не такой, как мы, ты скоро захочешь уйти, и Сребровласке тогда станет ещё грустнее.

— Вы правы, пан Снеговик, — согласился Пётр. — Я не смогу у вас остаться. Но я пришёл для того, чтобы развеселить Сребровласку.

— Ну, говори, — нахмурился Снеговик, а Сребровласка с нетерпением ждала, что же будет дальше. — Если ты её не развеселишь, я подую на тебя, и ты обледеешь.

— Сейчас скажу, — пообещал мальчик. — Сейчас я вам всё скажу. Но вы тоже дайте мне обещание.

— Какое обещание?

— Что я получу три серебряных волоса Сребровласки, если мне удастся её развеселить.

Снеговик задумался:

— Три серебряных волоса Сребровласки? А почему бы и нет? Все равно они не принесут тебе никакой пользы, если у тебя нет трёх золотых волос Златовласки.

— А если бы у меня были три золотых волоса Златовласки?

— Тогда бы ты мог... — Тут завыл сильный ветер, едва не поваливший Петра. Пётр не расслышал следующих слов, а переспросить уже не мог: Снеговик требовал, чтобы он скорее развеселил Сребровласку.

— Но вы оба должны мне помочь, — сказал Пётр.

— Да, да, — захлопала Сребровласка белыми ладошками. — Мы с радостью сделаем всё, что ты скажешь.

— Мне нужно несколько больших снежных шаров, несколько маленьких и несколько самых маленьких, — сказал Пётр и начал сам катать первый шар.

Снеговик и Сребровласка минуту смотрели, а потом стали помогать.

— Теперь мне нужны четыре морковки и несколько угольков, — продолжал Пётр, когда работа была окончена. — И четыре старые кастрюли.

Снеговик ему всё принёс.

Пётр поставил по три шара один на другой — большой, меньший и самый маленький, — на самых маленьких при

помощи морковки и угольков сделал носы и глаза, надел на головы кастрюли, приделал руки — и четыре снеговика были готовы.

Каждому он на минуту надел рукавичку, сказав при этом:

Снеговичок мой белый, оживай скорее,
Чтобы Сребровласка стала веселее!

И снеговички начали прыгать вокруг Сребровласки.

Сребровласка громко засмеялась. И мрачный Снеговик тоже повеселел. Но он стал торговаться:

— А может быть, ты хочешь в награду ореховое мороженое?

— Не хочу, — покачал головой Пётр.

— Или шоколадного мишку?

— Тоже нет.

— Тогда я дам тебе торт из мороженого.

— Я хочу три серебряных волоса Сребровласки.

— Ну ладно, выдерни, — сдался Снеговик. — Только побыстрее, чтоб никто не заметил.

Пётр подскочил к Сребровласке — и... дзинь — первый волосок, динь — второй, дон — третий. Он крепко зажал их в руке.

— Внимание! — вдруг предостерегающе крикнул Снеговик. — Видите чёрную тучу на горизонте? Сюда летит Чёрная дама... Прячьтесь! — обратился он к Петру. — А остальные — ни звука!

Пётр снова надел рукавичку и превратился в маленького снеговичка.

Через минуту налетела стая воронов и грачей, тянувшая лёгкую воздушную колесницу, в которой сидела Чёрная дама. Её лицо было бледным как мел.

Голос её свистел, как северный ветер, предвещающий мокрый снег:

— Что у вас здесь за компания?

— Несколько снеговиков, госпожа.

— И больше никого здесь не было?

— Ни живой души, госпожа, — ответил Снеговик.

— Будьте бдительны и сторожите как зеницу ока волосы моей Сребровласки. Если кто-нибудь завладеет ими, вам будет плохо.

— Мы сторожим, госпожа.

— Сюда приближается флотилия кораблей с контрабандистами и пиратами. Об этом мне сообщила Лиловая лилия. Я окружу корабли туманом, и они потеряют курс. Не успела я избавиться от Перта, а новые заботы тут как тут.

Как только отзвучали последние слова, стая воронов и грачей закаркала и улетела.

Маленький снеговичок снова превратился в Петра.

— Знаете что, — обратился к нему Снеговик, — верните мне три серебряных волоска. Не то узнает Чёрная дама...

— Не бойтесь, пан Снеговик! — крикнул Пётр. — И будьте здоровы!

Он махнул рукавичкой, превратил свою шубу в маленький самолёт и полетел к следующему острову.

О КРАБЕ, КОТОРЫЙ ПЛАКАЛ

Островок, где приземлился Пётр, был совсем маленький. Весь он был покрыт мягким песком, в который была воткнута палка с надписью:

О

Возле таблички сидел Краб и плакал навзрыд.

— Что с тобой? Почему ты плачешь? — с участием спросил у Краба Пётр.

Краб удивлённо посмотрел на Петра:

— Ты серьёзно хочешь это знать? — и продолжал плакать.

— Хочу, — кивнул головой Пётр.

Краб недоверчиво посмотрел на мальчика:

— Я плачу вот уже триста тридцать три тысячи лет, и ещё никто никогда не спрашивал меня, почему я плачу, — и слёзы катились из его глаз и стекали по песку в море.

— Но я серьёзно тебя спрашиваю.

Краб горестно развёл клешнями:

— Но я не понимаю тебя. Зачем ты спрашиваешь?

— А может быть, я смогу тебе помочь?

— В чём помочь? — удивился Краб и начал понемногу успокаиваться.

— Чтобы ты больше не плакал.

— А допустим, я хочу плакать.

— Допустим, что ты не хочешь.

— А я как раз сейчас хочу плакать, — упрямо возразил Краб.

— Но ведь никто не может хотеть плакать ни с того ни с сего, — возразил Пётр.

— Я плачу с того и с сего, — похвастался Краб.

— Но ведь ты плачешь так триста тридцать три тысячи лет? Не слишком ли это долго? Вся вода вокруг, наверное, уже стала пересоленной.

— Что правда, то правда! — загордился Краб.

— Ну и хватит, — предложил ему Пётр.

Но Краб уже снова пустил слезу:

— А если я не могу?
— Почему ты не можешь?
— Потому что я должен плакать.
— А почему должен?
— Потому что я очень несчастный.
— А почему ты несчастный?
— Потому... потому... — Краб вдруг запнулся. — Знаешь, я уже за эти годы забыл, почему я несчастный. Но я действительно несчастный — и ещё как!

— У тебя что-нибудь болит?
— Болит.
— Что?
— Глаза — от слёз.
— Так не реви, — сказал Пётр. — И не будешь несчастным.

— Но как же это сделать? — растерянно спросил Краб. Пётр вспомнил о своих музыкальных часах.
— Знаешь что? — улыбнулся он Крабу. — Я дам тебе часы.

— Зачем? У меня есть песочные.
— Ты только послушай.
Пётр завёл часы, и они начали играть красивую песенку. Краб немножко послушал, потом сам стал напевать мелодию и наконец чуть ли не пустился в пляс.

— Послушай, — обратился он к Петру, — ты насовсем мне их даёшь?

— Они твои, — просто сказал Пётр.
— Очень мило с твоей стороны, — сказал растроганный Краб. — А что дать тебе взамен?
— Мне ничего не нужно.
— Серьёзно?
— Серьёзно.

Краб осмотрелся вокруг:
— У меня здесь вообще-то ничего нет. Только песочные часы. И табличка с буквой О. Хочешь букву О?
— А на что она годится?
— Это очень хорошая буква, — похвалился Краб. — Её можно повесить на шею и стать невидимым. Если тебе надо стать невидимым, я могу тебе дать это О.

— Если оно тебе не нужно...

Краб подпрыгнул от радости:

— Возьми, конечно.

— А вдруг придёт Чёрная дама и спросит, где буква?

— Пустяки, — махнул Краб клешнёй, — я скажу, что она растворилась в соли. Чёрная дама всё время требует, чтобы я охранял. Как будто сюда кто-нибудь может пробраться мимо китов, Лиловой лилии, Огнеуса и Снеговика? Ведь сюда никогда не попадёт тот, кому здесь не следует быть. Тебе здесь следует быть, правда?

— Ещё бы! — засмеялся Пётр. — Но лучше не говори обо мне с Чёрной дамой, хорошо?

— И придёт же тебе в голову! — рассердился Краб. — Разве я могу вставить хоть слово? Говорит всё время она. А я лишь тихонько плачу.

— Ну, мне пора, — поднялся Пётр. — Мне надо сегодня попасть ещё на следующий остров.

— К Осьминогу?

— Да, — кивнул Пётр небрежно.

— Ага. А может быть, тебе ещё что-нибудь дать? Ну, хотя бы песочные часы?

— Нет, спасибо, — отказался Пётр. — Постой! Я вот что подумал: а что, если бы кто-нибудь имел три золотых волоса Златовласки и три серебряных волоса Сребровласки...

— Глупости, — прервал его Краб. — Их не может иметь никто. Огнеус и Снеговик никогда бы их не отдали.

— Подожди, — успокоил его Пётр. — Я спрашиваю: если бы...

— Если бы... — засмеялся Краб. — Вот шутник. Если бы да кабы во рту выросли грибы...

— Что?

Краб чуть не валился от смеха:

— В том-то и всё дело, что был бы не рот, а целый огород.

Пётр из вежливости улыбнулся, но потом снова вернулся к своему вопросу:

— Так что бы было, если бы кто-нибудь имел все шесть волосков?

— Не задавай глупых вопросов, — обиделся Краб. — Ведь это знает каждый крабёнок ещё в первом классе: он смог бы сорвать три банана.

— Каким образом?

— Не притворяйся, что не знаешь. Ты просто хочешь меня испытать, правда?

— Гм!.. — неопределённо промычал Пётр.

— Так я и знал. Но чтобы ты не мог сказать, что я не знаю, я отвечу тебе: к одному концу банана надо привязать золотой волосок, к другому — серебряный и этими волосками сорвать банан.

— А почему его нельзя сорвать просто так?

Крабу стало смешно до слёз:

— Вот хитрец! Разве можно сорвать три банана просто так?

— Правильно, — ответил Пётр, лишь бы что-нибудь сказать, но он уже начинал понимать. Одно только не было ему ясно — почему Чёрная дама сама не воспользуется золотыми и серебряными волосками. Он спросил об этом Краба.

— Ты не знаешь? — удивился Краб.

— Я тогда отсутствовал на уроке, — отговорился Пётр.

— Это абсолютно ясно. Чёрная дама не смеет коснуться волос: она обожглась бы. Так устроил Господин в чёрной шляпе.

— Теперь понятно, — улыбнулся мальчик. — Ну, я пошёл. Пусть тебе верно служат мои часы.

— Спасибо. До свидания, — помахал Краб клешнёй. — И передай привет Осьминогу.

ОСЬМИНОГ И АРИФМЕТИКА

Пётр встал на самокат и прошептал:

Сегодня придётся, дружок, нам с тобой
До острова Т пронестись над водой.

И сразу очутился на острове с надписью:

Т

Или, может быть, вы думаете, что этот остров должен называться иначе?

Он едва не наткнулся на Осьминога, который с достоинством восседал на скамейке из морской травы.

— Эй, вы! — заворчал Осьминог. — Поосторожнее! Тут вам не автострада.

— Привет вам от Краба, — поторопился Пётр.

— Благодарю, — сухо сказал Осьминог. — Но это не объясняет, зачем вы сюда пожаловали.

— Мне здесь следует быть, — с важностью сказал Пётр.

Осьминог испытующе посмотрел на Петра:

— Вам здесь следует быть? Подождите, я проверю сторожевые посты. Вы не кит. И не Лилия. И не Огнеус. И не Снеговик. И не Краб. Осьминог — это я. Вы и не дракон Бойсябой. Так кто же вы тогда? А раз вы мне неизвестны, я должен вас выгнать, арестовать, повесить, утопить, четверговать.

— Всё сразу? — засмеялся Пётр.

— Что-то вы слишком самоуверенны, — решил Осьминог. — Возможно, вам действительно следует здесь быть. Почему же тогда Чёрная дама мне об этом не сообщила? Происходят какие-то изменения, но я, как всегда, не в курсе: я охраняю, а мне ничего не говорят. Откуда мне знать, что вам здесь следует быть?

Пётр вытащил из портфеля разрешение от тютелек и показал его Осьминогу. Осьминог взял его двумя щупальцами, другими двумя щупальцами надел очки и с серьёзным видом углубился в бумагу.

Через некоторое время он вздохнул:

— Читать-то я не умею.

— Как же так? — удивился Пётр. — Разве вы не ходили в школу? (В душе он был, конечно, рад, потому что разрешение тютелек в глазах Осьминога, наверное, не могло иметь большой цены.)

— Ах, дорогой мой, — пожаловался Осьминог, — как я хотел ходить в школу, как я радовался книге для чтения, грамматике и, главное, арифметике! Только Чёрная дама не разрешила мне ходить в школу. Она сказала, что некому охранять остров Т.

— Как жаль, — сокрушался Пётр. — А почему вы не купили учебники, чтобы учиться здесь, на острове?

— И это мне Чёрная дама запретила. Она сказала, что я тогда буду плохо охранять.

— Вот видите? — Пётр сделал вид, что сердится. — И она не подумала, что сюда приду, например, я с разрешением и вы не будете знать, что в нём написано.

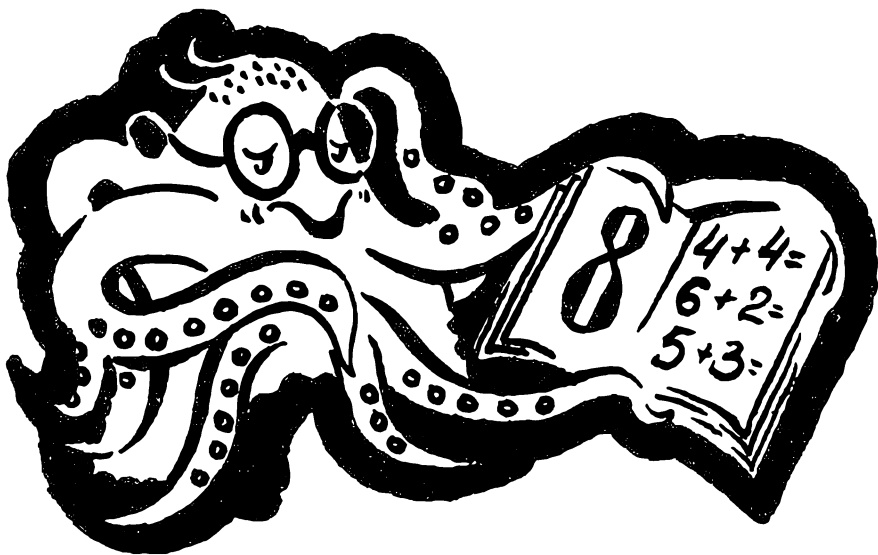
— Этого она не учла, — уныло сказал Осьминог. — Что ж теперь делать? Если я пропущу вас на остров А и окажется, что вам там нечего делать, то это будет её ошибка, не так ли? Я ведь не виноват, что не умею читать?

— Знаете что, милый Осьминог? — предложил Пётр. — Я вам оставлю здесь грамматику, книгу для чтения и арифметику...

— Арифметику тоже? — обрадованно воскликнул Осьминог и схватил книги, которые подал ему Пётр.

— Тоже. Вы можете тут прекрасно учиться, а я отправлюсь к дракону Бойсябою, который, как вы сказали, находится на острове А.

— Как я сказал? — удивился Осьминог, но его уже не очень интересовало, что будет делать Пётр. Он раскрыл учебник арифметики и уткнулся в него в полном востор-

ге. — Вы знаете, — признался он, — я очень хочу научиться считать. Ведь я даже не знаю, сколько у меня щупалец. Представьте себе, когда я стану образованным, я их сам сосчитаю. Вот будет здорово! — И он продолжал листать арифметику.

Пётр на цыпочках отошёл, прошептал самокату:

Самокот, не ленись,
Вертолётom обернись! —

и поднялся над морем.

Направление — остров А.

БОЙ С ДРАКОНОМ БОЙСЯБОЕМ

Как видите, Лиловая лилия, несчастный Краб и любознательный Осьминог, несмотря ни на что, уже позади. У Петра есть три золотых волоса Златовласки, три серебряных волоса Сребровласки, волшебная рукавичка, буква О, делающая невидимым, самокат, везущий его туда, куда он захочет, и мечта. А Чёрная дама носится где-то в Китовом море, ищет корабли с контрабандистами и пиратами и удивляется, что не может их найти.

Однако...

Однако дракон есть дракон. С драконом шутки плохи. А в особенности с таким драконом, одно имя которого вызывает страх, дрожь в коленках и поднимает волосы дыбом даже у тех мальчишек, которые не боятся и самого чёрта.

К такому вот дракону прилетел на вертолёте Пётр.
Выстоит ли он?

Я вижу, что некоторые из вас улыбаются: «Драконов, мол, теперь нет». Конечно, нет... Иванушки, которых неправильно называли дурачками, истребили их. На земном шаре драконов нет, но ведь Пётр не на Земле. Он на сказочной планете. Поэтому не улыбайтесь, не пожимайте плечами, а лучше пожелайте Петру удачи.

До цели остаётся совсем немного, а мы ведь не хотим, чтобы наша книжка окончилась так:

Пётр приземлился на острове А. Дракон Бойсябой ужасно заревел, раскрыл свою страшную пасть и проглотил мальчика как ни в чём не бывало. Потом он погладил брюхо и спросил:

— Кто следующий?

Это был бы плохой конец, правда?

Мы не смогли бы узнать, какая тайна скрыта в трёх бананах. Чёрная дама продолжала бы господствовать на планете Где-то Там, и ещё многое другое осталось бы без изменений. И может быть, только спустя некоторое время другой мальчик — его звали бы, возможно, Франта, Ферда или Вашек — встретился бы с Господином в чёрной шляпе, и всё началось бы сначала.

Тем временем Пётр долетел на своём вертолёте до острова А. Повсюду он видел суровые серые скалы. Среди скал зиял вход в огромную пещеру. Между вершинами скал была площадка, на которую спустился вертолёт Петра. Пётр вышел и надел на шею букву О. Будет лучше, если дракон его не сразу заметит. И вот Пётр уже слезает по камням прямо к пещере.

Вот если бы дракон спал!

Но он не спит. Он лежит у выхода из пещеры и кричит:

— Чёрной даме легко говорить! Следи, мол, чтобы к трём бананам не проник ни один человек. А как, собственно, выглядит человек? Как Чёрная дама? Или как ворон? А может быть, это какая-нибудь рыба? Раз так, я съем любого, кто бы ни пришёл, и дело с концом. — Дракон угрожающе захохотал, и из его пасти вылетело пламя. Он продолжал рассуждать вслух: — Это всё-таки тоска зелёная — быть всегда драконом, торчать в пещере, орать и извергать пламя. Я хотел бы быть жаворонком. Хоть на минутку я хотел бы стать жаворонком. Взлететь куда-нибудь к облакам и запеть. Но это никогда не исполнится. Мне придётся остаться драконом — последним драконом в сказке... Вот если бы я мог стать хотя бы воробышком

и чирикать! Или соловьём и заливаться где-нибудь в зелёной роще. Ведь я, собственно говоря, нежная душа. Но только нежная душа в драконьем теле — это, простите меня, чужь. Поэтому я — дракон Бойсябой. Того, кто меня боится, я сожру.

Пётр хотел было уже снять с шеи букву О и показаться дракону, но последняя фраза Бойсябоя его заинтересовала. Он решил ещё немного послушать.

— А что, если кто-нибудь не станет меня бояться? Что тогда? Это мне и самому интересно. Но этого я, наверное, никогда не узнаю, потому что дракона все боятся. И Чёрная дама всегда разговаривает со мной с приличного расстояния, чтоб я случайно, по ошибке не сожрал её на обед.

Теперь уже Пётр не выдержал, снял букву О и произнёс звонким голосом:

— Добрый день, дракон.

— Здравствуйте, — спокойно сказал дракон, но потом сообразил, что на его острове кто-то появился, и начал тарашить глаза, дико орать, извергать пламя и дым.

— Бойся, бойся! — заорал он что было сил.

— Я не боюсь, — спокойно ответил Пётр.

— Бойся! Бойся! — орал страшным голосом дракон.

— Я правда не боюсь, — возразил Пётр.

И так они продолжали, как двое мальчишек во время ссоры:

— Бойся!

— Не боюсь!

— Бойся, слышишь!

— А я не буду бояться!

Дракон перестал орать и попытался уговорить Петра:

— Бойся, ну хоть немножечко меня бойся.

— Не боюсь, — стоял на своём мальчик.

Дракон стал умолять:

— Ну прошу тебя, хоть чуточку меня бойся...

— Не боюсь, не боюсь, не боюсь, — вертел Пётр головой. Он всё время смотрел на дракона, и от него не ускользнуло, что при каждом его «не боюсь» тот немножко уменьшается.

И снова слышалось «бойся» и «не боюсь», пока Бойсябой не превратился в крошечного дракончика, худенького, маленького, почти прозрачного.

— Не боюсь, не боюсь, не боюсь, — продолжал Пётр.

Дракон был уже так мал, что походил на куклу.

— Перестань! — взмолился он. — Перестань, не то тебе придётся рассматривать меня в микроскоп.

— Хорошо, — согласился мальчик. — Но ты должен мне сказать, как попасть к трём бананам.

— Не могу, — заскулил дракон.

— Не боюсь, — начал снова Пётр.

Но дракон уже запищал:

— Подожди, я скажу. — Он грустно завертел глазами: — А ты меня правда не боишься?

Пётр набрал воздуха, чтобы ответить, но дракон перепуганно заскулил:

— Нет, не отвечай, я знаю, что ты меня не боишься. Это странно... К чему мне тогда быть драконом? Разве это достойно дракона?

— Ну, так скажешь? — прервал его Пётр.

Дракон грустно улыбнулся:

— Скажу, если нельзя иначе. Но что будет со мной? Разве можно, чтобы остров А сторожил такой карлик, каким стал теперь я?

— Я дам тебе рукавичку, — сказал мальчик.

— Мне не холодно, — с досадой ответил дракон и снова крикнул: — Бойся, бойся! — но тут же умолк, так как Пётр укоризненно на него посмотрел.

— Это волшебная рукавичка, — объяснил Пётр. — Я надену её тебе на лапу, и ты станешь жаворонком. Или воробышком. Или соловушкой. Кем захочешь.

— Так ты подслушивал? — рассердился Бойсябой.

— Ну что, не хочешь?

— Хочу, хочу... — согласился Бойсябой. — И тебе не жаль меня? Такой был прекрасный дракон! Ведь мой род сразу вымрет и по мужской, и по женской линии, представь себе только... — Потом он решил: — Давай сюда рукавичку. Буду чирикать, и дело с концом.

— А твой ответ?

— Ага. Ты хочешь попасть к трём бананам?

— Они на следующем острове? На острове М?

Дракон засмеялся:

— Ты бы сделал большую глупость, если бы поплыл на остров М. Там находится резиденция Чёрной дамы. И вообще это западня, из которой тебе никогда не выбраться.

Пётр сгорал от нетерпения:

— Так где же три банана?

— Ты видел трамплин на площадке в скалах? Видел. От этого трамплина ты должен как следует оттолкнуться и прыгнуть. Только так ты попадёшь на планету Где-то Там, на которой растут три банановых дерева.

— А ты не врёшь?

— Клянусь сердцем дракона...

— Тогда бери рукавичку.

Дракон надел рукавичку, что-то пробормотал и начал... расти... Через минуту он превратился... нет, не в жаворонка, и не в воробья, и даже не в соловья, а в хищную птицу кондора. Кондор взлетел, замахал крыльями и ехидно засмеялся:

— Ну, дурачок, я лечу за Чёрной дамой. Посмотрим, кто раньше успеет. Всё равно она тебя догонит! — И он улетел. С высоты он прокрипел ещё: — Посмотрим!

Пётр быстро взобрался на скалу, вскочил на трамплин, и трамплин подбросил его в воздух.

Пётр полетел, как диск.

Кто же полетит быстрее? Пётр или кондор с Черной дамой?

НЕ ТАК

Первый космический корабль долетел до Марса. Его экипаж обследовал всю планету, но Петра Панека не нашёл. И на Венере, куда прилетел второй космический корабль, не было даже следов исчезнувшего мальчика.

Папе Панеку пришлось со своей ракетой отклониться от заданного курса, потому что он попал в метеоритный

дождь. Он сделал вынужденную посадку на какой-то планетке вблизи Деймоса, спутника Марса.

Из ракеты он вылез сердитый и раздражённый. На Земле его ждет куча дел, а он должен мотаться по Вселенной за этим противным мальчишкой. Ну и задаст же он ему перцу, да ещё с процентами, как только Пётр найдётся!

Найдётся? Если бы у него была хоть капля уверенности... К тому же он и представления не имеет, где приземлился. Во время метеоритного дождя им владела только одна мысль: поскорее выбраться из этой лавины.

Но вскоре он повеселел, увидев, что на планете есть какая-то жизнь — об этом свидетельствовал растительный мир.

Он внимательно огляделся вокруг, потом вернулся в ракету за своей суперстереомикрокамерой. снова вылез и начал без конца щёлкать затвором... И правда, здесь было что фотографировать! На стебельках ландыша росли вишни, ананасы раскачивались на стеблях тюльпанов, большая акация была усыпана земляникой, у кактусов вместо шипов росли веточки, на которых висели яблоки или груши. Картофельная ботва склонялась почти к земле под тяжестью апельсинов.

— Есть тут кто-нибудь? — закричал пан Панек, сложив руки кулёчком.

— Кто-нибудь здесь должен быть, — слышалось за ним, после чего голос закричал: — Если бы здесь не было никого, кто бы тогда вам ответил?

Отец Петра повернулся на сто восемьдесят градусов и увидел высоченного верзилу. На вид ему было не старше двадцати лет, но волосы у него были совсем седые.

— Откуда ты взялся? — запищал верзила тоненьким голоском.

Папа Панек сразу вспомнил цель своего путешествия, ему стало стыдно, что он увлёкся фотографированием, и он выпалил:

— Я ищу Петра, своего сына, маленького мальчика... Он не прилетал сюда?

Молодой человек с седыми волосами нахмурился и весело покачал головой:

— На Не Так мальчишки не летают.

«Ага, — сообразил пан Панек, — эта планета называется Не Так». И он сразу объявил верзиле шах следующим вопросом:

— А куда они летают?

— Когда вы в последний раз читали сказку? — не сдавался житель планеты Не Так. Папа Панек начал вспоминать:

— Это было... это было... давным-давно. У меня нет времени для сказок, я очень занят.

— Вот видите, — враждебно и в то же время примирительно сказал верзила, — поэтому вы не можете знать, куда улетел от вас Пётр. — Голос его был нежным, как грохот водопада. — Куда же он мог улететь, как не на сказочные планеты?

— А где это? — торопил пан Панек верзилу с ответом. — Где-нибудь возле Юпитера? Или, может быть, возле Сатурна? — И он решил: — Сейчас же запущу ракету и полечу за ним!

— Я бы вам не советовал, — зачирикал громадный парень. — Вы заблудитесь и никогда туда не попадёте.

— У меня есть компасы, электронно-счётные машины, карты Вселенной, путеводители по планетам и родственным им телам, высотомеры, барометры, радары и масса других приборов и справочников, — победно заявил отец Петра. — Неужели я не попаду на сказочные планеты?

— Этого мало, этого совсем недостаточно. — Пану Панеку вдруг показалось, что тихий голосок верзилы гремит на всю Не Так. — Возвращайтесь домой. На сказочные планеты не попасть тому, кто забыл о сказках. А если он даже и попадёт туда, он не сумеет там сориентироваться. Вы меня поняли?

Верзила неуклюже повернулся и ушёл. С каждым шагом он заметно уменьшался — сначала стал таким, как пан Панек, потом как Пётр, потом как карлик, как хомячок, как полевая мышь, и, наконец, вдаль покатился человечек с горошинку.

Что же оставалось делать пану Панеку?

Он запустил ракету и полетел домой.

Пётр приближался к своей цели.

Он уже видел маленькую круглую планетку, густо поросшую деревьями, кустами, лианами и цветами. Одновременно он заметил вдали чёрное облачко. Он сразу подумал: это Чёрная дама с кондором и со свитой воронов и грачей.

Планета быстро приближалась, но и чёрное облако тоже не стояло на месте.

Дррр.

Пётр упал в густую траву и перекувыркнулся через голову. Потом он поднялся и увидел, что стоит перед первым банановым деревом.

Чёрная туча приближалась со свистом и воем.

Пётр взобрался по стволу дерева, привязал к банану серебряный волосок Сребровласки и золотой волосок Златовласки, дёрнул — и банан упал ему в руки.

Чёрная туча гудела и завывала.

Пётр быстро влез на второе дерево, снова привязал золотой волосок Златовласки и серебряный волосок Сребровласки к банану, потянул — и банан чуть не ударил его по голове.

Чёрная туча шипела и рычала. Пётр уже различал Чёрную даму на лёгкой колеснице, запряжённой воронами и грачами. Кондор летел над колесницей и яростно стрекотал.

Пётр быстро, как только мог, влез на третье дерево. К одному концу третьего банана он привязал золотой волосок Златовласки...

Бум!

Колесница с налёту упала на траву. Чёрная дама побежала к первому банану. Она остановилась и крикнула:

— Погоди, Перт!

Но Пётр не послушал её и продолжал привязывать серебряный волосок Сребровласки к третьему банану.

— Не срывай, Перт! — кричала Чёрная дама. — Я дам тебе всё, что ты захочешь.

Пётр на секунду остановился, но тут же потянул за волоски — и уже держал в руках последний банан.

Чёрная дама как раз подбежала к третьему дереву:

— Отдай мне бананы, Перт. Я приказываю тебе!

— Не отдам.

— Прошу тебя.

— Не отдам.

— Тогда я их возьму сама. — И она начала взбираться на банановое дерево.

Мальчик быстро надел на шею букву О. Но Чёрная дама только засмеялась:

— Я вижу тебя, Перт. Я вижу тебя и с буквой О. От меня не скроешься.

Пётр спрыгнул с дерева и побежал к самокату. Вороны и грачи долетели ему навстречу, окружили его, замахали крыльями. А Чёрная дама уже слезала с дерева.

Пётр подбежал к самокату, хотел превратить его в реактивный самолет, но вспомнил, что у него нет рукавички. Он встал на самокат и прошептал:

Поднимись, мой самокат, скорее ввысь,
К Господину в чёрной шляпе торопись!

Самокат поехал по траве и взлетел в воздух. Но Чёрная дама быстро села в колесницу, кондор, вороны и грачи схватили вожжи и пустились вслед за самокатом.

— Остановись! — визжала Чёрная дама. — Зачем только я сохраняла этот самокат! Стой, давай договоримся. Дай мне хотя бы один банан!

Пётр вцепился в самокат, повторяя:

Поезжай, как тысяча коней,
Чтобы не попасть нам в лапы к ней!

Самокат летел как только мог, но колесница с Чёрной дамой не отставала ни на шаг.

Они пролетели остров А, на котором возвышались тёмные голые скалы. И вот они летят уже над островом Т. На скамеечке из водорослей с достоинством восседает Осьминог, глядя сквозь очки в учебник арифметики и что-то выкрикивая.

Пётр поспешил дальше, а Чёрная дама спустилась в колеснице к Осьминогу, надеясь, что он даст ей совет, как перехитрить Петра.

— Я уже знаю, я уже знаю! — торжественно воскликнул Осьминог.

— Тогда скажи! — приказала Чёрная дама.

— Я знаю, сколько у меня щупалец, — взволнованно сказал Осьминог. — Я их только что сосчитал.

— Болван! — рассердилась Чёрная дама и щёлкнула кнутом над воронами и грачами.

Те быстро взлетели. Колесница снова помчалась как молния.

И самокат летел быстро, но чёрная колесница уже догоняла его.

Вот они пролетели над островом О. Краб сидел на песке и смеялся.

Чёрная дама снова спустилась на островок.

— Дай мне совет! — кратко приказала она Крабу.

— Сейчас, сейчас, — сказал счастливый Краб и завёл часы, которые сразу начали играть красивую песенку.

— Что это? — нахмурилась Чёрная дама.

— Счастливая песенка, — улыбнулся Краб.

— Тупица! — крикнула Чёрная дама и помчалась дальше. — Мне не нужна счастливая песенка, мне нужен Перт с бананами!

Она почти догоняла самокат. Но самокат летел как раз над первым островом Т, откуда махали руками Сребровлашка и снеговика.

Чёрная дама спустилась на заснеженный остров. Она распорядилась:

— Дайте мне совет, как перехитрить Перта!

Но Снеговик не промолвил ни слова и только слегка, чтобы никто не заметил, подул в сторону колесницы.

Поскольку все молчали, Чёрная дама села в колесницу и крикнула своей птичьей упряжке: «Но-о!»

Вороны стали тянуть, грачи стали тянуть, кондор стал тянуть, а колесница — ни с места. Даже не шелохнулась. Она примёрзла к острову.

Чёрная дама молниеносно сняла с головы чёрный платок, бросила его на воронов, грачей и кондора, села на платок, и её новый экипаж взлетел.

А Пётр покамест выиграл время. Он был уже над островом Е. Но платок с Чёрной дамой ускорил темп и снова преследовал его по пятам.

На острове пылали костры, и Огнеус помахал Чёрной даме.

Чёрная дама опустилась на остров и попыталась договориться с Огнеусом и Златовлаской по-хорошему:

— Может быть, вы мне поможете? Как мне догнать Перта с тремя бананами?

Огнеус ухмыльнулся идохнул на платок. Платок в один миг вспыхнул ярким пламенем.

Чёрная дама затопала ногами и закричала:

— Все вы с ним заодно! Предатели! Чем он вас подкупил, бездельники?

— Знаете чем? — спокойно сказал Огнеус. — Он был к нам добр и помог нам. Но вам этого никогда не понять.

— Сейчас я очень тороплюсь, — быстро сказала правительница Где-то Там. — Но когда вернусь, всем вам несдобровать!

Она сломала большое дерево, что-то над ним пошептала, а потом села на него верхом и полетела за Петром, как ведьма на помеле.

Пётр тем временем пронёсся над островом Д и, не сбавляя скорости, полетел дальше.

Чёрная дама на стволе дерева затормозила над Лиловой лилией, выхватила у неё бинокль и посмотрела, куда направляется Пётр. Она увидела: Пётр поворачивает самокат и возвращается на остров Е.

— За ним! — воинственно воскликнула она и полетела, как ракета, назад, на огненный остров.

Но самоката с Петром нигде не было.

Она оглянулась и увидела Петра уже над первым из островов, ведущих к планете Где-то Там.

— И бинокль мне лжёт, — разозлилась Чёрная дама и отправилась дальше на своём летающем дереве.

А Пётр пока что выиграл ещё немного времени — он уже над гладью Китового моря. Но Чёрная дама всё-таки летит быстрее. Вот она приближается к нему, уже настигает, уже скоро схватит... Что тогда?

Пётр берёт в руку букву О, которая всё равно не прячет его от глаз Чёрной дамы, и бросает её за спину, как мяч.

Чёрная дама наталкивается на О, вскрикивает: «О-о!» — и летит в пучину моря.

К ней подплывает кит и бубнит:

— Купаетесь, купаетесь?

Чёрная дама боится, что собственный кит проглотит её. Она превращается в кита и вежливо отвечает:

— Купаюсь, купаюсь.

— Однако, однако, — удивляется кит и тут же серьёзно замечает: — Купаться запрещено, купаться запрещено!

У Чёрной дамы рябит в глазах, она чувствует, что теряет силы и что, возможно, и её волшебная сила начинает понемногу иссякать. Она влезает на кита, что-то шепчет, у кита вырастают крылья, и он, как дирижабль, взлетает вслед Петру.

— Куда летим, куда летим? — испуганно спрашивает кит.

Но Чёрная дама не отвечает. Она беспощадно преследует самокат.

Самокат тем временем уже направляется к пристани в Вон Там. На молу стоят Грацы с обжорливым мальчишкой и попугаем. Они забыли о своих ссорах, обжора не требует еды, все следят за полётом самоката и кита.

Пётр машет им рукой. «Вот если бы они могли хоть немножко задержать Чёрную даму!..» — в отчаянии шепчет он про себя, потому что она уже снова почти настигла его. Но Чёрная дама совсем не настроена останавливаться у Грацев.

Пан Грац-старший держит в руке гарпун, который он только что купил для своей коллекции. Он с сожалением смотрит на этот кованый гарпун, ценное приобретение для его дома, потом бросает его мощным движением вслед киту. Гарпун вонзается в кита, тот делает несколько мёртвых петель и падает в море — примерно в пятидесяти метрах от берега.

Пётр летит дальше. Вдали он уже видит замок Мяу.

Чёрная дама упала в воду вместе с китом. Тут же появился второй кит и забубнил:

— Куда вы упали, куда вы упали?

Но разъярённая Чёрная дама даже не отвечает, она из последних сил взбирается на другого кита, снова что-то шепчет и вот уже летит вслед Петру.

Замок Мяу как раз осаждают кошки. Псы стойко обороняются. Вокруг замка расставлены ловушки для псов, а в них сидят кошки, которые по ошибке попали в капканы, изобретённые кошачьим советником Остроушеком.

Но в этот момент битва приостанавливается, псы замирают рядом с кошками, кошки рядом с псами, все смотрят на небо, следят за полётом самоката и кита. Большая овчарка залаяла, и вслед за ней начали лаять, тявкать и выть все псы. Кошки присоединились к ним своим мяуканьем. Казалось, что для них полёт Петра и Чёрной дамы значительно важнее, чем их распря.

Снова Чёрную даму на ките отделяют от Петра лишь несколько метров. Пётр в отчаянии. В любой момент Чёрная дама может его настичь! Правда, с ним ей, наверное, не удастся расправиться, но бананы она отберёт. Стоило ли подвергаться таким опасностям, чтобы в конце концов потерпеть поражение?

И вдруг он вспомнил!

И знаете о чём?

Он вспомнил о фразе капитана с Корабля Мечты:

«Но помни: этот пакетик не развязывай до тех пор, пока тебе не станет труднее всего».

Ведь у него есть пакетик с мечтой о трёх бананах!

Может ли ему быть ещё труднее? Нет, не может. Сейчас самая большая опасность — кит почти касается заднего колеса самоката.

Пётр лезет в портфель за пакетиком, открывает его и...

Раздаётся музыка, из пакетика вываливается белый туман, в этом тумане Пётр уже не видит Чёрную даму, а Чёрная дама — Петра; Пётр натывается самокатом на какое-то препятствие и мягко падает. Чёрная дама с бешеной скоростью летит на ките дальше.

...Пётр упал на землю. Он спустился легко, как пёрышко.

Но в какой же это чудесной стране он оказался?

Здесь растёт бумажная трава, деревья из бумаги, стоят дома из бумаги, летают бумажные птицы, пролегает бумажная дорога, вдоль которой стоят бумажные столбы.

Пётр поднимается и едва не наталкивается на бумажного старичка, который пасёт здесь бумажных лошадей.

— Где я? — протирает Пётр глаза.

— Там, где ты есть, — отвечает старичок бумажным голосом, выпуская из бумажной трубки бумажный дым. — Лучше скажи мне, где бы ты хотел быть?

— У Господина в чёрной шляпе, — шепчет Пётр.

— Нет ничего проще, — смеётся старичок бумажным смехом, — ведь ты в бумажной стране. Топни ногой, и ты попадёшь туда, куда захочешь.

Пётр топнул и провалился...

Да, он провалился прямо на крышу дома, а через крышу дома прямо в комнату к Господину в чёрной шляпе. На стене комнаты висела табличка с четырьмя буквами: Г. В. Ч. Ш.

Господин в чёрной шляпе посмотрел на потолок, потом на Петра и крикнул:

— Ты что, не мог прийти через дверь? Где я теперь найду мастера?

ТАЙНА ТРЁХ БАНАНОВ

Пётр вытаращил глаза на Господина в чёрной шляпе (он и дома сидел в головном уборе). На нём было длинное чёрное платье, лимонно-жёлтый галстук-бабочка и лимонно-жёлтые туфли. В руках он держал короткую тросточку с серебряным набалдашником. Но его крик при встрече не превратился в угрозу: господин радостно улыбнулся.

— Я принёс три банана! — выпалил Пётр.

— Я знал, что ты сумеешь это сделать, — удовлетворённо кивнул господин. — Садись и можешь их сразу съесть.

— Но... (Слова застряли у Петра в горле.)

— Ну, что же ты? — Улыбка Господина в чёрной шляпе стала теперь лукавой. — Разве ты не любишь бананы?

— Я думал, что это волшебные бананы... — удивился мальчик. — Что в них что-то скрыто. Что случится что-нибудь невероятное, когда я их принесу. — Он едва не плакал.

— Спокойно, Петржичек. — Голос господина с тросточкой был мягким, каждое его слово поглаживало. Но Пётр никак не мог успокоиться:

— Я хотел помочь Грацам, и псам, и кошкам, и...

— Я знаю, — успокаивал его господин. — Но ты это уже сделал.

— Как?

— Ты освободил планету Где-то Там и другие сказочные планеты от Чёрной дамы. Теперь она летит по Вселенной, как чёрный метеор, — астрономы на Земле наверняка уже её заметили. Она уже никого не будет угнетать на сказочных планетах. Сейчас, как раз в эту минуту, псы помирились с кошками, к братьям Грацам вернулся их прежний вид, пан Вау ушёл из цирка и готовит экспедицию на Где-то Там — всё в порядке. Это потому, что ты был смел и добр.

— Как странно, — задумался Пётр и, сам того не замечая, очистил первый банан и откусил его сладкую желтоватую мякоть. — А три банана...

— Три банана — это три банана, — решительно сказал Господин в чёрной шляпе. — Это было просто твоё сказочное задание, которое ты сумел выполнить. Я теперь решил давать детям побольше таких заданий. Ведь дети любят сказки. Или, может быть, нет?

— Любят, — уверенно ответил Пётр, доедая второй банан.

— Вот видишь. А теперь ты можешь спокойно вернуться домой — твои родители и так уже волнуются.

Пётр как раз доедал третий банан; он оказался самым вкусным.

— Я очень хочу домой, — сказал он.

Господин ласково улыбнулся:

— Возьми мой чёрный зонтик, и через минуту ты будешь на Сказочной улице. А если тебе что-нибудь понадобится, Пётр, или если чего-нибудь захотят твои друзья, ты знаешь, где меня найти.

— Где?

— В сказке...

Пётр попрощался с Господином в чёрной шляпе, открыл зонтик, оттолкнулся от порога домика, как десантник, прыгающий с парашютом из «Ила», и полетел.

Он летел и летел.

И наконец долетел до Сказочной улицы, номер восемь.

Там в это время монтеры чинили лифт, который, как гром с ясного неба, появился на своём месте. (Наверное, до тех пор он ждал Петра на станции пересадки — а вдруг бы он ему понадобился!) А папа Петра как раз вернулся с планеты Не Так. Он был очень грустный, потому что не нашёл своего сына. Задумавшись, он стоял возле дома и не хотел входить. В руке он держал большой пакет с книгами. Заголовок одной из книг просвечивал через белую бумагу, в которую книгу завернули в магазине:

СКАЗКИ

Гоп! — приземлился Пётр с чёрным зонтиком возле папы.

Пан Панек очень обрадовался. Но тут же стал бранить Петра:

— И где тебя носит, негодный мальчишка? Разве так можно? Подумай только! Ох и всыплю я тебе по первое число!

Он говорил без остановки минут десять — и это было целое событие, потому что папа Петра никогда раньше столько не говорил. И только потом он обнял сына и на радостях дал ему подзатыльник.

— Но ты должен мне всё подробно рассказать! — погрозил ещё папа пальцем.

Пётр кивнул.
Он так у-с-т-а-л...
Спокойной ночи, Пётр. Спокойной ночи.
Главное, что всё хорошо кончилось.

СООБЩЕНИЕ

В «Пионерской газете» через несколько дней появилась следующая заметка:

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО КОСМОНАВТА

Согласно сообщению, переданному по телефону нашим корреспондентом Франтишеком Кебрлы, ученик второго «Б» класса Пётр Панек возвратился из своего путешествия по Вселенной. Говорят, что он открыл несколько новых планет, которые называются сказочными. На существующих картах звёздного неба они пока не обозначены. По данным искры Панека, на этих планетах идёт совершенно нормальная сказочная жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начинаем в лифте	3
В космос	8
Станция пересадки	10
В «Малой Медведице»	17
Не Там	20
Арифметический пример	25
Цирк	27
Дуэль	37
Путь в Вон Там	45
У тютелек	52
Где же танцовщица?	56
Наумосфера	60
В Мая	66
Как может захлопнуться капкан для псов	73
На Шепелявой улице	76
Паноптикум	82
Мы разоблачили пса!	87
Тем временем на Земле	90
В голодной тюрьме	91
Корабль мечты	97
Пан Грац-старший и пан Грац-млад- ший, не говоря уже о Граце самом младшем	104
Таинственная надпись	109
Китовое море	114
На покинутом острове	120
Лиловая лилия	124
Огнеус и три золотых волоса Злато- власки	126
Снеговик и три серебряных волоса Сребровласки	129
О крабе, который плакал	134
Осьминог и арифметика	137
Бой с драконом Бойсябоем	140
Не так	144
Три банана	147
Тайна трёх бананов	154
Сообщение	158

УДК 821.162 3-3-93
ББК 84(4Чех) 444
С47

Иллюстрации Натальи Антокольской

Слабый, Зденек Карел

Три банана, или Пётр на сказочной планете: [для млад. шк. возраста] / Зденек Карел Слабый; пер. с чешского Пархомовской С. И.; [ил. Н. Антокольской]. — М.: Самокат, 2013. — 160 с.: ил. — (Книга нашего детства) ISBN 978-5-91759-142-1

Зденек Карел Слабый (род. 1930) — известный чешский прозаик, литературный критик, музыкальный публицист, переводчик и один из любимых писателей нескольких поколений не только детей, но и взрослых. Подлинная популярность пришла к автору после выхода мультфильма, а за тем и книги «Три банана, или Петр на сказочной планете», до сих пор современной сказки, где волшебство сочетается с реальностью, межгалактические просторы бороздят в основном огнедышащие драконы и неработающие лифты, а смелость, настойчивость и верность побеждают любые препятствия и страхи

*Любое использование текста и иллюстраций
разрешено только с согласия издательства*

Защита прав и интересов ИД «Самокат».
ООО Юридическое агентство «Копирайт» www.juragent.ru.

Tři banány aneb Petr na pohádkové planetě, 1964

© Zdeněk Karel Slabý c/o DILIA

© Пархомовская С. И., перевод, 1964;

Пархомовский С. Э. (наследник), 2012

© Антокольская Н. П., иллюстрации, 1966

© ООО «Издательский дом «Самокат»,

издание на русском языке, 2013

Литературно-художественное издание

Зденек Карел Слабый

ТРИ БАНАНА,

ИЛИ

ПЁТР НА СКАЗОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ

Для младшего школьного возраста

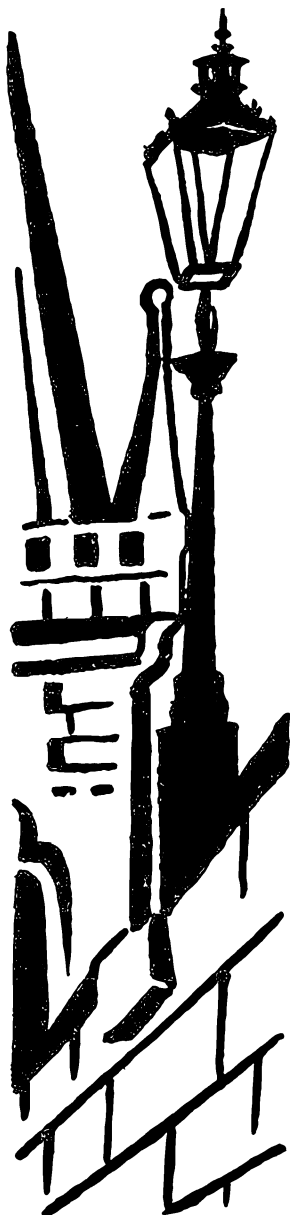
*В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком*

Перевод с чешского Сусанны Пархомовской. Иллюстрации Натальи Антокольской. Корректор Надежда Власенко. Выпускающий редактор Евгения Новикова. Арт-директор Татьяна Кормер. Директор издательства Ирина Балахонова

Регистрационное свидетельство № 002 72 021 от 21 12 2001.
ООО «Издательский дом «Самокат». 101000, Москва, а/я 487.
www.samokatbook.ru

Подписано в печать 1 10.2012 Формат 70×90/16.
Усл. печ. л. 11,7 Тираж 5000 экз. Заказ № 2682

ЗАЕХЕК КАРЕА СЛАБИ

ЗАДЕНЕК КАРЕЛ СЛАБЫЙ

THE

